

**Несколько слов и речей с присовокуплением
Притчи о неправедном домоправителе
архиепископ Софония (Сокольский)**

Речь Святейшему Синоду при наречении во Епископа Новомиргородского 28-го Февраля 1863 г.

Святейшие Отцы и богомудрые Иерархи!

Один из великих рабов в дому Божиим, призываемый свыше на дело служения в Церкви ветхозаветной, дерзнул пять словес противовещать воле Бога отцов своих, с притрепетностью уклоняясь от указуемого ему служения.

Если бы последний раб Христов, – низжайший послушник Вашего Святейшества, – стал смотреть на дело Божие с той же стороны, с коей смотрел на него древний Боговидец, то и он, призываемый на чреду нового служения в Церкви благодатной, многое мог бы противопоставить милостивому определению о нем святейшего Собора и державной воле Монарха, – отказываясь, между прочим, от высокого служения завету благодати и сознанием своего недостойнства, и скудости жизни духовной, и немощением плоти, и преклонностью лет.

Но не для того предстал я пред священный сонм святителей, приседающих кормилу Церкви Христовой. Я предстал пред него не для прекословий в столь торжественную минуту, – не для того, чтобы отказываться от дела и делания, но, чтобы отозваться на зов его, как на зов Божий, словами Пророка: глаголи Господи, яко слышит раб Твой (1Цар. 3:10), отозваться сыновним послушанием и всецелой готовностью, работать в вертограде Христовом до позднейшего вечера, и петь Богу моему, дóндеже есмь (Пс. 103:33).

Не удивляйтесь, богоизбранные преемники служения и власти Апостольской, что слово решимости высказано мной скоро и без обычных обинований и уклонений. Кому не известно, что если в чем открывается для земнородных воля Божия, то это, по преимуществу, в единомудренном согласии святейших отцов Церкви и в богоправимой воле помазанника Божия? Мне ли же, после сего, уклоняться от святых и премудрых определений Бога Вседержителя, – мне ли, который многоразличными опытами немаловременной жизни не мог не навыкнуть смириться под крепкую руку Божию (1Петр. 5:6) и веровать, что и буге Божие премудрее человека есть (2Кор. 1:25)? Мне ли, которому суждено было слишком много обтечь не только градов и областей, но и земель и народов, и слишком много видеть разных случаев в жизни человеческой, чтобы не

убедиться внутренне, что всегда и везде путь, начертываемый перстом Всемогущего, хотя бы казался иногда и узким, и стропотным, несравненно благонадежнее и спасительнее для нас, чем все те самодельные, блестящие стези, кои измышляет и начертывает нам наш собственный разум, под влиянием мирских расчетов и мудрости житейской?

И вот почему, с благоговением преклоняя колена пред неисповедимыми судьбами Того, Который один разделяет служения в Церкви своей (1Кор. 12:5), якоже хочет, не только ничего не говорю вопреки воли Самодержца и богомудрого Собора, но и с благодарением приемлю павший на меня жребий служения Господеви.

Не сокрою, что с давнего уже времени, по мере того, как круг служебных занятий моих, вне отечества, становился теснее и единообразнее: в сумрачной перспективе жизни моей, более и более виднелись мне не жезл иераршеский и не увясло епископское, но старческий посох простого инока и схимнический кукуль на горе святой. Туда, под покров Пречистыя, утро и вечер стремилась одинокая душа моя, снедаемая грустью по отчизне земной и небесной. Там, как в необуреваемом пристанище, думал я уже в последний раз и навсегда остановить свой утлый челн житейских плаваний, и, среди покаянного безмолвия, окончить в мире и безмятежия дни жизни скитальческой. И как сладки были эти тайные думы, эти сокровенные надежды! Как нередко служили они не только единственной отрадой, но и как бы животворным елеем для духа моего, непривыкшего к покою без трудов, и видимо мертвевшего без занятий урочных и обязательных?

Угодно же было благому Промыслу отменить эту стезю мою, и указать иную. Угодно было благосердому Домовладыке и меня, доселе праздна, стояща на торжищи, послать чуть ли уже не в двенадцатый час моего жизненного дня, – послать в виноград свой (Мф. 20:6,7), да делаю в нем дело Божие, дónдеже свет есть (Иоан. 12:35). О, да будет ему вечная слава, вечное поклонение и благодарение!

К вам же, святейшие Отцы и Иерархи, со благодарением дерзаю вознести и моление. Ваша богопросвещенная святыня и любовь, вся терпящая и вся покрывающая (1Кор. 13:7), удостоили меня поставить пред Господом и дать мне жребий служения (Деян. 1:23,25,26) слову благодати, – жребий, который и пал на меня. Но чрез эту благостыню вашу не сокрылась от вас присущая мне немощь естества и духа и тела моего. Да вознесутся убо, – припадаю к святительским стопам вашим, – да вознесутся от той же отеческой любви вашей прилежные и единокорные молитвы, да Бог и Отец Господа нашего удоволит и меня, недостойного,

быть служителем, святейшего завета благодати (2Кор. 3:6) и по заслугам великого и вечного Архиерея, едином бо приношением совершившего во веки освящаемых (Евр. 10:14), да подаст в мне, немощнейшему, силу и благодать Пресвятого Духа, да не бесплоден явлюсь на духовной ниве благодатного делания, и не вотще прииму общение служения Христова еже во святых (2Кор. 8:4), но да принесу хотя некий плод во благо Церкви и во славу Троиединого.

Слово при первом служении в Херсонском соборе 9-го мая 1863 года, в день Вознесения Господня и по принесении в город чудотворной иконы Богоматери из селения Касперовки

Устроением благого Промысла, первое появление моего недостойнства среди вас, братия и чадца мои о Господе, совпадает с великим и особенным торжеством Церкви сего богоспасаемого града.

Светел и радостен нынешний праздник вознесения на небо Христа Спасителя нашего; но святая Церковь града сего, присовокупляет к нему еще празднество не менее светлое и радостное.

Духовно созерцая в радостных песнях дня сего, восшествие, среди восклицаний, на небеса небес Царя славы, Господа и Бога нашего Иисуса Христа, ныне же верные града сего имели святую радость и телесными очами видеть пришествие к нам Богоизбранной Девы Богородицы, в чудотворной Ее иконе.

Таким образом, исшедши как бы на Елеон, чтобы с сонмом Апостолов боголепно поклониться восходящему на небо Сыну Божию, и принять от него торжественное благословение, как от Владыки неба и земли, в тоже время все мы сподобились благоговейно поклониться пришедшей к нам и Матери Бога-Слова, и принять благодатное осенение от дивного образа Ее, как Царицы Ангелов и человеков. Но к столь сугубому торжеству града и Церкви ныне произошло и еще одно празднование, невольно восторгающее духовной радостью сердца верных. Это есть празднование в честь и память одного из великих угодников Божиих, Святителя и чудотворца Николая.

Такая необычность стекшихся празднеств, чем неудержимее движет к слову и сердце, и уста, тем справедливее дух мой останавливается и недоумевает, какое слово назидания изнести вам, братия, чтобы, возвышая и восполняя общую радость многопразднственного дня, не утомить и без того уже утомленные силы и духа, и тела вашего¹. Да и не говорят ли о себе, сами собой многое, в своих духовных песнях и пениях, – не говорят ли, чуть ли не красноречивее иного живого слова, и это досточудное восшествие на небо с плотью Святейшего Богочеловека, восседающего одесную престола силы Божией, да пошлет нам оттоле Утешителя Духа, и

это всерадостное явление к нам Препоблагословенной Заступницы, приносящей с собой живой в приснотекущий источник благодати и щедрот для всех, прибегающих к Ней с мольбой и верой, и эта преславная память дивного чудотворца, подающего всему миру многоценное милостей миро и неисчерпаемое чудес море. Итак, да позволено будет мне, только что пришедшему к вам во имя Господне, ограничить на сей раз беседу мою кратким словом Евангельского приветствия, по заповеди Господней.

Припомните, братия, что Спаситель мира, Сын Божий, посылая в мир Апостолов возвестить миру мир, снесенный Им с неба, и приблизившееся Царство благодати, между прочим, заповедал им приветствовать те дома, в кои они входить будут, миром: входяще же в дома, целуйте его глаголюще, мир дому сему (Матф. 10:12). Святые Апостолы, свято исполняя слово и заповедь своего Божественного Наставника, так и делали. Куда ни проникали они с радостной вестью о спасении грешников, везде и всегда, письменно и устно, к целым обществам и отдельным домам, первое всего изрекали мир.

Да и чем лучше можно было благовестникам мира и примирения начинать дело свое среди примиряемых, как не возглашением к ним мира? Чем лучше и моему недостойнству, призванному продолжать Апостольское служение среди верных града сего, – чем лучше и приличнее начать сие служение, как не тем же словом мира?

И вот, вступая под кров сего дома Божия, чтобы вступить в духовное общение с вами, возлюбленные братия и чадца мои, приветствую вас миром, и изрекаю этот мир, как бы пред лицом самого Бога мира (Филип. 4:9).

Но что это за мир, составлявший и составляющий предмет Апостольских приветствий? Не есть ли это тот мир, который есть и в мире, и считается во всех странах света благом не только не последним, но и основным для благоденствия семейств и народов? Не есть ли это мир обыкновенный, принимаемый в смысле взаимного согласия, дружества и единодушия людей, живущих вместе, и обыкновенно противопоставляемый распрям и раздорами? Конечно, братия, нельзя отвергать, что и такой мир действительно есть благо, и благо весьма немалое и отрадное для человека, столько злостраждущего от непрерывного междоусобия и вражды со всем, что вне его, и даже в нем самом: се что добро, или что красно, восклицает боговдохновенный царь, ублажая этот мир, после многих неизбежных браней, – се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе (Псал. 132:1), т. е, согласно, дружелюбно, любвеобильно. Итак, несправедливо

было бы исключать этот мир из мира Христова, хотя еще и нельзя сказать, что это есть мир, заповеданный Христом.

Кому неизвестно, что этот мир и утверждается иногда в видах своекорыстных, и поддерживается под влиянием житейских расчетов и мудрости века сего, и потому бывает, большей частью, только наружно-видимый, без участия сердца, и, следовательно, без сочувствия к взаимным интересам миротворимых сторон. Под таким миром не редко таятся вражды самые затверделые, вековые, – обдумываются и созревают замыслы самые злобные, разрушительные. Может ли это быть миром Христовым? Но сего не довольно.

В мире есть и такой мир, который сопровождается условиями и требованиями, не только исключаящими всякое уважение к справедливости и личным правам человечества, но и явно посягающими на разум и волю Божию. Само собой следует, что и приобретение, и удержание такого мира, сколько с одной стороны, трудно, а иногда и невозможно, хотя бы мы стремились к нему искренно и всеми силами, столько же, с другой – не вожделенно, потому что уничижительно и богопротивно. И конечно, это есть тот самый мир, от которого предостерегает богомудрый учитель языков, говоря: со всеми человеки мир имейте, аще возможно. (Рим. 12:18). Может ли же и это быть миром Христовым.

Но пусть будет этот мир мира с лучшими свойствами и побуждениями, и, следовательно, более достойный чтобы нам желать его, как блага высокого и многоценного. И в сем случае он не может еще быть для нас в таком размере благожелателен, в каком должен быть мир Христов. Мир, как согласие с другими, при всем своем совершенстве, не совершен, потому что односторонен. Объемля одну лишь внешнюю сторону жизни человеческой, он не может вполне удовлетворять всем потребностям существа нашего, не может успокаивать нашего духа. Мало ли есть людей, которые хранят глубокий мир со всеми, а между тем, как часто ощущают в себе самих страшную тревогу и беспокойство, страшную борьбу со своей совестью? От чего же это? От того, что этот мир, и в лучшем смысле понимаемый, есть только внешний, и так сказать, земной и человеческий; тогда как мир Христов есть внутренний и внешний, духовный и Божий.

Мир Христов есть спокойствие духа нашего, приобретаемое под влиянием Духа благодати, и не возмущаемое никакими превратностями мира. Состоя в невыразимо сладостном ощущении внутреннего самодовольства, этот мир не исключает и того мира, о котором мы

говорили, а на против предполагает его, как необходимое условие, и не только предполагает, но соединяясь с ним, возвышает, усовершенствует и освящает его, сообразно тем началам, из которых истекает сам он.

Источное начало мира духовного и Христова заключается, с одной стороны, в непрерывном самоотвержении и умерщвлении плотских страстей и похотей, воюющих в нас на дух наш, а с другой, – в неослабном стремлении к точнейшему согласованию всех наших мыслей и желаний, намерений и дел с волей Божией. Скажу полнее: жизнь проникнутая крепкой, как смерть, верой в Господа Иисуса Христа, и побеждающая сею верою (Иоан. 5:4) все прилоги и искушения ума кичливого и маловерного; жизнь, сопровождаемая непрерывной борьбой со грехом и со всеми его временными сладостями и обольщениями (Евр. 11:25); жизнь, протекающая среди подвигов и доблестей евангельских, ищущая во всем не своих си, а я же суть Божия (Филип. 2:21; Мф. 16:23), – ищущая не удовольствий и наслаждений, не почестей и отличий, а единого на потребу т. е. царствия Божия и правды его (Мф. 6:33); словом: жизнь святая и непорочная, хотя бы она текла и среди скорбей, лишений, озлоблений, страхов и смертей, есть единственный и самый чистый источник мира духовного. И сколько неиссякаем этот источник мира, столько же высок, возделенен и сладостен паче меда и сота самый мир. Это есть, в собственном смысле, мир Божий. Это есть благодатный плод того возделенного примирения нас Богу, которое составляет главную цель пришествия на землю Божественного Примирителя, Единородного Сына Божия.

Блаженны, стократ блаженны те из нас, кои благодатью Божьей стяжали этот мир, и носят его внутри себя, как неизгладимое свидетельство и запечатление Духа о их предизбрании в сосуды славы, – носят как неотъемлемый и несокрушимый залог предуготованного им вечного блаженства. Они суть, по преимуществу, сыны Божии и сынове царствия. Находясь еще здесь, на земли живых, в юдоли слез и вздыханий, они уже предвкушают сладость радостей небесных, и наслаждаются, хотя не вполне, неизреченными благами царствия. Царствия Божия они уже достигли; оно уже внутри них, и состоит, по Апостолу, в правде мире и радости о Дусе Святе (Ром. 14:17). Правда? Это–их труд святой и непрестаемой любви к Богу и ближнему, сияние дел благочестия со слезами, благодушное терпение под тяжестью креста, делание в вертограде среди зноя и жаря полуденного, хождение пред Богом во святыни Духа; а мир есть следствие правды, цель болезненного делания, радостное собиране созревших классов присноживотия, награда

и венец за претерпеваемые страдания, мзда многа за труд любви и непорочного хождения пред Богом. И чем более расширяется круг делания правды, тем более умножается самый мир, и, возрастая по временам до степени радости и восторга о Дусе Святе, составляет, наконец, то неизглаголанное блаженство царствия, которое, предначинаясь здесь, имеет раскрыться во всей силе и полноте там, – на небе, где правда живет (2Петр. 3:13).

Вот, братия, мир, коим Господь заповедал Апостолам и их преемникам приветствовать всех и вся. Им-то и я, недостойный, приветствую вас и присных ваших, приветствую наших чад и домочадцев, приветствую ваши дома и весь град сей, и молю восшедшего на небо Примирителя, да сам он молитвами и заступлением Пречистой своей Матери и великого Святителя и чудотворца Николая осенить вас миром пренебесным, – миром, который, утвердившись в сердцах ваших, как залог и предвкушение вечной славы, отразился бы всей полнотой своей благотворности во всех многообразных проявлениях жизни вашей, да и не ближние токмо, но и дальние, не те только, кои суть приснии Богу и сожители Святым, (Еф. 2:17,19), но и те, кои не суть от двора (Иоан. 10:16.) Христова², узрят его, и, познав цену и силу благодатного примирения нас во Христе с Богом и между собой, вступят и они в спасительную ограду царства Христова, и будет едино стадо и един Пастырь. Аминь.

Слово на тот же день Вознесения Господня и по принесении в Херсон той же иконы, сказанное в соборе 28-го мая 1864 г.

В непродолжительное время, во второй уже раз ныне святая Церковь изводит нас на богошественный Елеон. Бывши там в первый раз, прежде шести дней пасхи, мы видели, как Господь наш Иисус Христос восходил оттоле в Иерусалим земной, сопровождаемый и сдвигаемый радостными восклицаниями народа. Видели тогда Его торжественный вход во град Божий; но вскоре затем видели и исход Его, Его вознесение на крест, Его смерть и тридневное воскресение. Теперь, будучи на той же горе святой, видим, как Спаситель наш, Сын Божий, восходит во Иерусалим горный, сдвигаемый бесчисленными сонмами ангелов Божиих.

Итак, Воскресший не благоволил пребыть с нами видимо в юдоли поднебесной; не благоволил устроить на земле царства израилева ни в лето воскресения, ни потом, а восходит на небо, ему же убо подобало прияти Его даже до лет устроения всех (Деян. 3:21). Вместо царства Израилева, Он воздвигнул на земле Церковь, но и сей Церкви суждено возрастать, утверждаться и стоять здесь, до кончины мира, под невидимой Главой.

Дерзнем ли, братия, коснуться причин, по коим Господь наш, пленив плен восходит на высоту (Пс. 67:19)? Великое дело искупления есть глубочайшая тайна для самих ангелов: однако же Апостолы, говоря о восшествии Христа на небо, сказывают иногда и о том, для чего Ему подобало оставить землю. Сам Господь, предсказывая ученикам о предстоящем Ему отшествии ко Отцу, указывает и на причину сего отшествия. Итак, обратив благоговейный взор к небу, и зряще, как светоносный облак подъемлет нашего Господа, размыслим о том, почему небеси подобало, как говорит Апостол, прияти Его. Благословив учеников Своих на Елеоне, преподает и нам Свое благословение, а в нем и божественную силу, мне для очищения греховных устен, а вам для удобрения сердец, да будут земля блага.

Господи! Поклоняемся Тебе, восшедшему на небо и молим твою благодать: даждь держащему о имени Твоем язык научения, а научаемым благодать слышания!

Итак, для чего же Господь наш Иисус Христос вознесся на небо?

Для того, что Он и всегда был на небе, сходил же на землю только на

время. На небе Его вечный престол, на коем Он восседит со Отцом и Духом; а на земле не было для Него места где и главу подклонить (Мф. 8:20). Земля служит жилищем только для тех, кои от земли; но Сын человеческий, сшедый с небесе (Иоан. 3:13), не принадлежал земле. Правда, приобщившись плоти и крови нашей (Евр. 2:14), Он имел тело от земли: но доколе тело сие было подобно нашему, дотоле Он и жил, на земле, подобно нам. В воскресении же тело Его изменилось и приняло такое чудное свойство, что не могло быть описано никаким местом на земле. Оно было видимо, и в тоже время становилось невидимым; было осязаемо, и проходило сквозь заключенные двери; принимало пищу, и не подлежало изменению. Воскресший сорок дней находился на земле; но в продолжении сего времени только десять раз был видим. Где и как проводил Он прочее время, неизвестно. Но очевидно, что земля не могла уже быть жилищем для Него. Телу бессмертному, прославленному и обоженному гораздо свойственнее обитать на небе, чем на земле. Итак, что дивного, если Господь наш, по скончании всего написанного о Нем в законе Моисеевом, и пророцех, и псалмех (Лук. 24:44), паки восходит на небо, идиже бе прежде (Иоан. 6:62).

Но углубимся в предмет снова, и снова размыслим для чего Господь наш Иисус Христос вознесся на небо?

Для того, что не было причины долее оставаться Ему на земле. Как Единородный Сына Божий, Он исповедал пред людьми Бога, коего никто же виде нигде же (Иоан. 1:18); явил человекам Его имя (Иоан. 17:6) и волю; научил их истинному поклонению духом и истиной (Иоан. 4:23); указал всем земнородным потерянный путь к небу; принес Себя в искупительную жертву правосудию Божию за все грехи всего мира; словом, научил, пострадал, умер, воскрес. Что же после сего, оставалось Ему, как не войти на небо и паки облечься той славой, которую имел у Отца, прежде сложения мира (Иоан. 17:5)? Вознесения на небо и прославления Богочеловека требовало само дело искупления; иначе оно осталось бы не полным, незаконченным и неувенчанным. Аще Аз вознесен буду от земли, говорил Спаситель пред Своей смертью: вся привлеку к Себе (Иоан. 12:32). Но вознесшись на крест, Он привлек к Себе всех только до высоты креста; между тем Ему подобало привлечь всех и до высоты небес, и до престола славы (Иоан. 14:4). Посему, совершив на земле дело, еже даде Ему Отец, да сотворите (Иоан. 17:4.), Он возносится на небо, дабы привлечь к Себе все земное.

От земли и земнородных обратимся и еще к высоте небесной и посмотрим для чего Господь наш Иисус Христос вознесся не на небо

только, но на небо небесе (Пс. 67:34), и даже превьше всех небес (Еф. 4:10), где и воссел одесную престола величества на высоких (Евр. 1:3)?

Для того, чтобы Ему, яко Богочеловеку, принять поклонение от всех колен, небесных, земных и преисподних (Филип. 2:10), и быть превьше всякого начальства, и власти, и силы, и господства (Еф. 1:21); для того чтобы, возглавив Собою всяческая, яже на небесех и яже на земли (Еф. 1:10), царствовать Ему над всем небом и землей, и над всеми мирами, дондеже положит вся враги под ногами Своими (1Кор. 15:25; Евр. 1:13); для того, чтобы все видимое и невидимое, все племена и языки исповедали, что Иисус Христос есть во истину Господь, во славу Бога Отца (Филип. 2:11), – Господь, на ризе и на стегне коего имеет быть написано: Царь царем и Господь господем (Апок. 19:16). Вот почему, тогда как безначальный «Отец ждет Сына, Его же имать в недрах соприсносушна, Дух Святой велит» не только всем людям, но и «всем ангелам Божиим» и всему небу приготовиться ко встрече возносящегося Господа. «Возмите», глашает Он, в слух всех начальств и властей небесных, «возмите врата князи ваша и возमितесь врата вечная, вси язицы воспещите руками, яко взыде Христос, идеже бе первее»³.

Такова сила искупления, объемлющего все земное и небесное! Однако же и это не все. Есть еще причина, по которой Господь наш Иисус Христос восходит на небо. Да, Он восходит для того, что для нас искупленных Его Кровью и примеренных с небом лучше быть Ему на небе, чем на земле. Ибо если бы Он не восшел на небо, то и не послал бы к нам Утешителя, Духа Святого. А без светоносной Утешительской благодати что возмогли бы мы сделать? Пусть остался бы с нами на земле наш Спаситель; пусть было бы и небо отверсто для нас Его заслугами? Ангелы Божии стали бы восходить и нисходить через отверстое небо на Сына человеческого, но нас человек не стали бы возводить на небо, в царствие Божие. А почему? Потому что царствие Божие, в коем уготовано для нас блаженство, есть брачный пир Царя царей, для всех отверстый, но не для всех доступный. Чтобы удостоиться возлежать на вечери небесной, надобно еще здесь на земле облечься в приличную одежду, достойную неба. Эта одежда уготована нам страданиями Богочеловека, преукрашена и запечатлена Его бесценной кровью. Но кто нам поможет усвоить ее и облечься в нее? Кто, даст нам, и кто наденет на нас этот светлый и чистый виссон оправдания (Апок. 19:8), в коем одном можно явиться на брак агний? Кто, кроме Духа Святого? При Его только содействии мы можем и совлечься ветхого человека с его похотями и облечься в нового, с первобытной святостью и правдой (Еф. 4:24; Кол. 3:9). Дух Святой

возрождает нас к жизни святой и духовной, небесной и вечной. Дух Святой уясняет нам тайны царствия Божия, и само царствие водворяет внутрь нас, воспроизводя в нас мир и радость (Рим. 14:17). Дух Святой утверждает в нас живую веру, первое условие спасения, и рождает блаженное упование славы Божией (Тит. 2:13). Дух Святой изливает в сердца наши любовь (Рим. 5:5), без коей невозможно ни соединиться с Богом, ни пребывать в нем. Словом: Дух Святой творит в нас все святое и еже хотети, и еже деяти о благоволении (Филип. 2:13).

Вот почему лучше, много лучше для нас, чтобы Господь восшел на небо и ниспослал оттоле Духа Святого. Уне есть вам, говорил он Апостолам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, пошлю Его к вам (Иоан. 16:7).

Наконец, припоминаете ли, возлюбленные братья, еще причину, по коей Господь наш Иисус Христос вознесся на небо, – ту причину, которой касается св. Павел?

Искупитель Христос вознесся, по учению сего Апостола, для того, чтобы, прошед небеса, войти Ему, как великому Архиерею, в скинию нерукотворенную (Евр. 4:14; 9:11), с кровью не козлов и тельцов, но Своей собственной, и явиться во святилище Божие, дабы там ходатайствовать (Евр. 7:25), о наших согрешениях и о людских невежествах. Но как же это, святой Апостол? Разве Спаситель не обрел вечное искупление для всех единою Себя, принеся (Евр. 9:12,28)? Разве кровь Сына Божия не довлеет к очищению грехов мира (Иоан. 1:7)? Разве закон духа жизни о Христе Иисусе недостаточно ограждает от осуждения и смерти тех, кои ходят не по плоти (Рим. 8:1)? О, обрел Он вечное искупление, ответствен за богомудрый Павел; довлеет кровь Сына Божия ко очищению грехов мира; достаточен сам в себе духовный закон жизни, ограждающий нас от греха и осуждения. Но что делать, когда грех так глубоко проник природу человека, и человек так неотклонимо прилепился ко злу, что и после того, как Божественный Искупитель непрестанно влечет грешника ко спасению силой заслуг Своих, спасаемый грешник опять стремится в бездну греха и погибели, и, возрождаемый к жизни Божией, паки умирает Богови, да живет греху? Что делать при таком растлении природы человеческой? Уже ли восходить на небо, чтобы оттоле опять Христа свести на землю? Уже ли возводить Его паки на Голгофу, чтобы оттоле паки низвести в бездну ада (Рим. 10:6)? Нет, братья, нет! Во глубине премудрости и благости Божией сокрыты иные средства, чтобы спасти и тех из нас, кои согрешают уже по приятию разума истины.

В триипостасном совете Божиим положено, чтобы по совершении

дела искупления пребывал с нами на земле уже не Искупитель Сын Божий, но Дух Святой, который, обитая в нас, возрождал бы нас к жизни духовной, укреплял, утешал, способствовал нам в немощах наших (Рим. 8:26), и молился в нас, совоздыхая нам воздыханию неизглаголаннскими (Рим. 8:26), а Сын Божий, убив крестом вражду (Еф. 3:16), между небом и землей, вошел бы в небесное святое святых, дабы Своим предстательством пред Богом Отцом, присно поддерживать мир с землей и спасти тех из грешников, кои, раскаиваясь в своих согрешениях, и до седмижды семидесяти раз учиненных (Мф. 18:22), паки будут приходить чрез Него к Богу с верой и духом сокрушенным. Для того и жив есть, говорит тот же Апостол, во еже ходатайствовати (Евр. 7:25), так что, аще кто согрешит, говорит другой Апостол, ходатая имамы ко Отцу Иисуса Христа Праведника (1Иоан. 2:1).

Итак, пребуди, пребуди, Святейший Ходатаю Бога и человеков, одесную престола величества на небесех, дабы там всегда ходатайствовать о наших неправдах! Только Духа Твоего Святого не отними от нас.

Но нет, братия, не всегда же на небе пребудет Господь наш. Ангелы, явившиеся Апостолам при вознесении, возвестили, что Вознесшийся на небо опять приидет некогда на землю, – приидет, окруженный тьмами воинств небесных, но уже не для того, чтобы спасти мир, а, чтобы судить живых и мертвых и воздать каждому по делам. Размышляя о сем в этот же самый день, один из богопрославленных отцов Церкви⁴ говорит: «Если бы я не опасался возмутить радости настоящего праздника, то горькими слезами заплакал бы при мысли о будущем пришествии Судьи; потому что падения мои приходят мне на память». Легко может быть, что и нам, братия, также следовало бы заключить свое слово, если бы ныне мы не имели особенной причины умирить свою скорбь о грехах, как бы они тяжки ни были.

Ныне нас посетила в Своем чудотворном лике Царица ангелов и человеков, и является среди нас, как неоскудный источник благостыни небесной. Очевидно, что такое посещение Владычицы мира, – посещение, приемлемое верой, есть непреложное ручательство милости Божией и долготерпения к нам грешным. Итак, не одному скорбному плачу ныне время и день, но и отрадному упованию на милосердие Божие и молитвам. Прибегнем же все под державный покров нашей заступницы, – прибегнем в духе веры и сокрушения, и, поклоняясь досточудному Ее образу, раскроем перед Ней нашу душу и жизнь, исповедуем Ей наши грехи и немощи, наше нерадение и холодность в деле спасения, и будем молить Ее

о спасении. Как благосердная Матерь вознесшегося Спасителя нашего, Она не уедлит усугубить о нас Свои предстательства пред Ним, и, по мере нашего сокрушения и нашей веры в силу Ее молитв, подаст нам благовременную помощь и благодать спасения. Аминь.

Слово на тот же день и по принесении той же иконы, сказанное в Соборе

13-го мая 1865 года

И тии (Апостоли) поклонившася Ему и возвратишася во Иерусалим с радостью великою. Лук. 24:52.

Вот как тихо и спокойно расстались Апостолы со своим и нашим Господом. Вместо плача и сетований, которых всего скорее надлежало бы ожидать при сем случае, они благодушествуют и даже радуются. Долго стоят они, зряще на небо (Деян. 1:11), которое прияло возлюбленного Учителя, во взирают без слез и вздыханий. Небошественная стезя, мало по малу теряясь в высоте облачной, наконец совсем исчезает из очей их, но из сердец и уст не исторгает ни одного вопля, ни одного стенания. Когда же два лучезарных небожителя возвестили, что Господь Иисус Христос опять некогда приидет на землю точно также, как теперь восшел на небо: Апостолы поклонились Ему, и пошли с Елеона в Иерусалим, исполненные неизреченной радости: И тии поклонишася Ему и возвратишася во Иерусалим с радостью великою.

Впрочем, теперь и не о чем было скорбеть и сетовать святым Апостолам. Это уже не то скорбное вознесение на крест, коего некоторые из них были свидетелями на Голгофе. Вознесение с Елеона на небо не представляет в себе ничего печального, а напротив содержит очень много утешительного не только для Апостолов, но и для всех верующих.

Что значит, что Спаситель наш восшел на небо так свободно и торжественно? Не то ли, что Он, до явления Своего на земле, присно был на небе? Никтоже бо взыде на небо, токмо сшедый с небесе (Иоан. 3:13). Что значит, что Он удостоен такой славы боголепной, что и силы небесные подвиглись во стретение Ему? Не то ли, что Он всегда имел эту славу у Бога, яко Единородный от Отца (Иоан. 1:14), имел ее прежде, нежели был мир (Иоан. 17:5)? Что значит, что Он так господственно и нисходит с неба на землю и восходит с земли на небо? Не то ли, Что Он есть Бог неописанный пространством, – Бог беспредельный и вездесущий, Ему же не довлеет не только земля и небо, но и небеса небес (3Цар. 8:27)? Итак, какой же Апостол?.. Но что я говорю об Апостолах? Какой иудей, какой язычник, видя Иисуса вземлема на небо, не воскликнул бы, объятый благоговейным трепетом: Господи, Ты еси воистину Христос Сын Бога живого (Матф. 16:16)? Если же восшедший на небо есть Бог вездесущий и вечный, то не значит ли, что слово Его истинно, обещание непреложно?

Он обещался быть с учениками везде, – и будет; обещался быть до скончания века, – и пребудет. Что нужды, что Его присутствие теперь невидимо? Присутствие видимое не всегда и нужно для нас, по крайней мере не всегда понятно и спасительно. Можно видеть Его телесными очами, можно даже разглагольствовать с Ним, идя по одному с Ним пути, и познать Его. Между тем, невидимое присутствие в сердцах верующих всегда ощутительно и плодотворно. Сердца Еммауских путников, горевшие любовью к Воскресшему, не более ли говорили о Его присутствии, нежели их очи? Что ж дивного, если и сердца Апостолов на Елеоне тем более воспламенились любовью ко Господу, чем более светоносный облак скрывал Его от очей их? – Тем более восторгались радостью о Нем, чем непреложнее удостоверились, что Он есть Бог вечный и вездесущей?

Но сей Иисус, вознесшийся на небо, есть Бог твой и мой, возлюбленный слушатель! Его утешительное обетование быть с верующими до скончания века объемлет и нас с тобой, а следственно и в нас оно должно производить такую же радость, как в Апостолах. Но так ли с нами бывает? По крайней мере всегда ли и со всеми? Не случается ли иной раз, что нам хотелось бы, чтобы с нами и при нас не было нашего Господа? Не бывает ли, что совесть наша трепещет при одной мысли, что нам присуц и нас видит Тот, который явится некогда яко огонь горнила и яко мыло перущих и что Он воссядет на престоле правды, разваряя и очищая уже не одних сынов Левииных, но и всю вселенную? Что же за причина, что мы иногда не только не радуемся, но и омрачаемся грустью и тревожимся тем, что Господь наш Иисус Христос есть Бог, присуций нам всегда и всюду? – Жизнь наша, братия, – жизнь, направляемая не по заповедям Христовым, а по влечению страстей. Кто живет во тьме греховной, тот не терпит свидетелей и не любит света; тот желал бы навсегда сокрыться от вездесущия Божия, дабы навсегда сокрыть и от себя, и от всех срамоту дел своих. Одни избранные Божии, творящие волю Божию, исполняются святой радости при мысли, что Спаситель обещался пребывать с ними и пребывает, как верный свидетель их тайных подвигов в добродетели и тайных борений со грехом. Уверенность в Его присутствии укрепляет их во искушениях, ободряет в напастях и доставляет утешение среди скорбей и печалей. Особенная близость Бога вездесущего непостижима и для них самих; но она исполняет их благодатных наслаждений, не недоведомых сердцам благочестивым; она творит в них радость, – ту же радость, которую ощущали и ученики Христовы на Елеоне.

Но святые очевидцы Елеонского события имели и еще причину в радости: в торжественном восхождении на небо Спасителя они видели непреложное доказательство Его господства над всей тварью.

Незадолго до вознесения Своего на небо, воскресший Господь уверял Апостолов, что Ему дарована всякая власть на небеси и на земли (Матф. 28:18). Что Он был Владыка и Господь видимой природы, в этом они были уже уверены множеством чудес и знамений, совершенных перед ними. Что Он был Господь и мира дольного, это также видели они, как из Его победы над смертью, так и из того, что изгоняемые бесы в трепете исповедовали Его Сыном Божиим (Матф. 8:29). Но теперь надлежало им убедиться и в том, что Он есть Господь с небесе (1Кор. 15:47) и над небесами (Деян. 17:24). И вот, когда Он вземлетя от земли и восходит в горня, приемля божественное поклонение от всех колен не только земных и преисподних, но и небесных (Филип. 2:10): Апостолы не могли не возрадоваться, видя возлюбленного своего Учителя и Господа превыше всякого начальства и власти, и силы, и господства (Евр. 1:21). Как утешительно должно быть это и для нас, братия!

Мир не престаёт и не престанет воевать на нас, стараясь всячески похищать нас и увлекать из огады Христовой. Но что он сделает злокозненный, когда нас осеняет несокрушимая хоругвь креста, и ограждает сила всепобеждающая? Сокровища мира столь обаятельные для рабов мира, не суэта ли, не крушение ли духа, не уметы ли и буйство для слуг Христовых, укрепляемых силой свыше? А его гонения, его злоба, его унижение и бесчестие не торжество ли для них, не радость ли и похвала (Деян. 5:41)? Дьявол, этот исконный человекоубийца, всегда ищет нашей гибели; но возможет ли он погубить нас, когда при нас, как на страже, всемогущий Разоритель и Низложитель державы адовой? Многообразные прилоги и искушения пусть приражаются и к плоти нашей, и к мысли, и чувству; но эти разженные стрелы лукавого не сокрушат щита веры нашей, если их отклоняет от нас рука крепкая и мышца высокая. Нас могла бы утратить смерть, как враг неутолимый, но лютость и сего врага уже укрощена смертью и воскресением Господа Иисуса. Смерть теперь не лишает нас жизни, но приближает к источнику жизни нескончаемой, вечной. Тайна разъединения души с телом теперь нам известна и не страшна. Этот временный разрыв оставлен за нами в видах претворения и самого тела нашего, чтобы из смертного и тленного сделать его бессмертным и нетленным (1Кор. 15:53). Но пусть восстанут против нас все силы вражие и сами врата ада, и в сем случае с нами Господь, а у Него во власти не только вся земля, но и все небо и все Ангелы. Если нужно, Он

потрясет небом и землей (Евр. 12:26), подвигнет все силы горние, ополчит молниеносных Херувимов и Серафимов и избавит нас от всех бед и напастей. А при таком могуществе нашего Защитника, и при нашей вере в Его всеильную помощь, чего недостает нам к полноте внутреннего успокоения и радости? Чего могло не доставать к такой же радости и в Апостолах, особенно когда они, в преславном вознесении Иисуса Христа, видели образ и залог собственного своего прославления.

Припомните, братия, как однажды они спрашивали Спасителя: что нам будет за то, что мы оставили все, и дома, и села, и чада, и жен, и пошли в след за Тобой? Когда я, ответствовал Господь, сяду на престоле славы моей, тогда сядете и вы на двенадцати престолах и будете судить двенадцати коленам Израилевым (Матф. 19:27,28). Потом, незадолго перед смертью, Спаситель и еще повторил подобное уверение: якоже завеща мни Отец мой и Аз завещаю вам царство (Лук. 22:29). Такое положительное обещание столь высоких наград сильно занимало Апостолов в продолжение всей жизни Иисуса Христа. Они никогда не упускали из виду ни царства, ни престолов. Но открылось ли на земле ожидаемое царство? Не открылось. Воссели ли они на обещанных престолах? Не воссели. Господи, вопрошают они Спасителя, по воскресении, – вопрошают с полной уверенностью получить желаемый ответ, Господи, аще в лето сие устрояеши царство Израилево (Деян. 1:6)? Но Воскресший ни одним словом, ни одной чертой не подтвердил их надежды на земное царство, даже запретил им любопытствовать о сем: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти (Деян. 1:7). Что же оставалось им теперь? Отказаться ли от всякой надежды на всякую награду? Считать ли высокие обещания неудобоисполнимыми? Может быть и так, если бы Иисус Христос не вознесся в виду их на небо, и не вознес с Собой над миром видимым всех их надежд и ожиданий.

Но чтобы яснее видеть, каким образом вознесение Господне оживило и укрепило в сердцах Апостолов надежды и чаяния на обещанные награды: следует привести на память еще одно обетование, которое сказал им Спаситель, тоже перед временем страданий. Утверждая учеников, а в лице их и всех последователей Своих в подвиге самоотвержения, между прочим, Он говорил: идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет (Иоан. 12:26). Нельзя сомневаться, что Апостолы были уверены в истине слов сих; но нельзя же и думать, чтобы они тогда же поняли и усвоили себе точный смысл их. Да, братия, они не понимали до настоящей минуты, и не могли понять, что за особенное было благо находиться им в одном месте со своим Учителем, и что это за место, на которое так знаменательно

указывал Он им, как на величайшую награду.

Но вот, теперь они на Елеоне, и видят, что возлюбленный Учитель возносится на небо и восседает одесную Бога, яко Господь и Царь, коего царствию не будет конца. Дерзнем ли, братия, мысленно перенестись на высоту св. горы, – дерзнем ли притрепетной стопой стать среди сонма безмолвствующих Апостолов и с благоговением приникнуть, что они должны были думать и чувствовать в эту столь решительную минуту? Сила благословения Возносившегося могла ли не совершить над ними своего действия? Могла ли она не озарить эти св. сердца, чтобы возбудить в них ленный дух истинного разумения всех пророчений и обетований. А если так, то могло ли и за сим еще оставаться в них недоумение касательно места, которое разумел Господь, говоря: где буду Я, там будет и слуга мой?

Да, братия, теперь, и только теперь, должна была раскрыться для них великая тайна Божия о спасении грешного человечества. Теперь только они поняли, почему им не надлежало рассчитывать лет и времен устройства царства Божия на земле. Теперь только ясно стало, что не для земли сходил на землю Сын Божий; не для того, чтобы, восставив человека падшего, оставить его в юдоли слез и плача, а для неба, чтобы там – на небе облечь его бессмертием и славой боголепной. О, каким восторгом кипело сердце их, когда они, видя возносившегося Господа, и сами уже ощущали предвкушение радостей неизреченных! Теперь они не верили, а как бы осязали, что им точно уготовано царство, но царство лучшее, нежели какого они надеялись, царство не земное, а небесное; что их точно ожидают престолы, но не те бранные, коих они чаяли здесь, и на коих восседают смертные люди, а престол вечный, – престол царствия, уготованного им от сложения мира (Мф. 25:34); что им, наконец, точно предопределено быть судьями, но не двенадцати только колен Израилевых, а всей вселенной и самих Ангелов: мирови и Ангелом судити имамы, говорят они сами после сего (1Кор. 6:2,3). И вот та мзда многа, которая уготована на небе этим блаженным самовидцам и слугам Слова Животного, а в лице их и всем верующим во имя Его. Как восхитительна мысль, что и все мы некогда вознесемся на небо, и будем там прославлены в царствии Отца Небесного, по подобию прославленного Богочеловека! Как отрадно, что престол Победителя ада и смерти открыт и доступен для каждого из нас по мере св. веры и любви!

Но есть и еще причина, по которой Апостолы возвратились с Елеона с радостью великой. Теперь они увидели, что царство Иисуса Христа не от мира сего; а чем более убеждались они, что это царство не земное, а

небесное, тем более возгорался в них огонь св. ревности – скорее распространить область этого царства через проповедание Евангелия во всем мире, всякой твари (Марк. 16:15). Между тем, они чувствовали, что многие истины, слышанные от Иисуса Христа, или не ясно поняты ими, или стали приходить в забвение; – надобно было воскресить их в памяти, восполнить и уяснить. Они видели, что им надлежало благовестить имя Христово перед языками и царями, а для сего требовались такие уста и премудрость, которым бы не могла противиться никакая мудрость совопросников века сего. Обращая людей от тьмы к свету, от идолов к Богу, они должны были вооружить против себя всю область тьмы и ада: можно ли же было без небесной помощи и руководства, без благодатных утешений и укреплений, – можно ли было этим бедным, безграмотным Галилейским рыбакам противостоять всем бедам и напастям, которые имели воздвигнуть против них мир и диавол?

Кто же мог просветить их, умудрить, укрепить и соделать способными к столь высокому служению, если не Бог Дух Святой, о котором обетование они слышали уже неоднократно? Итак, теперь нерадостно ли было для них, когда возносившийся Господь, повторяя сказанное обетование, выразил непреложность его с такой силой, что повелел им даже не отлучаться от Иерусалима (Деян. 1:4), дотоле, пока не получат сего обетования и не облечутся силой свыше (Лук. 24:49)? Не радостно ли было, когда они знали, что, между прочим, Он для того и восходил к Отцу, чтобы послать им оттоле Небесного Утешителя, наставника и сподборника в их будущих подвигах? Без благодати Духа не только они не могли бы распространить благовестия о царствии Божиим, но и мы, братия, не могли бы принимать сего благовестия; по крайней мере, оно не могло бы для нас быть силой Божией во спасение (Рим. 1:16). И так радость, которую сотворил Господь ученикам Своим на Елеоне обетованием Святого Духа, есть общая и для всех нас.

И вот, десять дней остается до того великого дня, в который св. Церковь будет воспоминать благодатное пришествие в мир Всесвятого Утешителя. Апостолы Христовы все это время пребывали неотлучно в церкви, в непрестанных молитвах и славословиях. И мы, братия, ничем иным не можем лучше и достойнее приготовить к принятию Бога Духа, как усугублением наших молитв и славословий к Вознесшемуся Спасителю Богу. Как бы для ободрения и укрепления нас в сих усугубленных молитвах явилась к нам ныне и Пречистая Владычица в Своем чудотворном лице. Как бы для того пришла к нам Мати Господа нашего, чтобы, присоединив Свои молитвы к нашим, вознести их с

матерним дерзновением к престолу Сына. О, братия, молитесь же и дерзайте! Учащайте в храм Божий, прибегайте со слезой веры и упования под теплый покров Заступницы. И если не за наши грешные моления, то за Ее мольбу и ходатайство, прославленный Сын Ее пошлет нам от Отца благодать Духа. Аминь.

Слово на тот же день Вознесения Христова и по принесении в город той же иконы Богоматери, сказанное 5-го мая 1866 года

Еще до вознесения своего на небо, Господь и Спаситель наш говорил Своим ученикам: не оставлю вас сиры, по умолю Отца и иного утешителя даст вам (Иоан. 14,16,18). И вот не более, как через десять дней по вознесении, обещанный иной утешитель уже был в среде Апостолов. Но чтобы малому стаду Христову и десяти дней не оставаться между волками без видимой обороны и утешения; чтобы будущим проповедникам радостной вести и на милое время не предаваться унынию среди сиротства и одиночества, Иисус Христос, в большее ободрение их, и как бы в залог Своего обещания, благоволил оставить между ними Свою Пречистую Матерь.

Не тоже ли самое с нами, возлюбленная братия, – не тоже ли со святой церковью сего богоспасаемого града?

Оставил нас ныне воскресший Богочеловек; светлый облак взял Его от земли и вознес на небо, где и воссел Он одесную Бога. Но вот и здесь, как бы в восполнение этого лишения, как бы в отнятие и от нас сиротства и одиночества, до пришествия к нам утешителеной благодати, ныне явилась к нам Пречистая Матерь Божия, в чудотворной Ее иконе.

Нельзя не отнестись с живой и искренней признательностью к памяти в Бозе почившего иерарха, придумавшего нам такую радость⁵. Пришествие к нам Матери не случайно совпадает с отшествием от нас Сына. Кто не видит, что появление между нами ныне Царицы небесной разливает на настоящий праздник особенный свет и радость? Обетование Святого Духа, данное Апостолам, относится и к нам, и не может не ободрить духа нашего; но кто опять не видит, что и оно получает новую силу и переходит в святой восторг от того, что ныне посетила нас, ныне пришла к нам, как бы из мира горнего, Мати Господа нашего.

И есть, чему радоваться в благодатном пришествии к нам Богоматери. Какого утешения, каких даров земных и небесных не принесла Она от престола благодати! Не напрасно же святая Церковь так прославляет Ее благосердый покров над нами; не напрасно прибегает к Ней весь мир христианский, как к помощнице в бедах, утешительнице в скорбях, решительнице уз греховных, и вообще подательнице всякой благодати небесной. А при таком любвеобилии и милосердии к нам Приснодевы, кто

из нас, братия, не поспешит к Ее досточудному лику, чтобы излить перед ним свои моления, прошения, благодарения?

Итак, прибегайте, возлюбленные, как можно чаще под державный покров Владычицы, изливайте перед Ней ваш дух и сердце, молитесь к Ней о помощи и заступлении; но все это делайте достойно и благочестно. Смотрите, чтобы ваша жизнь не служила преградой и средостением между вами и Царицей небесной, чтобы собственное сердце ваше не зазидало вам и не осуждало вашего дерзновения являться пред Ее святейший лик.

Жизнь наша и всегда должна быть чиста, свята и непорочна. Мы не евреи и не язычники. Мы озарены светом истины Христовой для того, чтобы нам не только всегда быть непорочными и святыми, но и возрастая в святости, через непрерывное освящение благодатью заслуг Христовых. Но теперь, когда нас посетила святейшая Дева, тем паче мы должны истрезвиться и оставить все нечистое и несвятое в нас и в нашей жизни, чтобы достойнее являться к Ее пречистому образу. Припомните, с каким благоговением и притрепетностью, а еще более, с каким приготовлением и с какой чистотой не только душ и телес, но и самих одежд, приступали к пламенеющей и гремящей горе Израильтяне, чтобы принять Синайское десятословие от руки Моисея. Но здесь более, чем на Синае. Здесь не пророк и законодатель с отблеском на лице славы Божией, а боговенчанная Матерь Господа славы и Творца закона и пророков, – Матерь в лучезарном своем лике. Она приходит к нам без труб и грома, без огня и молний, потому что приходит не с законом и прещениями, а с благодатью Сына и Своим благосердным покровом, – приходит не устрашать нас проклятием и смертью, а миловать и воодушевлять небесной помощью всех кающихся грешников.

Подумайте же, с каким чувством любви и благодарения мы должны приступать к досточудному Ее образу, с какой чистотой мысли и чувства должны обращать к Ней свои молитвенные взоры, какой правотой жизни и дел должны знаменовывать Ее благодатное присутствие среди нас, чтобы оно было для нас благотворно и спасительно? Одна наружная набожность, поставляемая на месте истинного благочестия недостаточна. Неопустительное хождение в храм, частое лобызание святейшего лика Приснодевы, умильный взор и воздыхания, различные деяния и приношения, – все это достохвально и досточестно, но не существенно в деле спасения и неугодно Господу и св. Богоматери, если не сопровождается исполнением основных и вящих заповедей закона. К чему напр. послужит для нас учащение во храм, когда мы, входя во святилище Божие, каждый раз вносим в него всех идолов души своей,

являемся пред Всевидящее око со всем безобразием гнусных страстей и похотей, которым мы служим и которые не престают до конца исказить в нас образ Божий? К чему послужат для нас умиленные вздыхания и лобызания святыни в храме, когда мы и в храме, и вне храма вздыхая, не выдыхаем из себя духа лицемерия и лукавства, духа вражды и ожесточения, духа злобы и ненависти к ближнему? К чему послужат наши жертвы и приношения, когда они не освящены и не осолены, по заповеди Божией, солью и огнем той беспредельной любви к Богу, которой первее всего требует от каждого из нас Отец небесный, взывая через пророка: Сыне, даждь Ми сердце твое: и возлюбиши Господа Бога твоего всею крепостью твоею? К чему послужат нам сами молитвы и моления, когда они изливаются только устами, а не отрожденное и не проникнутое духом сокрушения, сердце наше не участвует в них?

Молиться перед ликом Приснодевы о прощении грехов, особенно отягчающих совесть, и в тоже время продолжать грешить в том же, значит творить новый и тягчайший грех, отзывающийся презорством и как бы издевкой над всеведением и правосудием Божиим. Молиться об отвращении угрожающих нам бед и напастей, просить о благодатном утешении в скорбях и печалях уже постигших, и в тоже время продолжать жизнь беспечную, среди нетрезвости и пресыщений, среди порочных утех и наслаждений, среди вопиющих неправд и обманов, значит заграждать ток божественной благодати в самом исходище. Молиться о спасении и чаять царствия Божия, а между тем, в безмерном уповании на милосердие Божие и на силу молитв Приснодевы, не только оставаться в небрежии об исправлении своей распутной жизни, но и умножать нечестие, прилагая язвы к язвам и грехи ко грехам, есть открытое богохульство и крайняя степень ожесточения во зле.

Нет, братия, не таковых поклонников Себе ищет Отец небесный; не таковых чтителей любвеобильно приемлет под свой кров и Пресвятая Дева. Если вы не имеете внутреннего благочестия, говорил Господь к Израилю, и не хотите чтить меня достойно; то не являйтесь и в храм мой, перестаньте ходить и по двору моему: ибо егда прострете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас, и аще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове (Ис. 1:12,15.). Не тоже ли может изречь и святейшая Богоматерь к тем из нас, кои являются пред лик Ее без внутреннего благочестия и с сердцем, не измытым и не очищенным искренним раскаянием и сокрушением? Не так ли же и Она может сказать к нам: измойтесь и чисти будете, отимите лукавство от душ ваших пред очима моима, престаните от лукавств ваших, научитесь добро творити и

приидите ко мне, и услышу вас (Ис. 1:16,17,18). Вот необходимое условие, чтобы привлечь на себя любвеобильный взор и благоволение пришедшей к нам Царицы небесной!

Но примечаете ли, братья, что отнятие лукавства от душ наших обуславливает собственно нашу жизнь? Являясь для молитвы пред св. лик Богоизбранной Ходатаицы с чистой совестью, мы будем являться как христиане, как присные Богу и святые; но, чтобы оживить нам и саму молитву пред св. ликом, и укрепить в себе дух молитвенный, для сего потребны, с одной стороны – вера и надежда, а с другой – терпение и преданность в волю Божию и Приснодевы.

Вера и надежда. О, это есть краеугольный камень, на котором зиждется все дело спасения каждого из нас; это есть основание всего, что есть в нас доброго и святого; это же есть основание и всякой молитвы нашей ко Господу и к Его Пречистой Матери. И на земле мы не будем никого просить о своих нуждах, если не находим ни в ком сострадания к себе и не уверены, что есть рука, готовая помочь нам. Тем паче, не стали бы мы обращаться с молитвой к небу, если бы не были уверены, что там наш благий Отец, знающей нужды наши и готовый исполнять их, прежде прошения нашего, что там наша Заступница, молящаяся о спасении всякой души христианской, требующей помощи благодатной, что там сонмы ангелов Божиих, радующихся о нашем покаянии и готовых служить нам в деле спасения, – что там целое небо, целый мир святых Божиих, призирающих на нас день и ночь и возносящих к престолу Вседержителя фимиам молитв своих о нашем помиловании.

С этою-то уверенностью, братья, всегда и первое всего, мы должны являться и к досточудному образу святейшей Богоматери. Царица небесная, приседя престолу Сына своего, и от высоты небесной приникает на мольбы всех вопиющих к Ней о помощи; ныне же, явясь среди нас своим божественным ликом, Она тем преискреннее внемлет молитвам нашим, и тем ближе обнимает своим благосердным оком всех притекающих под Ее покров и державу. И вот, чем непоколебимее будет в нашем сердце вера в это благосердие к нам Приснодевы и в силу молитв Ее пред лицом Божиим; чем глубже будет в вас убеждение, что с появлением к нам Ее чудотворного образа, явилась в среде нашей и благодать Божия в мере сугубой: тем слышимее будут пред Ней наши нужды и воздыхания, наши слезы и молитвы. Такая вера в соединении с надеждой, оживляя дух наш, воспламенит в нас всякое моление, и сообщит ему силу непреоборимую, – силу, которая способна проникать небеса, и там, самый гнев Божий, уже движущейся на грешную землю, удерживать и претворять на милость.

Такая вера есть один из благодатных плодов, даруемых нам воскресением Иисус Христовым от мертвых. Св. Апостол называет его упованием живым (1Петр. 1:3), – упованием, которое, составляя как бы душу молитвы, никогда не посрамляете (Рим. 5:5). Припомните историю жены Хананейской. Спаситель не внял молитвенным воплям ее об исцелении дочери. Но иноплеменница питала в себе такую веру в могущество Чудотворца галилейского, и такую надежду на Его благость и милосердие, что не преставала вопиять в след Ему. И вот, посланный ко овцам погибшим дому Израилева не только творит по молитве язычницы, но и хвалит ее веру во всеуслышание Израиля. А сколько таких примеров, не говорю, между избранными Божиими, но и вообще в Церкви Христовой?

Несомненно, что и наши молитвы ко Пресвятой, проникнутые верой и упованием, не будут тщетны, если только мы, говоря словами Апостола Иакова, не зле просить будем, да во сластех наших иждивем (Иак. 4:3), – не будут тщетны, но вся возмогут во славу Божию и в наше спасение. Не предстанет к нам видимо Ангел с неба, чтобы в минуту крайнего истощения духа нашего утешить нас и ободрить; не предстанет к нашему одру недуга смертного новый Исаия, чтобы продлить течение жизни нашей лет на пятьнадесять (Ис. 20:6); но предстанет к нам незримо святая Владычица со своим дивным покровом, и, осенив им нашу немощь, прольет отраду в сердце, усладит горечь духа, облегчит страдания плоти, и сам переход в вечность если не отдалит, то умиротворит и сделает его кончиной тихой и безмятежной.

Но молясь с верой и упованием, тем не менее мы должны молиться к Заступнице нашей с терпением благопокорливостью и преданностью в волю Божию, – должны по слову Спасителя, молиться и ни стужати си, т. е. не унывать, если молитвы наши и не тотчас будут исполняемы.

Терпение с молитвой и молитва с терпением есть самая крепкая опора духу нашему среди скорбей и страданий. Без терпения и благодушия, без преданности в волю Божию, мы не успеем ни в каком деле евангельском, а тем более в молитве. Что за молитва, когда я молюсь Христу Богу и не предаю Ему своей воли, своих желаний, и своей жизни, тогда как в Его деснице и жизнь моя, и дыхание, и вся? Повергаясь пред Отцом небесным, мы, еще до заявления пред Ним своих нужд, говорим Ему: да будет воля Твоя! Что это, как не предварительное заверение, что мы, хотя и намерены излагать пред Ним свои нужды; но наперед уже готовы, всецело подчиниться Его воле, и следовать ей неуклонно, хотя бы она была и вопреки нашим желаниям? Да будет воля Твоя! Что это, как не сама молитва о том, чтобы наша жизнь направлялась не по слепому стечению

случайностей, тем паче, не по влечению страстей наших и не по прихоти сердца неотрожденного, а по премудрой, благой и всемогущей воле Того, к Кому мы взываем не только как к Отцу человек и Ангелов, но и как к Богу всех миров и всех тварей. А при таком настроении в нас молитвенного духа, очевидно, что молитва без терпения и благодушия, без благоговейной покорности пред святыми судьбами Промысла, не только не благоугодна, но и невозможна, не мыслима.

О праведниках сказано: Возваша праведнии, и Господь услыша их и от всех скорбей их избави их (Псал. 33:16,18). Но думаете ли, братия, что Господь всегда избавлял праведников от их скорбей по первой же их молитве? Думаете ли, что всегда ущедрял их тотчас всеми благами, коих они просили? Конечно, случалось и так, но случалось и противное. Припомните, например, скоро ли благоволил Господь обонять благочестивые жертвы и молитвы благочестивой Анны, матери Самуиловой, и избавить ее от множества сетования ея и от множества глумленья над ней (1Цар. 1:16) дарованием ей сына? Скоро ли дождались праведные Захария и Елисавета того радостного дня, когда Милосердный призрел на них, чтобы отнять поношенье их в человецех (Лук. 1:6,25)? А сколько времени молился и плакал Давид, этот муж по сердцу Божию? Сколько ожидал, сколько изнывал он духом и телом, пока наконец, не извлек его Господь из рова страстей и от брения тины? О, долго, долго я молился, говорил он сам о себе, долго ждал я милости от Бога, долго терпел и вздыхал, пока-то наконец Господь приклонился ко мне и услышал вопль мой: терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою.

Таковы, братия, должны быть и наши молитвы пред святым ликом Богоматери. Прибегая к Ней с вашими нуждами, изливайте пред Ней ваши души, подобно матери Самуиловой, истаивавшей от слез и сетования; молитесь пред Ее пречистым образом со слезами, чтобы Вышний, по Ее заступлению, призрел и на вас, как на Захарию и Елисавету, но и терпите подобно Давиду, предавая себя самих и свои скорби в Ее волю и в волю Господа. Поверьте, что там – на небе, лучше нас знают, когда прекратить наши стенания и вопли, когда отереть слезу от очей наших, и обрадовать нас просимым благом. Щедродательная десница Божия, в излиании своих милостей на земнородных, руководствуется не одной благостью и могуществом, но и премудростью, и святостью, и всеведением. Восшедший ныне превьше небес и восседший на престоле силы и славы, Господь, управляя судьбами мира и Церкви, управляет судьбой и каждого из нас; но управляет столько же благосердо и могущественно, сколько

премудро и свято. И мы не все то даем нашим детям, чего они просят; и мы не всегда творим по их воле, хотя и всегда их любим; и мы иногда лишаем их вещей, им нравящихся, хотя и знаем, что они будут о том плакать. Не тем ли паче вседержавный Промыслитель вселенной всегда творит с вами по своей премудрости и всеведению? Не так ли же и преблагословенная Матерь Его ниспосылает нам просимое тогда только, когда оно нам во благо и во спасение?

Напечатлеем, братья, эти истины на сердцах наших. Будем посещать св. храм как можно чаще и молиться пред образом Пречистой с чистой совестью и во святых духа; будем молиться с неослабной верой и упованием на Ее безмерное милосердие; но в тоже время и с полной преданностью в Ее святую волю. При таких только условиях всеильный покров Ее всегда пребудет над нами действенным и спасительным. Аминь.

Речь перед вечерней в день Пятидесятницы; произнесена в Херсонском соборе 19 мая 1863 г.

Господь Спаситель наш, перед временем страданий говорил своим ученикам: многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, – Дух истины, то наставит вас на всякую истину (Иоан. 16:12,13).

Не многое ли надлежало бы и нам – недостойным служителям алтаря Христова, возвестить вам, братия, о тех преславных событиях и чудесах, которые совершила некогда, в день сей, десница Божия во граде Давидове? Не надлежало ли, хотя бы для того только, чтобы и нам, и вам соутешиться общию нашей верою (Рим. 1:12), – не надлежало ли, например, вспомнить пред вами о том огнеобразном сошествии Св. Духа на Апостолов (Деян. 2:17), коего свидетелями были не одни Иерусалимляне, но и многие народы со всех концов вселенной? – о том непостижимом, сверхестественном озарении свыше, вследствие коего не книжные, худородные робкие Галилеяне мгновенно превратились в неустрашимых проповедников славы Распятого, и стали возносить на разных языках хвалы Богу Вышнему? Не надлежало ли поведать о той непреоборимой силе благодати, которая, воздействовав в сердцах, приявших ее, тысячами повлекла людей всякого пола и возраста к вере во Иисуса Назарея, и наконец, о том неисчерпаемом обилии духовно-животворных струй воды живыя (Иоан. 7:38), которые проторглись в Сионской горнице, и которые, излившись оттоле двенадцатью протоками, потекли по всем направлениям вселенной, чтобы оросить иссохшее от зноя греховного лицо земли, и напоить всех жаждущих спасения Божия.

Но уместно ли нестройным словом восполнять то, что сладкозвучным языком Церкви уже извитийствовано в песнопениях нынешнего дня? Да и к чему послужило бы теперь наше слово человеческое, какое бы оно ни было, когда и мы, и вы ожидаем дыхания устен Вседержителевых, ожидаем Духа, могущего научить (Иов. 33:4) и умудрить всех нас во спасение? Что значим мы земные, слабые, привременные наставники пред тем учителем святейшим, всемирным, вечным, коего и вы, и мы чаем в час сей? Можем ли мы что-либо сказать вам во спасение без Его содействия, а вы принять от нас без Его благодати, когда никто не может и Господом назвать Иисуса (1Кор. 12:3), если Дух благий и правый не снидет к нам, не

обновит своих действий в утробах наших, и не созиждет в нас сердца чистого (Псал. 50:12)? Итак, теперь не время обычных разглагольствий и поучений от подобострастных вам человек; теперь время сердечных воздыханий и молитв; да исполнится и на нас обетование Спасителя нашего о ниспослании Духа. Когда же приидет Он, Дух истины, наставит и нас, и вас на всяку истину.

О, братия! Будем молиться ко Отцу, дабы Он ходатайством Сына послал к нам Духа. Будем молиться к Сыну, чтобы Он умолил Отца и Своими заслугами открыл в сердцах наших путь благодати Духа. Будем молиться к Духу, чтобы Он всесвятый не возгнушался нашей немощи и нечистоты, чтобы исшед от Отца, по заслугам Сына, осенил нас Своим наитием, очистил и освятил. Будем молиться к Преславной, Пресвятой и Животворящей Троице, да помилует нас грешных, и да спасет души наши.

И вот св. Церковь троекратно будет преклоняться перед Отцом и Сыном, испрашивая благодать Пресвятого Утешителя. Братия, преклонимся с ней и мы в духе сокрушения и смирения, преклонимся и преклоним наши тела и души, сердца и помышления. И если когда, то в эту священнейшую минуту соединим все наши души во един дух о Христе Иисусе, и как бы едиными устами вознесем к престолу благодати пламенную молитву, да Бог и Отец Господа нашего подаст и нам Духа Своего.

Слово на день Пятидесятницы и по случаю присоединения к православию католического семейства графа Красинского, сказанное в Свято-Троицком Каменецком монастыре 30-го мая 1843 года⁶

Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие. Стих. на «Господи воззвах».

Но какую Пятидесятницу? Пятидесятница была и в Ветхом Завете; и в Ветхом Завете она совершалась торжественно и составляла один из величайших праздников Церкви. Но то был праздник иудейский; то было воспоминание Синайского законодательства, бывшего в пятидесятый день по исходе Израильян из Египта. Конечно, никто не подумает, что эту еврейскую Пятидесятницу празднуем ныне мы, христиане, Наша Пятидесятница – пришествие Духа: Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие.

Но и в Ветхом Завете многократно сходил и приходил на избранных Божиих Дух Божий. Боговидец Исаия, призываемый к служению пророческому, принимает в уста таинственный уголь (Ис. 6:6,7), а с ним и благодатную силу проразумения будущих судеб Церкви. Иезекииль, в минуты вдохновения, ощущает какое-то особенное и незримое прикосновение к нему Господа, возлагающего на него, как бы руку Свою, и получает дар ведения тайн сокровенных (Иез. 1:3). Даниил, в молитвенных исповеданиях пред Богом, возносится духом до ясного созерцания важнейших явлений в царстве благодатном (Дан. 9:20–27). Давид, помазуемый рукой Самуила, в то же время помазуется Духом Иеговы, который и носится над ним от того дне и потом (1Цар. 16:13). Елисей, приняв от Илии чудодейственную милоть, принимает пророческий дух его и сугубую силу чудес и знамений (4Цар. 2:9–15). Таковы вдохновения и наития св. Духа, бывшие в Церкви подзаконной! Но кто не видит, что все подобные проявления дарований благодатных – слишком частны, одновременны, разнообразны, и более ощущаемы, чем изъясняемы? Опять нельзя думать, чтобы их разумела св. Церковь, празднуя ныне Пятидесятницу и Духа пришествие.

Действительно, наша Пятидесятница есть праздник христианский, новозаветный. Это есть сошествие св. Духа на Апостолов. Оно

совершилось в пятидесятый день по воскресении Христа Спасителя, и имеет такую существенную связь с тайной искупления, что наша Пятидесятница служит завершением на Сионе всего, что сделал для нас Бог во плоти на Голгофе и Елеоне. Итак, наша Пятидесятница есть событие чрезвычайно важное в благодатном царстве Божиим. Спасительные плоды сошествия св. Духа на Апостолов не ограничиваются насаждением только и распространением Церкви Христовой во всех концах вселенной, но объемлют своим благодатным действием и все стояние на земле этой Церкви до кончины мира. Применительно к столь высокой цели Завета благодатного, и самый образ благодатного озарения учеников Христовых не похож ни на одно из тех ветхозаветных просвещений и помазаний от святого, коими были движимы и вдохновляемы святии Божиии челоуецы (2Петр. 1:21). Дух Святой сошел на Апостолов, не только в мере сугубообильной, как на всемирных деятелей, но и непосредственно, видимо, торжественно. Сию-то празднуем Пятидесятницу; сие-то Духа пришествие торжествуем. Вникнем частнее в обстоятельства сего пришествия.

Вы же сидите во граде Иерусалимсте, дондеже облечетесь силою свыше (Лук. 24:49). Это было последнее завещание вознесшегося Господа к ученикам Своим. Вследствие сего, Апостолы, собравшись вместе, неотлучно находились в одной Иерусалимской храмине в непрестанных ожиданиях и молитвах (Деян. 1:12,14), да приидет на них Он – Дух истины, имевший наставить их на всяку истину (Иоан. 16:13). Но вот проходит несколько дней, а обетованный Утешитель не приходит; приближается и праздник Пятидесятницы, а безначальный Отец, умоляемый Сыном Единородным, не посылает в мир Духа Божественного. Вот наступает утро священного дня, настает наконец и торжественный час всенародного молитвословия. Иудеи, не только Палестинские, но и рассеянные по всем странам света, на этот праздник собирались в Иерусалим, и в час всенародной молитвы должны были находиться в храме. Но пришельцы Галилейские, – святые Апостолы, не могли участвовать в отечественном празднике. Как ученики распятого Назаря, они не смели в столь торжественную минуту показаться народу и старейшинам Иерусалимским. Понятно, что в таком тревожном состоянии духа, им ничего более не оставалось, как пребывать в той же горнице и усугубить свои молитвы и воздыхания, да ускорит Пресвятой Дух Своим наитием и осенением.

И вот, когда сто двадцать душ, как бы слились в душу одну, и сто двадцать самых пламенных молений, проникнутых живым упованием,

исторглись из благочестивых сердец и понеслись к престолу Бога триединого, вдруг послышался шум бури, несущейся к храмину, как бы с расторгнутых молитвой небес. Бурное дыхание лишь только огласило дом и молящихся в нем, как тотчас заблестели вверху разделени языцы яко огнени и, спустившись, воссели на каждом из Апостолов. И это был тот Утешитель, тот самый Дух Святой, коего послал в мир Отец, по молитве и заслугам Сына. Это была та небесная благодатная сила, коей имели облечься будущие проповедники, чтобы возвестить Евангелие Божие всем языкам во всем мире: и исполнишася вси Духа Свята и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати (Деян. 2:4).

Так совершилось прославляемое ныне сошествие Святого Духа на Апостолов, возродившее и как бы пересоздавшее их во всех силах души! Святые Апостолы, приняв Духа, тотчас же ощутили в себе не только непостижимое уяснение истин боговедения, но и такое воодушевление, что теперь ни смерть, ни живот, ни настоящая, ни грядущая, не могли уже отлучить их от Христа. Первее всего, Святой Дух воскресил и оживил в их памяти все наставления, какие они когда-либо слышали от своего Учителя и Господа, а затем, раскрывая перед ними во всей полноте тайну искупления, Он сообщил им и такие истины, коих доселе они не слышали, потому что были еще неспособны к их принятию (Иоан. 16:12–144). Царство Израилево, которого они так ожидали в пришествии Христовом, теперь окончательно получило в их глазах иной свет. Прежние виды их на земные награды теперь совершенно исчезли: единственной их мыслью теперь стало слово о кресте; единственным желанием – распространение веры в Распятого, единственной наградой – соединение со Христом там, в вечно-блаженном царстве света и славы. С таким-то настроением духа и воли, неграмотные Галилеяне развеваются по лицу земли, и несмотря ни на гонения и преследования, ни на узы и темницы, всюду проповедают имя Христово, а небоязненно возвещая всем и всюду спасение Божие, всюду становятся зиждителями церкви Божией и строителями в ней таин Христовых.

Но Церкви, насажденной руками богомудрых благовестников, надобно было возрастать, расширяться и стоять на земле до исполнения всех лет и времен. Между тем, по мере распространения Евангелия в среде земнородных, область тьмы и нечестия стала падать и стесняться. Крест Христов, водружаемый во всех концах мира, видимо ниспровергал державу князя мира. Дивная сила Иисуса попирала его всюду и изгоняла вон из храмов и капищ, душ и сердец. И чего он, – миродержитель тьмы, – не предпринимал, чтобы удержаться в своем вековом достоянии, чего не

противопоставлял он быстрому расширению царства Божия и приложению по вся дни к Церкви спасающихся (Деян. 2:47)? Царей и рабов, мудрых и неразумных, благородных и худородных, всех и все вооружал он в защиту прав своих, и все вооружалось и воевало на Христа и Церковь.

Однако же, братия, эта Церковь, и среди всемирного восстания на нее, осталась непоколебимой, и даже возросла в Церковь славную и святую о Господе. От чего же? От того, что Дух Святой непрерывно хранил ее Своего вседейственной силой, – хранил ее, по началу, в лице самих Апостолов, потом, – в лице учеников и мужей Апостольских, а наконец, в лице всех преемников служения Апостольского, доселе существующих в Церкви, по непрерывному в ней преемству благодати, – хранил, то отклоняя все удары, кои злоба ада и нечестие мира направляли на ее поражение, то воздвигая во время потребно истинных благовестников, пастырей и учителей, и через них разгоняя тлетворные ветры еретических мудрований, то умиряя возникавшие в ее недрах разроды и расколы, то ободряя и утешая ее под крестом среди мук и страданий, и самой кровью мучеников украшая ее, как непорочную невесту Христову.

Таким образом Церковь, – это святое общество верующих в Божественного Искупителя мира, – эта всемирная нерукотворенная храмина, объемлющая собой земнородных всех мест и времен – этот освященный собор примиренных Богу крестом и кровью Сына Его, – Церковь Христова, единая и вселенская, воздвигнута и сохраняется невидимым действием благодати Духа Всесвятого, на основании Апостол и пророк суцу краеугольну самому Иисусу Христу (Еф. 2:20). К ней, – к этой Церкви, к этому таинственному телу Христову, принадлежим и мы, братья, как члены живые и богоосвященные. По действию той же благодати, и в нашей стране полночной, воссиял свет Христов, и те, кои сидели во тьме и сени смертной, увидели его, огласились словом истины, услышали радостную весть о спасении и вступили в ограду Церкви Христовой. И вот, почему мы и вся Церковь Христова празднуем и будем праздновать пришествие Св. Духа на Апостолов, законно, вечно, в роды родов. Вот основание той вечной хвалы и благодарения, кои мы торжественно возносим ныне преблагому Отцу за ниспослание по заслугам Сына на Апостолов, а через них, и на нас, благодати Духа, которая и ныне точно также, как и во все времена Церкви Божией, непрерывно действует, – действует не равномерно и разнообразно, но всегда спасительно и сообразно с потребностями тех, которые ее приемлют.

«Святый Дух», говорит св. Григорий Богослов, «пастыря овец творит

псалмопевцем, простого поселянина – пророком, юного отрока – судьей старейших, уничиженного мытаря – дивным апостолом и евангелистом»⁷. Кто не видит, что все означенные здесь благодатные претворения человек Божиих происходили не только незримо, но и до того сокровенно, что остались на всегда тайной для самих претворяемых? Но припомните обращение Савла-гонителя; припомните, как видимо и с какой силой действовала в этом ревнителе отеческих преданий, благодать гонимого им Иисуса, чтобы сотворить его Павлом-Апостолом. Да и вообще, какое дивное разнообразие проявлений благодатных представляет нам история века Апостольского, когда животворная струя учения Христова, всюду проторгаясь неудержимым протоком, так видимо текла по лицу земли, от хижины Симона кожевника до чертогов Кесарей, и так неудержимо влекла всех ко Христу, и тысячами, и единицами. Смотрите, здесь благоговейные Корнилии гласно принимают благодать Духа и обращаются ко Христу со всеми чадами и домочадцами (Деян. 10:44–48): там целые дома Стефановы, благоговейно погружаясь в воды крещения, исполняются даров благодати в служение святым (1Кор. 16:16). Здесь и там, и благородные Анфипаты, и темничные стражи, и Криспы – начальники синагоги, и Дионисии – члены Ареопагов веруют в Господа Иисуса, и изумляются силе благодати слова крестного (Деян. 13:12; 16:33).

Таковы примеры из богосветлых времен Апостольских: между тем, братия, Дух Святой бе присно, есть и будет. И ныне Он действует везде, где только не встречает преград в намеренном противлении и изуверстве. Возведи окрест очи твои Сионе, святая православная церковь, и смотри, как твои сыны и дочери приводятся действием благодати под твой кров, на лоно истинно-святой, Апостольской и Христовой веры! Смотри, какую трогательную, светлую и живую картину представляет это богоизбранное семейство⁸, незримыми путями благодати давно ведомое к свету истины, и ныне наконец, торжественно вступившее во двор овец истинного стада Христова. Святая радость и веселие, сияя в их взорах, не говорят ли ясно, что теперь только они слышат и узнают истинный глас Пастыря, изводящий их на злечную пажить слова чисто-Евангельского; теперь только начинают видеть и ощущать, что, вступив из-под самоназванной, видимой главы церкви под невидимую, они вочленились в истинное тело Христово, в истинную Церковь Бога жива, яже есть столп и утверждение истины (1Тим. 1:15).

Но это не все. Посмотрите на народы язычествующие и населяющие леса и горы, степи и поморья нашего отечества. Посмотрите, не та ли же благодать Духа, так торжественно действовавшая некогда на Иудеев и

Эллинов, действует и ныне в среде этих запоздалых Завулонян и Нефеалимлян? Просветительные начала, основанные на Евангелии, видимо проникают и кочевья, и улусы, и отдаленные прибрежья рек, и едва приступные ущелья гор. Сила благодати, неодинаково, но и здесь влечет всех ко Христу, – влечет всяк пол и возраст, всяко колена и звание, влечет и старшину, и поселянина, и зверолова, и книгочея. О, как благословенно св. царство Святыя Троицы, и ныне, и во веки веков!

Между тем, на земном шаре много – и других племен и языков, кои, не зная единого Бога и Спасителя мира Иисуса Христа, доселе блуждают во тьме греховной. Нужно ли говорить, что Дух Божий носится Своим животворным дыханием и над этими неогустевшими еще водами мира нравственного, – носится, осеняет их, хранит и разными случаями жизни частной и общественной возбуждает и уготовляет их к царству Христову, чтобы в свое время и им соделаться и быть в нем новой тварью. А говорить ли о том, как сами мы, возражаясь от воды и Духа, делаемся этой новой тварью, и как, возрастая в жизни духовной, освящаемся, мужаем, укрепляемся и достигаем возможной полноты духовного совершенства? Говорить ли об этом, когда слово наше не к тому направлено, чтобы уяснить непостижимые пути благодати, в душах верующих, а к тому, чтобы показать, как важны и неоценены для нас, для всей Церкви и для всего человечества, те блага, коими ознаменовал Господь настоящий праздник. Сколько даров самых чистых и святых излито небесной благостью на всякую плоть, с изливанием Духа на Апостолов! И, следственно, сколько побуждений для нас благодарить Святейшую Троицу не славословиями только святыми, но и святой жизнью и святыми чувствами, и делами! Сего требует от нас святость нашего звания, а еще более святость благодати, которую мы прославляем и о которой ныне молимся.

Да, братия, если когда, то ныне мы должны молиться, да обновит Господь животворящий Свои благодатные действия в наших сердцах и утробах. Если когда, то ныне мы должны исполняться Духом, освящаться Его благодатью, и возгревать в себе Его дарования, всемерно удаляясь грехов чувственности и особенно нетрезвости, как источника всех видов плотоугодия и распутства. Жизнь не трезвая и плотская, по духу учения св. Павла, прямо противоположна благодатному исполнению Духом. Неупивайтесь вином, говорит сей Апостол; это источник зла и разврата; от него всяк помысл нечистый, всяко вожделение страстное, всяк грех срамный: неупивайтесь вином, в нем же есть блуд, но паче исполняйтесь Духом (Еф. 5:18).

Итак, празднуйте, братия, и торжествуйте этот нарочитый день; но празднуйте среди непрерывных благодарений ко Господу, и с сыновним страхом пред Ним. Торжествуйте спасение Божие, явленное миру благодатью; но торжествуйте достойно и по святости духа, назидая самих себя и друг друга молитвой, словословиями и духовными беседами, а паче же духовными делами. Тогда благий Утешитель не укоснит исполнить нас Своей благодатью и пребудет с нами и в нас. Аминь.

Слово на день сошествия Святого Духа, говоренное в Херсонском Успенском соборе

в 1869 г.

Мы же не духа мира сего прияхом, но духа, иже от Бога (1Кор. 2:12)

Итак, братия, дух мира сего и Дух Божий суть два начала жизни человеческой, неприметно, но резкой чертой разделяющие всех нас, как бы, на два противоположных стана! Правда, рождаясь в ограде церкви Христовой, все мы, при первом же воззрении на свет Божий, приемлем духа, иже от Бога, и в тоже время, все мы знаменуемся и запечатлеваемся дарами благодати Христовой: но, увы! Разные обстоятельства возраста и воспитания, разные случаи и встречи при вступлении в жизнь, а особенно, разное употребление свободы, остающейся в каждом из нас и по принятии благодати, производит то, что Дух Христов, в одних из нас неотступно пребывает, сохраняется и по мере возрастания духа нашего в страхе Божиим, становится в нас живым началом всей нашей деятельности, а в других, неприметно оскудевая и умалаясь, неприметно же заменяется духом мира сего, который, мало-по-малу, вторгаясь в нас и овладевая всеми силами души, становится, наконец, исходным началом всех наших мыслей, чувств, стремлений и действий.

К которой из сих сторон принадлежим мы с тобой, возлюбленный слушатель? К стороне ли хранящих в себе благодатные залоги и живущих по духу, иже от Бога, или к стороне тех, кои утратив духа права во утробе своей, направляются на всех путях жизни духом лестчим, духом мира сего? Вопрос весьма важный и особенно близкий к нам ныне, когда, празднуя сошествие Духа на Апостолов, невольно воспоминаем, что благодать Божия и на нас сходила, когда мы, при возрождении от воды и Духа, запечатлеваемы были таинственным помазанием от Святого. Итак, если когда, то ныне – в праздник Духа – приникнем к собственной своей жизни, и сопоставляя ее с жизнью Апостолов, всмотримся, каким духом мы водимся: Духом ли, иже от Бога, коим водились и они – живые и богоосвященные органы Духа, или духом мира, во зле лежащего.

Жизнь Апостолов, по принятии ими Пресвятого Духа, всегда была полна плодов благодатных. Не говоря о служении собственно Апостольском, каждое их дело и делание, не исключая занятий домашних и житейских, служило проявлением живого действия в сердцах их благодати Божией. Но если что свидетельствовало об этой благодати в них, то, по преимуществу, два проявления: молитва, составлявшая основу их

жизни, праведной и святой, и высокое богоразумие, служившее для них первым условием возвещения миру царствия Божия.

Молитва, как излияние пред благим Сердцеведцем чувств страха и надежды в минуты одиночества, и как возношение верующего сердца на небо, идиже сокровище наше – Христос, для св. Апостолов, и до пришествия к ним Духа, составляла занятие почти непрерывное. Припомните, в чем, наиболее, они проводили время от вознесения Христа на небо до получения обетования Отца? Не в молитве ли? И возвратишася, говорит св. Лука, во Иерусалим от горы Елеон, и бяху выну в церкви, в молитве и молении, хваляще и богословяще Бога (Лук. 24:52,53; Деян. 1:12,14). Чем они занимались в уединении Сионской храмины, когда сошел на них Пресвятой Дух? Той же молитвой: ибо утром великого праздника, для того они и поспешили собраться вместе, чтобы молитвенное настроение умов и сердец их было единокорнее и действеннее: и егда скончавашася дние Пятидесятницы беша вси Апостоли единокорно вкупе (Деян. 2:1). А когда они же – самовидцы Слова животного узрели, наконец, иного Утешителя и облеклись силой свыше, нашедшу на них Святому Духу (Лук. 24:49; Деян. 1:8): то молитва еще более возросла в них, и сделавшись насущной потребностью их духа и жизни, обратилась для них в занятие как бы исключительное и непрерывное: бяху же терпяще в общении, в преломлении хлеба и в молитвах, в церкви и по домам (Деян. 2:42,46). Таким образом, святые Апостолы непрестанно молятся, – молятся до сошествия на них Пресвятого Духа, молятся в сошествие, молятся и по сошествии, – молятся всенародно и тайно, во храме и в домах, молятся на всяком месте и при всех обстоятельствах жизни. Да, святая и непрестающая молитва, – это не престающее в них дыхание устен Вседержителя (Иов. 33:4), – служила им помощью в трудах, облегчением в тяжких подвигах, ободрением в напастях, утешением в скорбях и печалях, отрадой в болезнях и злостраданиях.

Не тоже ли должно быть и с нами, брат, если мы живем и движемся тем же Духом? Не молитвой ли постоянной, сердечной, пламенной – первее всего, должна проявляться благодать Божия, если она живет в нас? Не молитвой ли, особенно, мы должны отличаться от сынов века сего, ходящих по духу мира и глумящихся над святостью молитвы? Итак, если дух благоговейной молитвы, не оставляя духа нашего, не оскудевает в нас; если мы не только не ленимы в молитвенном подвиге, но и спешим на бдение и песнословие, – спешим потому, что обретаем в них отраду душе, утешение сердцу и услаждение духовному чувству; если мы ощущаем в

себе готовность, и вечер и утро и полудне, изливать свою душу пред Сердцеведцем, и призывая имя Господа на всяко время, благословлять Его и во гласе радования и среди воздыханий скорбных; если мы, молясь языком и устами, чувствуем, что в тоже время молимся и умом и духом (1Кор. 14:15); если наконец, ощущаем, что молящийся дух наш, по временам, как бы, разгорается в нас, и среди самых лишений и озлоблений от мира, исполняется сладости и восторгов необъяснимых: то благо нам, братия, благо: потому, что мы живем и ходим, как чада Божии, под осенением благодати; в нас обитает Всесвятой Дух, который Сам исправляет и одушевляет нашу молитву, Сам наставляет нас, как и о чем молиться, Сам возбуждает нас из глубины сердца вопиять к Богу: Авва Отче, и воздыхать пред Ним воздыханиями неизглаголанными (Гал. 4:6; Рим. 8:26).

Но что, если мы, попущением Божиим, не чувствуем в себе расположения молитвенного и не молимся, или же и молимся, но лениво, рассеянно, небрежно, – молимся так, что сама молитва наша вменяется нам в грех, по слову псалмопевца (Псал. 108:7), – молимся, и в тоже время чувствуем, что молитва наша не умиляет, не питает и не согревает духа нашего, а тем паче не восторгает его живым упованием на милосердие Божие, не услаждает созерцанием мира горнего и не просвещает зрением судеб Господних, а только утомляет нас и отягчает, охлаждает душу и как бы погружает ее в большее и большее рассеяние? Что, если молитва наша в таком запустении и пренебрежении? Думаете ли, что и в сем случае мы принадлежим к десной стране спасаемых, и руководимых Духом Божиим? Нет, братия, сего не может и не должно быть. Ведайте, что кто не стремится духом своим к Отцу духов, и не воздыхает пред Ним в молитвенных исповеданиях, тот живет не по Духу, иже от Бога, а по духу мира.

Второе проявление Духа Святого в блаженных Апостолах есть богоразумие, или просвещение их в истинах боговедения и воодушевление на всякое святое дело.

Должно заметить, что уразумение тайны искупления в сопоставлении писаний пророческих, составляло первую и ближайшую цель сошествия Святого Духа на Апостолов. И смотрите, как дивно достигнута эта цель!

Лишь только коснулась сердца Апостолов языкообразная благодать Духа, уста их тотчас отверзлись, и стали пред изумленным Иерусалимом и Израилем, на всех языках витийствовать величия Божия. Но это не все. Простой Вифсаидский рыбак, ощутив в себе духовную крепость, от препоясания его силой не земной, исходит в среду собравшихся народов, и

проповедуя Иисуса Назарея, раскрывает дух пророческих сказаний о Нем, с такой ясностью и силой, что целые тысячи веруют в Распятого и исповедуют Его Сыном Божиим. А какое сокровище богопознания, какой памятник благодатного озарения оставил нам этот же не книжный Галилеянин в своих Соборных посланиях? Да и не один он из лика дванадцати является таким богомудрым наставником. Приведите себе на память писания новозаветные; там вы найдете и сборщиков таможенных пошлин благовестниками царствия Божия, и сынов Заведеевых зрителями таин небесных и проповедниками неизреченной любви Божией.

Но если кто изумил вселенную озарением благодатным, то святой Павел – эта громогласная труба Евангелия Христова. Смотрите, не достиг ли он в самое недро тайны сокровенной от всех веков и родов, и являемой святым Его (Кол. 1:26)? Не возвысился ли, по дару благодати, над всеми просвещенными века сего, и над всей земной мудростью, до такой степени, что желал, чтобы многообразная премудрость Божия, им познанная, поведена была на небеси, самим предстоятелям славы Божией, самим началам и властям сил бесплотных (Еф. 3:10)? В таком-то необъятном величии Дух благодати просветил умы Апостолов и укрепил сердца их на всякую мысль благую, на всякое дело Божие и на всякий подвиг во славу Распятого.

Не отвергаю, братия, что подобной высоты и обилия небесных осияний требовала для Апостолов самая высота служения их в благодатном царстве Божиим, и что такие осияния, составляя исключительное преимущество их одних, как всемирных деятелей, на поприще проповеди Евангельской, конечно, для обыкновенной среды верующих, – для нас, обуреваемых волнами забот и печалей века сего, не мыслимы. Однако же изливание от Духа, коего сподобились Апостолы в празднуемый день, есть изливание, по намерению Самого Вседержителя, не на одних Апостолов, но и на всяку плоть, на всякого призывающего имя Господне и ищущего спасения о Христе Иисусе (Иоил. 2:28,32; сн. Деян. 2:17,21,38). Ибо, как заслуги Искупителя объемлют собой все человечество: так и просвещение от Духа есть достояние, общее для всех верующих в искупление. Различие здесь в том только, что одним из них, напр. Апостолам, как первенцам церкви и насадителям ее во всем мире, Дух всепросвещающий дан был не в меру (Иоан. 3:34), другим же всем ниспосылается не только по мере веры, но и соответственно цели призвания каждого к царству Христову.

Нужно ли повторять, братия, что и нам явление Духа дается комуждо неодинаково, но всем на пользу, – дается на тот конец, чтобы всем нам,

при помощи благодатной, не только познать разумно Единого истинного Бога, в Троице славимого и поклоняться Ему духом и истиной, но и саму веру в тайну Триипостасного единства, утвердить в себе непоколебимо, как основной камень нашего спасения; – на тот конец, чтобы, при осиянии умов светом богоразумия, и сами сердца наши были чисты и исполнены св. ревности и любви (Рим. 5:5), не говорю, к Богу, но и к богопреданным уставам церкви, и ко всему, что истинно, свято и благочестно; – на тот конец, чтобы, вчинив нас, как живые и освященные члены в тело церкви Христовой, предохранить наше верование от расколов и сечений, от суемудрых и душевредных пониманий Слова Божия, а особенно, от тех самовольных служений Богу, которые нередко внушает нам самопрельщенный разум.

Но это – дела духовные, дела веры. Между тем, благодатный свет, осиявая в нас все силы души и все случаи жизни нашей, не может не отражаться во всех жизненных проявлениях и во всех родах нашей деятельности. Мы призваны в чудный свет Христов (1Петр. 2:9) для того, чтобы всегда истинствовать и словом и делом. Нам заповедано расти и исполняться познаниями во всяком разуме и премудрости для того, чтобы мы, и сами с собой и с другими, и в жизни домашней и служебной, и на торжищах, и в полевых работах, всегда были богоразумны, честны, справедливы, братолюбием друг ко другу любезны: честью друг друга больше творяще: в занятиях не ленивы, духом горяще, Гостдеви работающе (Рим. 12:10,11). Да, такова должна быть жизнь земная каждого из нас возрожденных и освященных благодатью Духа.

И вот, братия, когда вы, вникая в свою жизнь, находите, что и вы не без благих плодов Евангельского богомудрия, что, вращаясь посреде рода строптива и развращенна, и вы живете, сколько возможно, истинно, благочестно и праведно, что Бог и Отец призвавший вас (Кол. 1:12) в царство Сына своего, славится чрез ваше богопросвещенное житие, не между своими только, но и в среде неверных кои, видя ваше жительство, достойное благовестия Христова (Филип. 1:27), и в быту житейском, отдают справедливость вашему богоразумию и честности, вашему трудолюбию и искусству во всяком деле, а в делах веры тем паче, благодарят Господа, так утвердившего стопы ваши во истине, что ни радость ни печаль, ни наслаждения, ни лишения не ослабляют вашей преданности в волю Божию; что, пребывая непоколебимо в вере православной, вы отвращаете и слух и сердце от внушений безумных и душевредных, и что не только сами не сочувствуете кощунственным глумлениям над святыней, но и готовы заграждать уста всем хульникам и

продерзателям, словом: когда вы вникая в себя самих, находите, что вы веруете во Христа Спасителя не устами только, но и сердцем и жизнью: в таком случае путь жизни вашей благословен, ибо он совпадает с путем Апостольским и направляется не по духу мира сего, извращающего все святое и досточестное, но по Духу, иже от Бога.

Но если вселукавый дух нашего времени, приражаясь к вам, западает в вашу душу и сердце, в мозги и кости, и потрясает в вас самые начала жизни православно-благочестной; если вы пред всяким говором людей продерзых и не наказанных, людей поныряющих в дома и обольщающих слабоумных (2Тим. 3:6), являетесь, как трости ветром колеблемые, как дети неосмысленные и не утвержденные в основах веры, и готовы следовать тому только, что льстит вашим неотрожденным привычкам и наклонностям, что раздражает ваши похоти, и влечет вас в грех и погибель: то в этом случае, каким духом водитесь, духом ли, иже от Бога, или духом мира, предоставляю досказать это вам самим, по внутреннему сознанию каждого.

Впрочем, если и есть такие, к прискорбию, в массе именующихся христианами: то все же я не думаю, чтобы таковые были и между вами, братия, под кровом сего храма. Сюда благодать Святого Духа собирает всегда, на дело Божие и святое. А если вы послушны ее гласу и собрались под кров сего святилища, чтобы сердцем и устами прославить величие благодати, излитой в день сей на Апостолов, а чрез них и на весь мир верующий: то не значит ли, что она же – благодать Божия – и живет в вас и производит в сердце вашем и еже хотети и еже деяти о благоволении (Филип. 2:13).

Благодарите же, возлюбленные, беспредельную благость Божию за дарование вам благодати Духа; умножайте в себе этот вожделенный дар неба всякой молитвой и молением; возгнетайте, раздувайте в сердце своем всяким видом благочестия этот огонь божественный, освящающий и животворящий дух ваш. О, если бы делами веры и любви сохранить всем нам это сокровище неоцененное, эту святыню Божию, этот залог царствия до конца жизни! Аминь.

Слово на неделю всех святых, говоренное в Херсонском соборе 26-го мая 1863 г.

Темже убо и мы толик имуще облажащ нас облак свидетелей. Слова Апостола Павла из послания к Евреям (12:1)

Но что это за свидетели, коих св. Апостол видит в таком множестве, что уподобляет их небесному облаку? Из описания, какое дает им сам же Благовестник веры Христовой видно, что это суть люди, жившие в сем мире любогреховном, но победившие мир с его искушениями верой в Искупителя. Это суть люди, подобные нам во всем, имевшие такую же природу, такие же наклонности, такие же силы, или лучше, такое же бессилие, но силой веры и благодати так возвысившиеся над немощами естества человеческого, что нам ленивым и грешным трудно не только подражать им, но и верить. Это суть люди, из коих одни терпели за правду осмеяние и побои, узы и темницы; а другие были мучимы и умерли, побитые камнями, заколотые мечом, распиленные пилой. Это суть люди, жившие на земле подобно странникам и пришельцам, ходившие в овечьих и козых кожах, во всем терпящие лишения и оскорбления от мира, который весь не стоил и одного из них. Словом, это суть человеки Божии, праведники ветхозаветные, пребывшие непоколебимо в вере и засвидетельствовавшие свое верование святой жизнью, а многие и мученической смертью.

Но в настоящий день мы совершаем праздник в честь и похвалу подвижников благочестия, не ветхозаветных только, но и новозаветных, – в честь всех святых, до Христа и по Христе благоугодивших Богу и составляющих ныне небесную Церковь. Итак, в настоящее время мы имеем не облак только, а целое небо свидетелей веры и благодати, коими истинные рабы Христовы стяжали венец славы в обителях наднебесных.

Но для чего мы творим празднственную память о сих духах праведников, уже достигших совершенства (Евр. 12:23) и блаженствующих пред престолом Триипостасного? Есть ли основание так ублажать их и чествовать, тогда как они – в ином мире и для нас невидимы? – Есть, братия, и весьма важное. Св. Церковь, движимая непрерывным действием Духа Божия, ничего не учреждает без премудрых причин и целей. И вот, она, богомудрая, узаконила воспоминать и чествовать всех праведников, преселившихся в вечность, потому что праведники, по слову Божию, во веки живут (Прем. 5:15) не только на небе, но и на земле; потому что память их пребывает в род и род с похвалами и среди благословений, пред

очами не Бога только, но и людей; потому что они, будучи живым и богоосвященным кивотом благодати во времени, соделались возлюбленным селением Славы Божией (Псал. 25:8) на целую вечность. Но сего недовольно.

Мы чествуем и ублажаем святых Божиих, потому что все они суть отцы и братия наши по духу веры Христовой и по той любви, которой соединены с нами неразрывно; ибо любовь истинная николиже отпадает (1Кор. 13:8). Богопрославляемые праведники, будучи одного с нами естества, составляют и одну с нами Церковь Господа Иисуса, у коей одно основание и одна глава, один Бог и один Спаситель, одни средства спасения и одни надежды спасаемых. Таким образом, прославляемые Святые имеют с нами тесное и непрерывное, хотя и невидимое общение.

Мы призываем их в молитвах наших, как споспешников спасения, как хранителей и утешителей в обдержавших нас скорбях и напастьях, как поборников против невидимых сил адских, и делаем это не втуне. Святые человеки Божии слышат нас, когда мы молимся, соединяют наши мольбы со своими молитвами, вознося их как чистый и благоуханный фимиам (Апок. 5:8), к престолу Вседержителя, умилоствляют за нас Его благодать, утоляют правосудие, так часто раздражаемое нашими неправдами и посылают к нам милость и благодать от сущего и иже бе и грядущего (Апок. 1:4). Будучи в царствии Божиим, они прияли уже царствие благолепия и венец доброты от руки Господни (Прем. 5:16), но по духу смирения не престают слагать с себя венцы царствия и полагать их пред престолом Агнца (Апок. 4:10,11; 5:11–14), ходатайствуя пред Ним, как Ходатаем Бога и человеков (1Тим. 2:5), да милостив будет к нам грешным, увлекаемым в бездну погибели и суетой мира, и порывами страстей и искушениями лукавого.

И не имеем ли мы пред глазами многочисленных опытов, не говорю, невидимого, но и видимого заступления о нас Святых? Прочтите в простоте и незлобии сердца жизнеописания их, перенеситесь мысленно к их нетленным останкам, в коих благодать Божия до ныне обитает так осязательно, всмотритесь пристальнее очами веры в историю собственной вашей жизни, и вы увидите, как благодать небесная милует нас недостойных по молитвам Угодников Божиих, – увидите что они не только предстательствуют о нас молитвенно, но и являются чудодейственно, одним из нас для укрепления в вере и благочестии, другим для устрашения прещением суда Божия; здесь для избавления от внезапной смерти, а там для восприятия праведных душ на небо, в селения райские.

Если же Святые Божии, несмотря ни на высоту духовного их

совершенства и святости, ни на видимое отдаление от нас, не престают призирать на нас кичливых и суетных оком благоутробия, и спасать нас своими молитвами и ходатайством, то мы ли, братия, не будем чествовать и прославлять помять их в род и род, тем паче, что, прославляя их, мы прославляем Бога, дивного во Святых Своих?

Прилепни язык мой к гортани моему, аще не помяну тебе (Пс. 136:6), зывал некогда древний Израиль к земному Иерусалиму. Не тем ли паче да прилепнет язык наш к гортани нашему, аще мы новый Израиль, не будем вспоминать и радоваться о тебе, Иерусалиме горний, церковь первородных, на небесех написанных (Евр. 12:23)?

Итак, братья моя, достойно и праведно мы творим память угодников Божиих. Они суть други Божии и други наши; они суть споспешники нам в деле спасения, они избавляют нас от злочлчений, спасают среди искушений и низводят на нас своими молитвами многообразную благодать, и мир, и благословение Божие.

Но для чего мы совокупаем празднование всех Святых во едино? Правда, мы празднуем в честь их и порознь, так что нет дня в году, который бы не был посвящен воспоминанию и прославлению жизни и подвигов какого-либо угодника Божия. За всем тем, св. Церковь со времени благочестивого Льва, царя приснопамятного и премудрого, заповедала совершать празднество и совокупно всем Святым, и в причину сего приводит то, что «многие благоугодили Богу своей добродетельной жизнью и между тем, по разным причинам, неизвестны людям. Вследствие сего, частью по неизвестности, а частью по великому множеству, невозможно всем им воздать надлежащую почесть якоже церковный обычай приять»⁹.

И действительно, не все угодники Божии, подвизавшиеся на земле за имя Христово и стяжавшие венец славы и бессмертия в небе, известны земной Церкви. Един Господь знает сущия своя (2Тим. 2:29). Он един знает то бесчисленное святое семя, которое, будучи рассеяно по лицу мира, составляет стояние его (Исаии, 6:13), – то неисчетное множество премудрых, коих Дух Божий умудряет во спасение свое и других (Прем. 6:27), тех преподобных и святых, коих пути хотя и светятся подобне свету (Причт. 4:18), однако же остаются в неизвестности, или от сгущающегося мрака неправд человеческих, или от того, что Отец небесный хочет творящим здесь волю Его в тайне, воздать яве (Матф. 6:18.) там, где уготована им мзда многа. Посему, учредив праздник в честь всех Святых, Церковь Христова, в чувствах благодарения, имела в виду то, чтобы не оставить кого-либо из верных рабов Христовых, заступников и

молитвенников наших без подобающего чествования. Для сего-то она и воспевает их ныне не поименно, а совокупляя в многочисленные лики, – ублажает не порознь каждого, а прославляет всех вообще. «Празднуем ныне вся», говорит сама Церковь, – «вся елика благодатно освяти Дух Святый, Праотцы и Патриархи, Пророки и Апостолы, Мученики и Священноначальники, Преподобномученики и Преподобные и вся святых жен ликования, и иныя вся безименитыя святыя».

Но живописуя пред очами веры нашей эти многообразные сонмы Святых Божиих, св. Церковь имеет в виду и другую цель, – прикровенную, но гораздо высшую и для нас важнейшую. Совокупляя как бы в одну богосветлую картину все бесчисленные лики Святых – сих земных ангелов и небесных человеков, – она хочет через то показать нам силу и действенность благодатного смотрения или домостроительства Божия о нашем спасении, – домостроительства, которое теперь с пришествием в мир Утешителя совершилось окончательно, и которое ни в каком случае ее могло остаться, не говорю бесплодным, но и малопродуктивным.

И в самом деле, если дело спасения нашего принял на себя сам Бог триединый; если Отец небесный – всеблагий и всемогущий, по благоутробному милосердию своему сам восхотел восстановить падшее человечество и вознести его в первое достояние; если взял на себя выполнение этой воли отчей сам Сын Божий, – Божия сила и Божия премудрость (1Кор. 1:34), и выполняя оную, умалил и смирил себе даже до крестной смерти (Филип. 2:7,8); если Дух Божий, Дух благий, правый, умный, источник благодати и освящения, сам споручился обитать в нас и действовать, возрождая и освящая наше естество: то можно ли и думать, чтобы такое неизреченно благое и премудрое смотрение Божие о нас грешных, такая высокая тайна, в которую сами Херувимы проникают с благоговейным изумлением и ужасом (1Петр. 1:12), такое безмерное сочетание премудрости с благодатью осталось малопродуктивным и малодейственным?

Св. откровение говорит, что во дни пророка Илии, несмотря на то, что разврат и нечестие ходили с откровенною главой по стогнам града Божия, – всевидящее Око видело во Израили до семи тысяч истинных рабов Божиих, не преклонявших колен и сердец перед ваалом (Зцар. 19:18). Что же сказать о всем времени стояния на земле Церкви Божией, когда благий Зиждитель мира и Церкви не престаивал сам воспитывать избранных своих в духе веры и святости, путеводствуя их с земли на небо законом, охраняя Ангелами, утешая обетованиями, устрашая прещениями, укрепляя благодатью? Вседержитель чего не делал, чтобы соделать и водворить

спасение посреди земли (Псал. 73:12)? И всемогущая десница, действуя под влиянием премудрости и благодати, умеет достигать цели своей, не смотря ни на противление князя тьмы, ни на упорство и ожесточение сынов погибельных.

И посмотрите, лишь только Сын Божий окончил свое дело на земле и восшел на небо; лишь только Дух Святой приосенил и оросил лицо вселенной, излившись на Апостолов, а через них и на всяку плоть, – посмотрите, какие повсюду открылись необозримые нивы душ и сердец, обратившихся ко Господу? Пустыни заиорданские, степи ливийские, восток и запад, юг и север, – все огласилось именем, о нем же подобает спастися (Деян. 11:12); – веси и грады, суша и море, – все наполнилось ведения и славы Распятого, и церковь языческая – эта огромная, неплодящая пустыня, – процвела под сенью креста, как крин Божий.

Такая-то бездна благодати Духа проторглась и истекла на род человеческий вследствие заслуг Господа Иисуса, Спасителя всех человеков! Она равняется только неисследной бездне благодати Отца щедрот и Бога всякия утехи (2Кор. 1:3), – только необъятному величию жертвы, принесенной правосудию на голгофском жертвеннике. Но эта бездна благодати явленной, как говорит св. Павел, благодатию на нас о Христа Иисуса (Евр. 2:7), не могла бы открыться перед нами в подобающем свете, если бы мы не видели в совокупности всего множества спасенных, коих Бог богат сый в милости, соживив Христом, уже посадил с Ним на небесных престолах (Еф. 2,4,6). И вот почему, повторим еще, являются нам ныне святые Божии уже не в отдельных личностях, не в единицах, а целыми сонмами, и наконец, как бы в общем, хотя и неопределенном итоге. И чем бесчисленнее этот итог – тем необъятнее открывается перед нами сила заслуг Спасителя и сила благодати спасающей. А такое явление силы Божией как важно для нас немощных и грешных! Оно во всяком случае может служить для нас одушевлением и ободрением на многотрудном поприще спасения. При таком множестве спасенных, и мы, несмотря на свои немощи и падения, не без дерзновения можем хвалиться упованием славы Божией; ибо верую в Искупителя и мы обрели доступ к той же благодати, в коей стояли все угодники Божии (Рим. 5:2).

Но укрепляя в нас надежду спасения, воспоминание о блаженных ликах Святых служит для нас и побуждением к неослабному терпению и самоотвержению. Святые Божии блаженствуют в светлом доме Отца небесного, но блаженствуют не даром. Вкушение мира и радостей неземных есть для них награда и воздаяние за их труды и подвиги, за то,

что, презрев мир с его благами, они неуклонно текли к почести звания вышнего (Филип. 3:14). Таким образом и мы, братия, если хотим наследовать спасение, переселиться на небо и блаженствовать среди ликостояний Святых, и мы должны жить свято и непорочно, по звавшему ны святому (1Петр. 1:15). «В многообразных сонмах Святых мы видим осуществленными все добродетели: «пусть же каждый из нас подвизается», говорит св. Григорий Богослов, «один в такой (основной) добродетели, другой – в другой, иной во многих, а кто может и во всех; только каждый да шествует (к царствию) безостановочно». Ибо «каждая из добродетелей есть особый путь ко спасению и несомненно приводит к одной какой-либо из вечных и блаженных обителей» (Твор. Св. Отв. ч. 2, Сл. 14, стр. 5.). Само обилие благодати Божией не освобождает нас от обязательства жить добродетельно и непорочно. Благодать Божия умножает в нас силу свою, но не для того, чтобы мы умножали в себе грех. Благодать Божия спасительна всем человекам, но не спасает никого против воли; она всеильна, но не насильственна. Царствие небесное, и при содействии благодати, нудится (Матф. 11:12), и те только восхищаются оное, кои, препообеждая всякое греховное искушение, текут по пути к царствию с усилием и терпением.

Посему-то и св. Павел, упомянув об облаке свидетелей благодати и спасения, присовокупляет: гордость всяку отложите и удобь обстоятельный грех терпением да течем на предлежащий нам подвиг. Аминь.

Слово на день рождения благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны, говоренное в Казанском (в Петербурге) соборе в 1844 году¹⁰

И будут царие кормители Твои и княгини их кормилицы Твои, до лица земли поклонятся Тебе, и увеси, яко аз Господь (Исаии, 49:23)

Не скоро же достигло исполнения это слово Пророка Божия. Свет Евангелия давно уже сиял в поднебесной; богатые и убогие, Эллины и Иудеи, всяк язык и всяко племя давно уже молились Богу Спасителю, в святом храме Жизнодавца: но слава благодати Христовой еще не проникала в чертоги державных века сего, и венценосные цари и царицы долго не приходили на лоно церкви Христовой, дабы поклоняться Распятому до лица земли, и быть защитниками Его св. алтарей.

Но что было написано во всемогущих судьбах Промысла, то долженствовало сбыться и сбылось. Свет веры Христовой отразился, наконец, и на порфирородных и заблистал в венцах их сиянием не земным. Это случилось спустя три века по Рождестве Христовом. И с того-то блаженного времени, Церковь Христова непрерывное имеет утешение видеть под кровом своим, во главе чад благодати и искупления, и благочестивых царей, и цариц их. С того-то времени непрерывно и скиптры, и короны возглавляются крестом Христовым, как знамением силы и спасения царей и царств.

За то и Церковь, памятуя это славное событие, из начала вменила себе в священный долг чтить и отличать нарочитые дни рождений и тезоименитств не только православных царей и цариц, но и благоверных чад их. Недавно она торжествовала рождение Благочестивейшего Государя нашего, и возносила с нами ко Господу молитвы и моления, да благословит своей благостью вседержавный Царь царей венец лета (Псал. 64:12.). Его; а ныне она же собрала нас под этот кров, чтобы молиться о Благочестивейшей Государыне Императрице, да приложет Ей святой от Сиона дни на дни и лета на лета (Псал. 69:7.).

Что же, братия, служит основой столь древнего и благочестивого обычая Церкви молиться прежде всех не за царя только, но и за всех членов царствующего дома? Не то ли, что Августейший дом благочестивейших Монархов всегда служил и служит для Церкви, не только самым верным прибежищем в ее нуждах, но и охранной твердыней

всех ее уставов и самой веры: и будут царие кормители Твои и княгини их кормилицы Твои, до лица земли поклонятся Тебе.

Святая Церковь, находясь под невидимой, всеверховой главой – Христом, и будучи охраняема всемогущей силой невидимого же поборника Духа, есть и навсегда пребудет, по выражению Апостола, столпом и утверждением истины (1Тим. 3:15). Однако же, этот необоримый столп истины стоит на земле и находится в мире, который, непрестанно возметаясь сам вихрем суеты и крушения, непрестанно силится поколебать и ниспровергнуть истину Божию в самой основе. Согласитесь, братья, что если кто, то цари, как наместники Божии на земле, управляя судьбами вверяемых им царств и народов, непререкаемо имеют самое большее влияние на ограждение и утверждение Церкви. Они суть те предизбранные вожди, коих Вседержитель дает народам и племенам, дабы предтекли им по пустыне мира, указуя путь к наследию благ обетованных. Не говоря о том, что самодержавная воля благочестивых царей есть крепкий оплот, ограждающий общественное верование, один пример жизни их сильно может воспламенить в подданных ревность к благочестию. Дух владык мира естественно и неприметно переливается, так сказать, в народы, им подвластные. Мы так сотворены, что не только всегда хотим, но и любим подражать тем, коих обыкли чтить и уважать, и коих жизненный жребий само небо возвысило над нашей судьбой.

Когда порфиноносный Давид, до услаждения любивший приметатися в дому Божию (Псал. 83:11)? ненавидел церковь лукавующих (Псал. 25:5), а вместе с тем и всяк путь неправды (Псал. 118:104) и вся творящая беззаконие (Псал. 100:3): тогда соблазн и нечестие не дерзали ходить с откровенной главой посреди народа Божия; клевета, гордыня и всяка вещь законопреступная строго были гонимы и наказуемы, и победоносный дом Иаковль с благоговением бряцал и пел хвалебные песни Богу Израилеву. Когда царствовали во Иудее Иосафат, Езекия и Иосия, цари праведные и богобоязненные; когда они, взыскав книгу словес Божиих, ходили по всем путям Господним непорочно, не совращаясь ни на десно, ни на шуе (4Цар. 18:3,5; 22:2); когда царское слово их всюду ниспровергало святотатственные алтари, посекало дубравы, разрушало демонские требища и сожигало мерзости Сидонские и Моавитские: тогда и весь Израиль верен был Богу отцов своих и воскурял фимиам на алтаре кадильном во святилище Иеговы, а книга завета Господня была обносима по всем градам и весям, как первейшая святыня Божия, и слышалась не только в храме, но и на стогнах.

Не отвергаю, братья, что жизнь святая одинаково любезна в очах

Божиих, будет ли она достоянием людей бедных и богатых, знатных и худородных; но дело в том, что, являясь из-под крова хижин, она не так сильна и действенна пред очами людей, чтобы подвигнуть их к благочестию. Последнее есть удел собственно высоких и превознесенных. Промысл Божий для того и возводит их на высоту, для того и венчает их славою и честью (Псал. 8:6), чтобы высокие доблести их были виднее для земнородных, и служили бы побуждением к жизни богоугодной для всех, иже во власти суть (1Тим. 2:2).

Итак, блажен царь, когда жезл царствия его есть жезл правды (Псал. 44:7) и благочестия! Блажен, когда в сердце, его закон Бога всеотворшего (Псал. 36:31)! Блажен, когда помазание от Святого исполняет и запечатлевает душу его дарами святости во всяком благочестии и чистоте! Но еще блаженнее народ, управляемый царем благочестивым. Не для себя живут здесь владыки царств земных, но для подданных, составляющих царства. Вера и благочестие царей суть два наилучших диаманта в венцах царских; но, полным блеском своего величия и своих благотворных действий, оба они обращены к Церкви и народу. От того-то Церковь и убожает их вечными благословениями; от того-то потомство и прославляет память их в род и род. Самые имена их для нас утешительны и драгоценны. Мы невольно приходим в восторг, когда в деписаниях Церкви встречаем блаженные имена равноапостольных Константина и Елены, великого Феодосия, мудрого Юстиниана, благочестивой Ирины.

Я не буду здесь распространяться о том, братия, как сии Боговенчаные владыки и владычицы мира христианского напрягли царственные силы свои, в видах, чтобы собрать расточенные чада Церкви, и привести всех в соединение веры и познания Сына Божия (Еф. 4:13); не буду говорить: с какой заботливостью старались они пресечь и остановить вредное развитие еретических мудрований, издавна раздиравших Церковь Божию, – этот нешвенный хитон Христов; не буду говорить: с какой ревностью утверждали и подкрепляли своим царским словом священные права и власть Церкви, возвышая ее постановления и сообщая подобающее благолепие дому Господню, в долготу дней и веков. Я упомяну о том лишь, что сии высокие ревнители веры и благочестия показали свету и доказали своими делами, что десница Божия не истощается, ниже оскудевает, воздвигая мужей избранных во время потребно, и что эти избранники Божии, первенствуя в среде земнородных правами власти своей сильно влияли на эту среду не только, как благодатные первенцы церкви, по и как первые хранители и защитники ее св. уставов.

Что же, братия, не то же ли самое совершается и в православном

отечестве нашем? Россия! Ты издревле просвещена Евангелием Христовым; твое возрождение к жизни святой через веру в Спасителя совершилось в самую первую эпоху бытия твоего; но помни, что благодатное просвещение венценосцев твоих древнее твоего. Они сделали тебя богопросвещенной и святой; их богомудрая ревность, умевшая проразуметь и отразить все прилоги инославных верований, соблюла для тебя православие во всей лепоте и частоте времен Апостольских. О, как многое можно бы сказать о том, чем были для Церкви отечественной, и что сделали в ее утверждение Христолюбивые поборники веры: блаженная Ольга, равноапостольный Владимир, мудрый Мономах, св. благоверный Александр, Богопрославленный герой Донской, и другие. Но к чему нам роды прошедшие, когда тоже самое, только в больших размерах, видим мы и ныне?

Не правда ли, что ныне вся мудрость и могущество, вся слава и величие самодержавной власти, как бы, особенно обращены на то, чтобы возвысить рог христиан православных, и распространить св. царство веры во всех пределах Русских? И надобно быть слепорожденным, чтобы не видеть, как, вследствие сего, благодать Божия являет свою дивную силу на всем необозримом пространстве владычества Русского? Как различные племена и языки, озаряясь боговедением, приводятся во двор Христов и заждутся, яко камение живо, в жилище Божие (Еф. 2:22) и в храм духовен (1Петр. 2:5)? – Как и сколько повсюду воздвигается домов молитвенных в духе того древнего православия, которое сблизжает нас с Церковью первых веков христианства? А что сказать о той царственной заботливости, с коей начато улучшение жизненных средств для самих священнослужителей, начато в видах, дабы служащие олтарям, не от олтарей токмо питались, но и от высоких щедрот Монарших? Не удивляйтесь после сего, братия, что всеблагий Зиждитель мира в Церкви так милостиво призывает на мирное царство Благочестивейшего Государя нашего, и возвеличивает его событиями преславными. Не удивляйтесь, а паче благоговейте, что там присносущая сила Божия прославляет нетлением тела святителей Христовых, и исполняет священные останки их благодати чудотворений, а здесь целые миллионы чад православных отторгнутых некогда насилием, но воссоединенных любовью, паки вступают в праотеческое наследие веры, в ограду Церкви православно-кафолической. Так возвышается Церковь и держава там, где закон Божий делается первейшим законом царственным.

И эту тайну благоденствия народного русские цари и царицы давно уже постигли. Сами шествуя путем заповедей Господних от славы царства

земного к славе пренебесной, она всегда и людей своих вела к тихому и безмолвному житию (1Тим. 2:3), путями веры в благочестия. От того-то ныне в краеугольный камень современного воспитания юношества всех званий и сословий отечества нашего и полагается с такой строгой неотменностью закон Божий. От того-то и благоверных чад своих Августейшие родители, первое всего, стараются научить страху Божию и оправданиям Господним, – стараются умастить и пропитать юное сердце их любовью к Богу и состраданием к ближним, предшествуя не только им, но и всем нам собственным примером веры, любви и милосердия.

Кому неизвестно, что Евангельская благотворительность, всегда была для сердца русского добродетелью как бы заветной, но в наше время, этот св. плод благодатного возрождения, наиболее ощутителен. Если когда, то в наше время, от всех сословий, и особенно высших, повсюду делается множество жертв и приношений в пользу бедных и страждущих. Но не пример ли Высокой Виновницы настоящего торжества движет этот дух сострадания и благосердия во всех слоях и званиях человеколюбной России? Не все ли жертвования предначинаются от Высокого дома Монаршего? Изочтите, сколько в сем одном престольном граде благотворительных обществ, воспитательных заведений, домов призрения, детских приютов, состоящих под особенным и непосредственным покровительством Царицы – Матери? Кто же не сознается, что дух благотворения великой Екатерины и бессмертной Марии не только как бы ожил в кротком сердце Александры, но и сугубо почил на венценосной главе ее? Кто не сознается, что Она, будучи проникнута любовью, изливающейся в сердца наша Духом святым, все счастье, всю радость и наслаждение жизни полагает в устройении благополучия страждущих, и в излипании щедрот и милостей на всех бедных и бесприютных?

Итак, злосчастные сироты! Не сетуйте, что изволением Промысла, у вас нет родителей. Отец и мать вас оставили, но восприял вас Вышний в лице Царицы-Матери. Прибегните к Ее сердцу; – Она не затворит от вас утробы своего милосердия, утешит вас, согреет и напитает с благостью, свойственной тем из небожителей, коих Господь посылает в юдоль земную для утешения земнородных. Только молитесь, да продолжит Милосердный Ее бесценную жизнь.

Бедные родители! И вы не стужайте и не скорбите, если не предвидите средств к благоприличному воспитанию чад ваших. У вас есть Царица, в сердце коей сам Бог благое глаголет о людях своих. Она есть Мать не порфирородных только чад своих; чада всей России, требующие призрения, суть Ее чада. Молитесь к Подателю жизни, да продлятся дни

Ее в веки и роды.

Но и все мы молимся Тебе, милосердный Боже, Царю царей и цариц! Молится Тебе православная Церковь, молится вся Россия, – спаси Августейший дом царев! Запечатлей над ним во веки дух благоволения Твоего, и положи это знамением Твоего благоволения к царству и народу, изряднее же к Церкви святой, юже стяжал еси Твоею кровию. Сохрани в роды родов под сению веры и святыни Боговенчанных Царя и Царицу, и всех порфирородных чад их, да возвысится скипетр земли Русской, и да возрастет и процветет на ней во веки Церковь Твоя, яко крин, Господи Аминь!

Слово на день Преображения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, говоренное в Херсонском соборе 1863 г.

И преобразися пред ними. Мф. 17:2.

Кто преобразился и перед кем? Преобразился Господь наш, Иисус Христос перед избраннейшими из своих учеников: Петром, Иаковом и Иоанном. Где преобразился? На одной из галилейских гор, которая, по общему свидетельству отцов Церкви, есть святой Фавор, радующийся, по словам Давида, о имени Господнем, вместе с Ермоном (Псал. 88:13). – Для чего преобразился? Для того, чтобы поименованным ученикам показать свою божественную славу, что и составляет первую и ближайшую цель празднуемого ныне события. Остановимся здесь, братия, и посмотрим, как достигнута эта цель, – как показана ученикам слава Единородного Сына Божия?

Слава Божия, как совокупность и проявление божественных совершенств, незрима бранными очами земнородных: не бо узрит человек лице мое (славу мою) и жив будет (Исх. 33:20), говорит Сам Господь славы. Чтобы уверить Моисея, что он обрел благодать пред тем, который говорил с ним в купине и облаках (Исх. 33:17), Господь Бог благоволил показать ему свою славу и показал, но какую славу? – Не внутреннюю, так сказать, и трисиянную, а внешнюю, состоящую, как бы, в отблеске и отражении славы самоначальной, – показал не само лице, а только обличие славы своей (Исх. 24:17): узриши задняя моя, лице же мое не явится тебе (Исх. 33:23).

Слава Единородного от Отца, также, как и Самого Отца, незрима по существу своему. Но обитая во Иисусе Христе вместе с божеством телесне, она незрима была и потому, что была сокрыта под покровом плоти. Сию-то славу благоволил Господь явить ученикам своим на Фаворе и явил. В чем и как она выразилась? Она выразилась так. Когда Сын, соприсносущий Богу Отцу, вступил с Ним в молитвенно-духовное общение, свет славы Отчей, всегда почивающий на сыне, любви своей, теперь отразился и на внешнем покрове Его, и как бы вызвал изнутри и ту Его славу, которая скрывалась под покровом человечества. И вот все это, соединившись, проявилось, первое, на лице Богочеловека, которое заблистало, как солнце, потом же и на самих одеждах Его, которые сделались светлы и белы, как снег. Впрочем, иначе и быть не могло:

потому что теперь из всего тела Его¹¹, по объяснению одного из богопрославленных Отцов Церкви, «истекла слава божества Его, и во всех членах Его сиял свет Его». И просветится лице Его, яко солнце; ризы же Его быша белы, яко свет (Мф. 17:2).

Само собой следует, что и эта слава, виденная Апостолами, не была слава Божия полная, самосушая и самосиянная, во-первых, потому, что она явлена была не непосредственно, как на небе, в сиянии того неприступного света, на который и премирные силы без изумления и трепета смотреть не могут; но при посредстве внешнего покровя плоти и одежд, которые просвечивая и как бы пропуская ее, вместе с тем и задерживали и умеряли блеск ее. Во-вторых, эта слава проявлена была на столько, на сколько брэнность нашей человеческой природы могла выдержать и стерпеть ее светозарность. Так соразмеряется пламень огня со свойством сосуда, служащего для расплавки металлов.

Однако же, не смотря на эту прикровенность славы в самом ее проявлении, слава, явленная на Фаворе, была слава, в собственном смысле, святая и богоданная, и в такой степени божественна, что сердца созерцавших ее тотчас же исполнились радости и наслаждений святых и небесных, а дух их возвысился до видения в Преобразившемся, и как бы до осязания в нем Слова животного (1Иоан. 1:1).

Но чтобы более возвысить и возвеличить святое зрелище славы боголепной, к явлению славы Господа, Иисуса Христа, привходят еще два обстоятельства, как бы для восполнения того, чего в ней недоставало против истой славы божественной.

К Преобразившемуся Христу сходят два богопрославленных небожителя, Моисей и Илия и являются пред Ним, как пред своим Господом и Владыкой, во славе; являются, – один, как верный слуга Его, в дому (Евр. 3:5) Церкви ветхозаветной, а другой, как основание пророков и второй предтеча Его пришествия (Троп. Прор. Илии).

Смеем ли здесь приостановиться, чтобы коснуться тайны более, чем касаются ее святые Благовестники? Смеем ли испытать, для чего являются ко Господу, на горе святей (2Петр. 1:18), эти представители закона и пророков? Не для того ли же, для чего в последствии являлся Ему и Ангел с небес на другой горе, на горе Елеонской (Лук. 22:44)? Не для того ли, чтобы засвидетельствовать перед Ним, что предстоявшие Ему страдания и крестная смерть, которых Он, как человек, не мог не ужасаться, и о которых быть может, и теперь молился ко Отцу своему, составляли сущность и цель всех проречений закона и пророков, и что кроме страданий, не оставалось для Него другого пути войти в ту славу, которая

была определена Ему, яко Богочеловеку (Лук. 24:26; Мф. 28:18)? Как бы то ни было, но во всяком случае, Моисей и Илия глаголаста исход Его, его же хотяше скончати во Иерусалиме, (Лук. 17:31).

И лишь только святые небожители кончили эту скорбную беседу, среди продолжавшейся славы Спасителя: как вдруг явилось над горой облако, и осенило пристрашных Апостолов. Из облака послышался глас Бога Отца, относящейся к Преобразившемуся, и именующий Его Сыном возлюбленным, подобно, как это было и при крещении, на Иордане. Это свидетельство Родителя гласа о Сыне своем было весьма важно для учеников Христовых: потому что, видя неизреченную славу своего учителя и Господа, засвидетельствованную законом и пророками, и ясно подтвержденную гласом, пришедшим от славы велелепных (2Петр. 1:17), они удостоверились духом и истинной, что видят славу Его, славу яко Единородного от Отца (Иоан. 1:14).

Но зачем Господу угодно было теперь Самому явить ученикам славу свою, когда он всячески избегал и той славы, которую иногда замыслили воздать Ему люди? Ответ на это дает нам святая Церковь, воспевая в честь и славу Преобразившегося так: «да егда тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное». То есть, Господь показал ученикам славу свою для того, чтобы им, как самовидцам Слова животного не соблазниться о Нем, тем паче, не отпасть от веры в Него в ту скорбную минуту искушения, которая ожидала их на Голгофе. И вот, вторая и последняя цель славного Преображения Господа Иисуса Христа! Чтобы все это понять яснее, вникнем в состояние духа, в коем находились тогда ученики Христовы.

Нет сомнения, что Апостолы искренне веровали, что Господь и Учитель их есть во истину Христос Спаситель мира. Несмотря на это, вере их угрожало испытание тяжкое и опасное. Приготовляя их к Голгофскому событию, Спаситель уже предрекал им, что Ему надобно умереть и воскреснуть (Мф. 10:21). Не привыкши веровать в него, как в сына Давидова, имевшего восстановить скинию Давидову падшую и воцариться в доме Иаковли во веки (Лук. 1:33), святые ученики никак не умели понять Его предречений о смерти, тем паче не могли совместить их с тем понятием, которое в них уже было о Христе, имевшем пребывать во веки. При таком состоянии духа Апостолов, легко могло статься, что это малое стадо, служившее основанием для собрания всех чад Божиих во едино (Иоан. 11:52), само, в минуту поражения пастыря, могло распудиться и рассеяться навсегда; могло статься, что и избраннейшие из учеников, предназначенные для утверждения в вере прочей братии (Лук. 23:32), при

виде Голгофского позора, сами могли соблазниться и навсегда, отпасть от Того, на которого столько надеялись, яко сей есть хотя избавити Израиля (Лук. 24:21).

И вот Голгофскому страшному позорищу предшествует многознаменательное видение Фаворское. Могло быть, что и оно не было понято вполне, но оно не могло не запасть в незлобивое сердце самовидцев славы и не оставить в них навсегда ощущений самых сильных и благотворных, для того, чтобы ободрить и укрепить дух их в приближавшую бурю сомнений, страхов и соблазнов. Предсказание во всяком случае отнимает силу соблазна у предсказанного, но предсказание, подкрепленное видением, тем паче. Исход земной жизни, ожидавший Христа в Иерусалиме, был предметом разговора на Фаворе. Ученики не могли не слышать его, и не вынести из него, по крайней мере того глубоко внедрившегося в них чувства и убеждения, что возлюбленному Учителю их, хотя и предстояло что-то непонятное, но, чтобы ни случилось с Ним, во всяком случае Он от Бога исшел (Иоан. 8:42), и есть Христос Божий, избранный. Ужасные события на Голгофе могли омрачить и сильно потрясти это чувство, но не могли всецело исторгнуть его, тем паче, что и сами они должны были мало-по-малу ослабевать в очах Апостолов, и принимать иной вид, по мере того, как стали оживать в них обумершие припоминания, что о страдании, которое претерпел Господь их, и о кресте, на который теперь вознесен Он, они слышали, многократно, и даже на Фаворе, – слышали в ту самую минуту, когда видели славу Его, и внимали свидетельству о нем Самого Отца, и что вследствие сего, страдание, которое Он терпит, не есть страдание человека, Богом отверженного, но страдание вольное, страдание Сына Божия возлюбленного, полагающего душу свою за живот мира, о себе (Иоан. 10:18), т. е. потому что, Сам он восхотел сего, вследствие неисповедимых о Нем определений Бога Вседержителя.

Так, братия, видение Фаворское могло служить к предохранению веры в Апостолах, и к ограждению их от тех искушений и соблазнов, которые неудержимо лились с вершины Голгофской, и сильным потоком приражались к глубоко-тревожным сердцам их! Не один Петр горько плакал в это время среди осиротевшей святой семьи. И весь единонадесятый лик Апостольский не без слез и воздыханий проводил дни страха и болезнования, – дни не многие и незначительные по времени, но самые знаменательные и великие из всех дней мира, по совершившемся в них таинству. Могли ли же они, при невозвратной, как казалось, потере всех надежд и чаяний, – могли ли пораженные скорбью ученики

Христовы, для взаимного ободрения друг друга в вере и уповании, не вспоминать отрадного Фаворского видения, когда один из них, и всю остальную жизнь свою, не преставал памятовать о нем, не преставал возвещать силу и пришествие Господа Иисуса Христа, неухищренным баснем последуя, но будучи самовидцем Его величия на горе святей (2Петр. 1:16,17)?

Что же, возлюбленные, не желать ли и нам, чтобы это славное Преображение Господа и Спаса Нашего повторилось перед нашим взором? Не правда ли, что наш век, так сильно навевающий с запада духом противления Евангельской истине, чуть ли не по преимуществу, есть век сомнений, неверия, соблазнов? Не правда ли, что в наше время, вера и благочестие столько встречают повсюду камней преткания, что и избранные Божии могли бы преткнуться и пасть, если бы благодать и премудрость Божия не вела их особыми путями. Итак, не желать ли, говорю, чтобы Преображение Господне, так или иначе повторилось среди нас, как средство чрезвычайное к предохранению нас от соблазнов мира лукавого и к утверждению духа нашего в вере православно-спасительной? Сколь ни странным представляется вопрос сей, однако, братия моя, преобразование, в самом деле, желательно, и не только желательно, но и необходимо для нас в деле спасения, только не преобразование Господа перед нами, что, впрочем, и немыслимо, а преобразование наше перед Ним, чего требует от нас и святой Апостол (Рим. 12:2). В чем же состоит это последнее?

Преобразование наше состоит в том, чтобы нам отложить, сбросить с себя ветхого человека, как загрязнившуюся одежду, оставить преступную жизнь со всем ее внутренним греховным настроением, – со всеми устаревшими порочными началами, привычками и стремлениями, – со всеми нечистыми помыслами и чувствами, и облечься в нового человека (Еф. 4:22–24.), начать жизнь святую и богоугодную, восставить в себе потемневший от грехов образ Божий, и всемерно поддерживать его делами светлыми и благими. Кто не согласится, что такое преобразование наше, такое преобразование, претворение, перерождение, совершающееся в нашем духе силой и действием Духа Божия, и объемлющее наш ум, нашу волю, наше сердце и всю нашу жизнь, для нас крайне необходимо. Жизнь преобразованная и направленная по духу Христову есть конец, цель нашей веры в Господа Иисуса Христа, но она же есть лучшее и надежнейшее средство и к предохранению нас от неверия и увлечения духом века сего. Чтобы мы ни делали для поддержания и укрепления в себе духа веры, чтобы ни делал с нами Сам Бог, чтобы предохранить нас от искушения и

соблазнов мира, но если не будет в нас жизни по вере, то наша вера, как бы ни казалась крепкой, изнеможет и омертвеет, тем паче не возрастет в ту веру спасительную, которая и на будущее смотрит, как на настоящее, и в невидимом уверяется, как в видимом (Евр. 11:1), и которая одна может нас оправдать перед Богом. Вера без жизни есть слово без мысли, мысль без доказательства, тело без души. Аминь.

Слово на день Успения Божией Матери, произнесенное в Херсонском (Успенском) соборе в 1863 г.

Отныне ублажат мя вси роди. Лук. 1:48

Так прорекла о себе Пресвятая Мария, при свидании с Елисаветой, когда Архангел уже возвестил Ей зачатие Сына Божия. Но что это за ныне, с которого имели начаться величие и блаженство Пренепорочной Девы? Что за время, что за день, с которого все роды и племена земные имели наречь Ее блаженной? Правда, с той самой минуты, как Сын Божий благоволил вселиться в Ее пречистую утробу, Она сделалась матерью Бога-Слова достоблаженной и достопоклоняемой не только для всех земнородных, но и для самих Херувимов и Серафимов: однако мы не видим, и Слово Божие не говорит нам, чтобы Присноблаженная Дева действительно наслаждалась блаженством и радостями, доколе был на земле рожденный Ей Христос, Господь наш. Да и после того, как Он вознесся на небо, мы опять не видим, чтобы Она была ублажаема и прославляема, живя в скорбной юдоли мира. Она была присноблаженна, но доколе пребывала на земле, обогрени кровью Сына своего, дотоле вся слава Ее как слава дщери царевы, была внутри (Пс. 44:14), а внешне исполнялось над Ней не Ее собственное проречение, а проречение праведного Симеона: тебе же самой пройдет оружие (Лук. 2:35). И подлинно, лютое оружие скорби и печали не преставало уязвлять и проходить сердце Пресвятой Девы во все продолжение Ее земной жизни. Это была не мать царя вселенной, не царица Ангелов и человеков, не владычица мира, а мать скорбей, дева страданий, дочь слез и сетования. Чтобы достойнее возвеличить Пресвятую Деву перед самыми бесплотными, святое Провидение благоволило вести Ее по пути самому узкому и скорбному. Она была собор святых добродетелей, благодатный вертоград дел благих: но все святое Она сеяла в себе слезами и возвращала среди непрерывных скорбей, дабы тем с большей радостью пожать классы присноживотия и блаженства.

И вот, братия, в празднуемый ныне день, – день преставления Святейшей Приснодевы оканчивается Ее слезное сеяние и делание. С минуты прехождения Ее от земли на небо, начинается и открывается перед очами всей вселенной Ее слава и блаженство. Обратим к Ней благоговейно-молитвенный дух наш, да подаст нам силу поведать и

уразуметь в чем состоит эта Ее слава, Ее величие и блаженство.

Святое предание времен Апостольских говорит, что когда наступило время отшествия из мира сего Пресвятой Девы, Господь Вседержитель посылает к Ней Гавриила, как одного из Архистратигов сил небесных, – посылает для того, чтобы этот предстоятель славы Божией, возвестивший Ей некогда безсеменное зачатие, теперь воззвал Ее в небесное жилище, заявив перед Ней, что Она уже созрела для неба, как вожделенный плод вечности, что светлая обитель для Нее в нерукотворенном доме Отца небесного уже готова, что час блаженного соединения Ее с Божественным Сыном приспел, что время полного причастия благодатных утешений Духа Святого настало.

И вот, начало той велелепной славы, которой имела облечься Приснодева, яко Владычица миров горнего и дольного! Вот, так сказать, первая почеть, возданная Ей, как благодатной и благословенной Матери Господа сил и Царя славы! Да! Воззвание от земли на небо есть такая честь, которой удостаивались весьма немногие из величайших подвижников христианских, а воззвание через Архангела есть такая благодать, которой могла сподобиться одна только царица Ангелов. Но вслед за сим досточудным проявлением славы Приснодевы, Господь совершает другое чудо, более видимое, но не менее славное.

Святые Апостолы, оставив Иерусалим, по восшествии Христа на небо, и проповедуя Евангелие Царствия Божия всей твари (Марк. 16:15), давно уже рассеяны были по разным странам и народам. Но вот ко времени дивной кончины Богоматери, почти все они, по-особенному мановению силы Вседержителя, собираются опять в Иерусалим, и, как бы, небошественно являются в дом Пречистой, дабы воздать Ей последнее святое лобзание мира и честь погребения. Припомните, братия, когда младенствующий Сын Божий принесен был в храм Иерусалимский, дабы сотворить по обычаю законному о Нем (Лук. 2:27): руки обычных священников признаны были, как бы, недостойными коснуться божественного Младенца. Провидение соблюдало для сего, нарочитым образом, особенного праведника на земле, которому суждено было принять в свои объятия утеху Израилеву и чаяние языков (Лук. 2:25).

Подобным образом и теперь, когда надлежало вознести в Гефсиманию пречистое тело Богоматери для погребения, обычные руки освященных предстоятелей и служителей алтаря Христова, как бы, не довели к сему. Всеосвященные Апостолы Христовы – они одни – благочестно могли послужить Святейшей Деве в досточудном Ее восшествии от земли на небо. Их только руки, осязавшие Слово животное

([Иоан. 1:1](#)), достойны были прикоснуться к пренепорочному телу Матери Бога Слова. Их только богоглаголивые уста могли воспеть боголепно исходные песни избраннейшей от всех родов. Они одни могли поднять невозбранно на рамена свои пречестнейший кивот Господень, имевший вознестись в горний Сион, где Сам Бог, окруженный светом неприступным.

Но недовольно сего, что все, что было святого на земле, стекается ко гробу Пресвятой Девы. В минуту Ее успения подвиглось самое небо, и сам Господь, окруженный славой и величием, со множеством Ангелов и святых, нисходит во стретение своей Пренепорочной Матери. Отверзалось небо для принятия душ святых, нисходили Ангелы Божии к одру умиравших праведников, являлся и сам Господь, в отверстых небесах, для укрепления страстотерпцев. Но такого торжества и величия, какое является при гробе Богоматери, не было и не будет до скончания всех лет и времен. Промысл Божий уготовал для Богоизбранной Девы такую степень величия, какая только возможна для существа сотворенного.

Да в сама справедливость требовала, чтобы лики святых Божиих вышли во стретение Той, которая послужила ненареченной тайне вочеловечения Спасителя всех человеков. Сама справедливость требовала, чтобы все воинство небесное воздало честь Той, которая имела получить место превыше всех начал и властей, и которая является теперь облечна в солнце, и луна под ногами Ее, и на главе Ее венец от звезд двюнадесяте ([Апок. 12:1](#)). Сама справедливость требовала, чтобы Сын Божий, восприявший от Нее естество человеческое, явился теперь к одру своей Приснодевственной Матери, чтобы не только принять в свои объятия Ее непорочную душу, но и само тело Ее изъять и освободить от общего закона порчи и тления.

Да, братия, и это особенное преимущество перед всеми земнородными, и эту преславную почесть святой Промысл не умедлил воздать Святейшей Богоматери, – не умедлил оживотворить и взять на небо саму плоть Ее. Собственно говоря, это превознесение Пренепорочной, как ни досточудно само в себе, но оно есть уже следствие того превознесения и преукрашения благодатного, которого удостоилась Приснодева, яко избранная от всех родов в орудие Святейшей тайны. Тайна воплощения Сына Божия требовала предуготовления юной дщери Сионой в жилище не только достойное Бога-Слова, но и способное вместить Невместимого. Не говорю о непорочной душе Ее, которая особенным предохранением и действием благодати Божией, достигла

наивозможной высоты святости и богоподобия, – само тело Ее в такой мере причастно было благодати освящающей, воссоздающей и укрепляющей, что как бы изменилось в своей природе, претворилось и сделалось могучим, чтобы принять в себя Того, кому не довлеют небо и небо небес (Пар. 6:18), и носит носящего всяческая глаголом силы своея (Евр. 1:3), – принять и носить, не разрушаясь от крепости Его, и не опаяясь огнем божества Его. Нужно ли же было, после сего, этому телу оставаться в недрах земли, чтобы путем тления достигать нетления? Нужно ли было, когда оно при самом погребении, при самом посеве в землю, было уже нетленно и духовно и сеялось в честь и славу (Кор. 15:43,44)? Тайна окончательного изменения его для вечности совершилась мгновенно (1Кор. 15:51,52), и смерть, приразившись к телу, чтобы овладеть им, как своей жертвой, сама была пожерта – поглощена бессмертием и животом (1Кор. 15:54). И вот, в третий день по погребении Пресвятой Девы, во гробе найдены были одни погребальные пелены, а само тело – оно было в небесах, оно воскресло и соединилось с пречистой душой, как начаток и залог общего воскресения всех нас, братия, в последний день мира.

Такова слава, таково величие и блаженство Пренепорочной Богоматери в досточудном Ее успении! А что сказать о той славе, которая воздается Ей со дня кончины до ныне во всех концах вселенной? Не везде ли, где только славится имя Христово, имя Приснодевы находило и находит самое благоговейное чествование и поклонение? Не везде ли воздвигались и воздвигаются алтари и храмы в Ее честь и славу и возносятся самые теплые молитвы к Ней, как заступнице рода христианского? Христоименитые грады и веси, царства и народы всегда вручали и вручают себя Ее спасительному заступлению и прибегают под молитвенный покров Ее, не потому ли, что всегда веровали и веруют в Ее матернее дерзновение и особенную силу перед Тем, Кому Она заимодавствовала плоть свою? И действительно. Как Святейший Богочеловек сидит одесную Отца, чтобы всегда ходатайствовать пред Его вечной правдой о наших неправдах, так и благосердая Матерь сидит одесную Сына Своего, чтобы умиловать Его о всех притекающих к Ней с мольбой и верой. А при таком Ее величии и могуществе в Церкви небесной, среди Первородных, и Церковь земная ежедневно возносит к Ней молитвы и моления, благодарения и славословия, возносит потому, что Боговенчанная Царица неба и земли, не только для всей Церкви есть столп и ограждение, но и для каждого из нас – стена нерушимая. Да, братия. Кому не случалось, в горькую минуту жизни, прибегать к этой

Заступнице усердной, и собственным опытом увериться, что Она есть единственная отрада скорбящих, утешение плачущих, покров сирых и бесприютных, прибежище бедствующих, надежда ненадежных, заступление грешников кающихся, утверждение подвижников изнемогающих, доблесть мучеников, крепость царей, слава иерархов.

И не думайте, что такая вера в силу молитв Пренепорочной, и такое чествование имени Ее только в мире христианском. Нет. Имя Марии, как утешительницы в скорбях, благоговейно чтится и прославляется даже среди племен неверных. В Гефсиманском храме, при самом гробе Ее есть особо огражденное место¹², куда приходят на поклонение Святой Деве мусульмане и мусульманки. Балуклейский в Царьграде храм, посвященный Ее имени, и известный под именем живоносного источника, выстроен в начале нынешнего столетия, при пособии одного из лучших Султанов Турецких¹³, и каждый пяток посещается множеством поклонников, без различия вер и исповеданий.

Так всюду и всегда прославляли и прославляют Матерь Божию все племена земные за множество чудес и милостей, которые Господь творил и творит по Ее молитвам! Так всюду ублажали и ублажают Ее, доколе будут времена и лета, все роды за то величие, которое сотворил Ей сильный (Лук. 1:48,49). Прославим же и ублажим Пренепорочную и мы, братия мои о Господе, – прославим, не ограничиваясь благохвалением и прославлением только словесным.

Словесное хваление здесь неуместно и недостаточно, потому что восхвалить Пречистую по достоянию недоумет всяк язык, не человеческий только, но и Ангельский. Достойное благохваление Богопрославленной состоит не в словах красных, а в делах благочестивых, не в исчислении святых Ее добродетелей, а в подражании Ее святой жизни.

Итак, хотите ли прославить, возвеличить и ублажить Матерь Божию благочестно и достоительно: воспламенитесь святой ревностью неуклонно идти в жизни тем же путем Господним, коим и Она шла, неся свой крест, укрепляясь молитвой и упованием, и украшаясь смирением, чистотой и преданностью в волю Божию. Хотите ли возблагодарить Ее за те неисчетные дары, которые по Ее предстательству нисходят на нас свыше от Отца светов, благоговейте пред Ее Предвечным Сыном, не только соблюдая все глаголы Его в сердце, но и выражая их делами и жизнью. Хотите ли, наконец, чтобы и вашей жизни кончина была успением безболезненным, непостыдным и мирным, хотите ли войти в небо, облечься славой и вечно участвовать в славе и блаженстве Пресвятой Богоматери, работайте Господеви день и ночь, подвизайтесь для царствия

Божия неослабно, побеждайте все соблазны и искушения мира, бегайте греха, не прельщаясь его временной сладостью, сейте, хотя бы это и со слезами, – сейте доколе время есть, и возвращайте в себе все святое и богоугодное. Словом Господним уверяю вас, братия, что Царствие Божие нудится т. е. берется силой, и те только восхищают оно, кои с усилием и терпением содевают свое спасение. Аминь.

Слово на тот же день Успения Приснодевы и в том же соборе сказанное в 1865 г.

О дивное чудо! Источник жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает: веселися Гефсимание богородичен свягый доме. Стих 1 на Господи воззвах.

Так предназначает духовное веселие и торжество св. Церковь, воспевая ныне кончину или Успение Пресвятой Девы, виновницы нашего спасения. Так возбуждает она к священной радости последнее земное жилище Богородицы – Гефсиманию, а с ней и всех верующих, населяющих все концы мира! Но день смерти и отшествия от мира сего кого бы ни было, а тем паче, наших друзей и благодетелей, по обыкновенному порядку, не представляет для нас, братия, никаких причин к веселью и радости. Смерть, чья бы она ни была, для каждого из нас, скорее, горька, чем утешительна; гроб и могила, сокрывающие от нас на всегда близких нам, всегда и для всех скорбны и болезненны.

Что же значит, что день кончины и преставления Святейшей Богоматери, день, в который она оставила навсегда скорбную юдоль мира и сущих в ней, празднуется на земле с такой радостью и торжеством? Что значит, что не земля только, не мы одни, живущие в поднебесной, но и само небо, все сонмы святых небожителей, все лики горних чинов ангельских, торжествуя преславное успение Приснодевы, сияют сугубым светом всемирного веселия? Но если небо и торжествует, приемля в себя Богоизбранную Царицу неба и земли; если горние силы и радуются, созерцая во славе боголепной Владычицу Архангелов и Ангелов; то это еще понятно. Но что движет к радости грешную землю, когда оставляет ее Святейшая из земнородных, – оставляет Та, которая, живя на земле, составляла ее славу и велелепие, служила ей раем и небом? Что побуждает к веселью и торжеству бедных грешников, лишаящихся в преставлении Богоматери видимого покрова и заступления? Не скорее ли бы нам и всей земле скорбеть о том, что, с кончиной Приснодевы, возьмется от земли живых видимая отрада и утешение, – престаёт жить с нами и среди нас наша надежда, наш покров, наша помощь и защита, наша благодатная Мать, – Дева Мария?

Да, братия, может быть и так, если бы с отшествием от нас в мир иной нашей Заступницы, кончилось и Ее заступление. Но в этом-то и состоит тайна радости нашей, что, с преставлением на небо Приснодевы, Ее предстательства и заступления, Ее ходатайства и молитвы о нас не

престали, а напротив восприяли большой объем и свободу, большую силу и действительность, – и это понять не трудно.

Представьте, что Матерь Божия доселе пребывала бы на земле, не преставаая молиться и ходатайствовать о всех прибегающих под Ее защиту: многие ли могли бы пользоваться Ее ходатайством и заступлением, – тем паче, все ли из обитающих на земном шаре? Очевидно не все и сравнительно с тем бесчисленным множеством верующих, которые ныне спасаются Ее молитвами, очень немногие. То есть, могли бы пользоваться Ее благодатной помощью все те, которые жили бы с Ней и окрест Ее, а из живущих в отдаленных странах света, те только, кои имели бы средства и возможность переходить хребты гор и утесов и переплывать моря и пучины. Но много ли на лице земли было и есть таких, которые могли бы отовсюду достигать, например, Иерусалима и Назарета, чтобы там перед Пресвятой Девой изливать страдание и вопль своей души.

Теперь же, когда Заступница всего мира переселилась на небо и избрала в жилище Себе Сион горний: нет надобности ни в каких странствованиях ни по морю, ни по суше; все, имеющие нужду в Ее помощи и заступлении, беспрепятственно и отовсюду могут обращаться к небу, и там, перед лицом славы Божией, созерцая духом Предстательницу мира, возносить к Ней свои молитвы и воздыхания, свои нужды и печали. Да и сама Она теперь, облекшись славой наднебесной, как бы облеклась в особый благодатный свет, при посредстве коего видит и слышит всех рабов Божиих, ищущих через Нее благодати спасения. Ибо и все избранные Божии, преселившись на небо, и предвкушая там неизреченную радость лицезрения Божия, сподобляются особой благодати, по коей, не изменяясь в своем естестве, и не делаясь ни всеведущим и, ни вездесущими, видят во свете лица Божия, и слышать всех из земнородных, кои, обращаясь к ним в духе веры и смирения, возносят свои мольбы к небу. Святейшая Приснодева тем паче не изъята сей благодати; тем паче дано ей видеть и слышать всех вопиющих к Ней о помощи. Это есть одно из самых высших небесных почестей. Она тем несомненнее принадлежит Владычице мира, чем большая перед всеми воздана Ей честь и слава, в чем выше самих Херувимов и Серафимов уготовано Ей место перед лицом державы Триипостасного.

Св. Церковь так и понимает преславное таинство преставления Препоблагословенной Девы. Приглашая всех верных к участию в светлом празднике, она в основу своего веселия и радости именно то и полагает, что Матерь Бога-Слова, хотя и почила, уснув сном смертным, яко едина от жен мертвенных, но в молитвах никогда не усыпала и не усыпает; хотя и

возлегла во гробе подземном, яко чистейшая персть от земли: но смерть и гроб, изменив в Ней и претворив тление в нетление, не изменили Ее любви и милосердия, а тем паче не удержали и не удерживают Ее от предстательства перед лицом вечной правды.

И возможное ли дело, чтобы душа облагодатствованная паче всех причастник и причастниц благодати, душа всю жизнь дышавшая, так сказать, одной любовью к Богу и ближнему, и еще в теле уже сиявшая отблеском богоподобного совершенства, – возможное ли дело, чтобы такая душа изменилась в своем любвеобильном настроении, при переходе в царство любви? Не скорее ли думать, что святая любовь, которая одна из всех добродетелей и остается в нас на целую вечность, возросла и воссияла сугубым, светом в этом святом кивоте, позлащенном Духом Божиим, в этой богоосвященной душе, по мере того, как Сама Она истее соединилась с источником любви самосушей и вечной? Не скорее ли думать, что и молитвы Ее и предстательства перед Сыном Своим о бедном человечестве усугубились на небе и расширились по мере расширения самой возможности помогать страждущим? Не напрасно же Церковь Христова, исповедуя, что Пресвятая Дева непрестанно молится о душах наших и о всем грешном мире, приписывает Ей державу непобедимую.

Да и кто не ведает, что эта держава, эта сила молитв Святейшей Богоматери действительно непобедима? Об этом говорит непреложный опыт всех стран и веков. Возведите, братия, окрест очи ваши; прислушайтесь к этим неумолкаемым вещаниям времен и народов, прислушайтесь к тому, что совершается в разных местах, не говорю, всего мира, но православной и христоролюбивой отчизны нашей, – и вы услышите, что восток и запад, юг и север, суша и море, присные и чуждые, прославляя величие Божие, прославляют величие чудес и Святой Приснодевы, спасающей всех и вся силой Своих предстательств.

Но к чему сказания других о дивных действиях заступления Пренепорочной? Как благий Промыслитель мира и человеков не несвидетельствованна Себе остави (Деян. 14:16), не только целым народам, но и каждому из нас: так и благая Заступница рода христианского не несвидетельствованну Себе творит перед всеми и каждым из нас. Не все ли мы в свою чреду испытываем на себе спасительную силу молитв Ее? Грехи наши ввергают нас в искушения различные и тяжкие; грехи наши расстраивают наше здоровье и состояние; грехи наши влекут к нам за собой скорбь и печаль; грехи наши оскорбляя святость Человеколюбца Господа, движут к отмщению праведный гнев Его. Кто же удерживает Его высокою и крепкую мышцу, быть может, уже

подъятую на посечение выи грешников? Кто невидимо ободряет нас отрадой и утешением в минуту, когда треволение скорбное готово уже опрокинуть утлую ладью духа нашего и потопить ее в бездне отчаяния? Кто нередко избавляет нас от болезней и недугов, неисцелимых по суду науки, и подает неожиданную помощь среди кровавых нужд и напастей? Кто незримо утоляет и умеряет в нас вопли души, сетующей о грехах и укрепляет ее упованием на милость Божию, как не Она, всемогущая и преблагословенная Заступница, приседая самому исходищу милости и щедрот божественных?

Вот почему, братия моя, мы не скорбим и не вздыхаем об отшествии от нас в мир горний богоизбранной Девы, а духовно торжествуем, прославляя Ее дивное преставление. Вот почему не воплям безотрадным предаемся мы, созерцая верой дивное восхождение на небо Богоматери, а усугубляем радостно-хвалебные песни в Ее честь и славу.

Да, мы ведаем, что Она, Пресвятая Мария, как земное небо, возвышена в горнее селение славы Божией для нашего блага, для того чтобы Ей действием Своего заступления удобнее обнимать всю поднебесную. Мы ведаем, что Ее молитвы теперь изливаются перед самим престолом Триипостасия Божия, и втекая, так сказать, в самое начало святых определений о грешном мире, сильнее могут изменять грозные суды Божии, растворяя их милосердием. Кто же после сего, торжествуя славное успение Богоматери, не възграется духом и не вознесется благоговейной мыслью к Пресвятой Владычице в самое небо? Кто не подвигнется во глубине души на Ее славословие, прославление и благодарение, сопровождая теплое чувство и святую мольбу святым вздыханием?

Матерь Божия! Уснув и преселившись к жизни вечной, как Матерь жизни присносущной, Ты и во успении Твоем обещаешь не оставлять мира, хотя он и весь во зле лежит. Вот, мы еще живем в этом грешном мире, – живем среди непрерывных наветов и искушений, не только обуреваем от соблазнов мира, но и увлекаемся кийждо от своей похоти (Иак. 1:14). Между тем, мы искуплены кровью Сына Твоего, запечатлены дарами благодати, усыновлены Богу, как наследники Его небесного царства, и составляя духовное достояние Христово, вместе с тем, составляем и Твой удельный жребий. Не оставляй же нас, Пречистая, Твоим всемогущим ходатайством перед престолом вечной правды; укрепляй слабый дух наш в борьбе с прилогами греховными, ограждая его как шлемом, Твоим державным покровом; укрепляй и среди самых преткновений наших; спасай всех нас силой Твоих молитв и заступлений.

Но прежде всех, молим Тя, спаси, Царица небесная, нашего Царя земного и весь Его Августейший дом. Вот мы имеем вознести молитву к сыну Твоему, да призрит с высоты престола Своего на Наследника престола царства нашего¹⁴. Согрей, оживи, воодушеви нашу молитву о Царе и Сыне Царевом и принеси ее к Царю царствующих, да царство Божие, царство правды, мира и радости о Дусе Святе, расширится и утвердится в неизмеримом царстве Русском, православном, непоколебимо во веки веков, аминь.

Слово на тот же день Успения Пренепорочной Девы-Богородицы, в том же Успенском соборе сказанное в 1866 г.

О дивное чудо! Источник жизни во гробе полагается. (Стих. 1, на Господи возвах)

И в самом деле, нельзя не удивляться, каким образом, и за что, Пренепорочная Мария, уязвляется, жалом смерти, яко едина от жен мертвенных, тогда как смерть есть оброк и возмездие за грех (Рим. 6:23)? Каким образом полагается во гробе Та, которая, приняв в Себя жизнь присносущную, и соделавшись матерью Слова всесотворшего, явилась пред лицом земли и неба источником жизни для всех земнородных? Но св. Церковь, изумляясь сему таинству, сама же и поясняет его. «От мертвых чресл произведшись», говорит она о Пресвятой Деве, «естеством подобна, чистая, исхождение разреши»¹⁵. То есть: происшедши от смертных родителей, Пречистая была подобна нам по естеству, а потому и смерть вкусила. Да и как было Марии, дщери Адама первага и перстнаго, не вкусить смерти, когда и сам Адам второй – бывший в духе животворящ, родившись от Нее во времени, вкушал смерть и проходил мраком могильным, чтобы разрушить все сопротивное животу и свету? Итак, братия, уже не дивное только чудо, но и святое и премудрое, что источник жизни – Владычица Ангелов и человеков, не изъемлется из общего закона смерти, коей оканчивается на земли все земное и временное.

Но если так, то в чем же будут состоять плоды спасения, совершившегося через Слово воплощенное, для самой Виновницы жизни и спасения? О, весьма во многом, даже и в самой смерти. Ибо что значит, что св. Церковь смерть всех богопрославленных святых, именуя то кончиной, то преставлением, смерть Приснодевы не иначе называет, как только успением, как бы в смысле исключительном? Не то ли, что святейшая Богоматерь, по разумению Церкви, действительно не умерла, а уснула сном дивным и Ей только свойственным?

Правда, кончина или смерть и каждого из нас, имеет большое сходство с обыкновенным засыпанием, или сном. И чтобы понять это, следует только вспомнить: когда, как и для чего мы спим? Кто не знает, что мы предаемся сну, по прошествии дня и после целодневных трудов и занятий, когда силы телесного организма нашего начнут в нас ослабевать и изнуряться? Кто не знает, что, когда мы засыпаем: тело наше

совершенно перестает служить душе и становится неподвижным и нечувствительным ни к каким явлениям жизни; а душа, не теряя самоличности и самосознания, вступит в иные условия жизни, действует как бы вне тела и становится способнее к общению с миром духовным? Кто не знает, что мы засыпаем и спим для того, чтобы, пробудившись в следующее утро, восстать к новой жизни, с обновленными силами и в теснейшем соединении души с телом?

Теперь посмотрите, не тоже ли самое происходит с нами в смерти? Не тогда ли, и не так ли же мы умираем, как и засыпаем? Не тогда ли является к нам смерть, когда день жизни нашей – для одних длиннее, для других короче – пройдет и кончится, и когда жизненные силы в нас оскудеют и истощатся? А тайна самого умирания нашего в чем состоит? Не в том ли, что душа разлучается с телом, сделавшимся неспособным далее служить ей, и с полным сознанием вступает в иной мир и в новые условия жизненной деятельности? Наконец, вспомните, чем оканчивается такое наше умирание? Не тем ли же, чем и сон? Не тем ли, что всем нам предлежит в одно великое утро Божие возбудиться по гласу трубы Архангела, и восстать при новом, и уже нерасторжимом воссоединении души с телом, восстать с силами неоскудевающими и нестареющими, чтобы жить новый день, день без зари и солнца, день нескончаемый и вечный.

Вот, братия, несколько черт естественного сходства вообще смерти нашей с нашим же обычным засыпанием и сном! Нельзя отвергать, что кончина Пресвятой Богоматери, и в этом отношении, может до известной степени называться успением; но нельзя думать, чтобы это одно имела в виду Церковь, так ублажая исшествие из сего мира Приснодевы, – и причина понятна, Успение Присноблаженной Девы, понимаемое в смысле сказанном, не возвысило бы Ее не только над избранными Божиими в царстве благодати, но и над простыми смертными. Итак, само дело говорит, что причины, по коим мы песнословим преставление Царицы небесной, и величаем, его успением преславным и предивным, должны скрываться в мире не природы, но благодати.

Смерть грешников люта, говорит слово Божие; значит смерть праведников вожделенна и мирна. Но такая смерть есть удел одних облагодатствованных. Бестрепетный взор на смерть возможен только для тех, кои принадлежат к царству Христову и смотрят на смерть с крестом в руках и сердце. Одни верующие во Христа Иисуса, как разрушителя ада в смерти, могут видеть в грозном облике смерти не Ангела-всегубителя, но Ангела-спутника, переводящего их из одного мира в другой. Сама жизнь истинных последователей, истинных подвижников и рабов Христовых,

такова, что им бояться смерти, ужасаться ее внезапности и лютой, нет никаких причин; для них смерть есть явление всегда благовременное, всегда желанное и вполне утешительное. Иначе и быть не может. Ибо, что значит работать Господеви день и ночь со страхом и трепетом? Что значит бороться непрерывно с греховными прилогами и обольщениями, и претерпевать почти непрестанные лишения и озлобления от мира? Что значит быть всегда под крестом и распинать на нем грехолюбивую плоть свою со страстями и похотьми? Не есть ли это подвиг, хотя и облегчаемый благодатной силой свыше, и даже услаждаемый, по временам, святыми восторгами и радостью о Дусе Святе; но тем не менее, подвиг, весьма тяжкий и всегда болезненный для нашей падшей и немощной природы. Да! Не без трудов и болезней в жизни временной приобретает вечный живот и царствие Божие; не без слез и воздыханий сеется на грешной земле все святое и небесное. А при таком условии земной жизни человек Божиих, при таких непрерывных трудах, изнурениях, лишениях, озлоблениях, могут ли они – эти блаженные труженики – не воздыхать ко Господу, восклицая с Апостолом: бедный я человек: кто меня избавить от сего смертного тела (Рим. 7:24)? Могут ли не воздыхать, ожидая смерти, как мирного посланника неба, разрешающая их от уз плоти и мира, и вводящая в вечный покой, в вечную субботу, перед лицом славы Вседержителя? О, блажени таковые! Умирая о Господе, очи не умирают, а засыпают сном сладким и крепким, засыпают мирно и безмятежно, – засыпают для того, чтобы почить от трудов своих, – засыпают не только с полным упованием блаженной жизни, но и с предвкушением того блаженства, которым уже навеваает на них от жизни присновечной. Такова, братия смерть праведных!

Но кто же из всех облагодатствованных рабов Христовых столько потрудился на земле во славу Божию и во спасение земнородных, как не благословенная Мария, – эта по преимуществу смиренная раба Господня, заимодавствовавшая плоть Сыну Божию? Умастившись елеем благодати еще от утробы матери, не Она ли всю жизнь сияла светом дел богоподобных и святых? Не они ли всю жизнь процветала и украшалась, как древо благосеннолиственное, плодами жизни равноангельной? Между тем, лютое оружие скорбей и печалей, не на Голгофе только, но и всю жизнь не преставало проходить и уязвлять Ее сердце. Ни всецелая преданность в волю Божию, ни глубокое самоотвержение, с коим она служила тайне искупления, ни та слава боголепная, которая скрывалась внутри Ее, не освобождали Ее от тех горестей и озлоблений, коими мир уязвляет всех, иже от мира не суть. Но доколе еще был на земле и с Ней Ее

Сын возлюбленный, дотоле Его взор и слово, – эта живая струя благодати, ободряли Ее и укрепляли. Но вот, Единородный от Отца, исполнив Свое дело на земле, оставляет и Матерь, и землю и восходит туда, идеже бе прежде (Иоан. 6:62). Благодатные утешения Духа еще обильнее стали наполнять Богоблагодатную миром внутренним, но они не утоляли в сердце Ее той святой жажды, которой присно снедался дух Ее, присно стремясь туда – на Небо, чтобы в нерукотворенном святом святых, на веки соединиться с сыном своим, Господом славы.

Дивно ли после сего, что, когда св. Архангел возвестил Приснодеве Ее отшествие из мира дольного, Она не только без смущения, но и с невыразимым спокойствием и преданностью в волю Божию, приняла весть сию. Живое предощущение вечного покоя теперь вполне радовало дух Ее о Бозе Спасе, а это не могло не оживлять восторгом и радостью и самого лика Ее, – лика, сиявшего божественной лепотой. Тихий Ангел смерти нерешительными стопами уже подходил к Ней, но он не для того приближался к Облагодатствованной, чтобы разлучить Ее душу от тела, а для того, чтобы возблагодарить перед силой благодати Божьей, Ее приосенявшей. Чтобы принять душу Марии, для сего имел явиться сам Царь Ангелов, сам Владыка живота и смерти, и явился окруженный сонмами святых небожителей. Понятно, что Сионская храмина, в которой обитала Пренепорочная, теперь сделалась как бы селением славы Божией, и что Пресвятая душа Приснодевы, отделяясь от тела, в такую минуту и среди ликов Апостолов и Святителей, в предстоянии Ангелов и Святых, и особенно в присутствии самого Богочеловека, должна была проходить не столько путем сени смертной, сколько путем самого мирного и, если можно так сказать, райского samozабвения и сна, сна, не мечтательно, а действительно переселившего Ее от жизни земной, многострадальной и временной к жизни небесной, вечной и блаженной. И вот плоды искупления для богоизбранной Виновницы нашего спасения в самой смерти Ее! Они таковы, что нельзя не изумляться и не благодарить перед обилием непостижимых щедрот Божиих в Святейшей из земнородных.

Впрочем, братия, и здесь еще не конец того величия, которое сотворил Сильный своей Приснодевственной Матери. Все, что мы видели доселе в Ее кончине, славно и досточудно, но небеспримерно в царстве благодати. Дееписания св. человеков Божиих свидетельствуют, что и кроме Приснодевы, некоторые из избранных Божиих, при переходе в вечность, удостаивались, так сказать, начатков прославления небесного, и видели и Ангелов Божиих, нисходящих к одру их¹⁶, и небеса отверста и славу Божию и самого Сына Божия, стояща одесную Бога (Деян. 7:55).

Пресвятой Деве эти начатки, это предосияние славой боголепной явлено было, конечно, несравненно в высшей степени перед всеми, но все это было воздано Ей, не столько яко матери Бога Слова, сколько, яко сосуду благодати, избраннейшему паче всех и освященнейшему Духом не в меру (Иоан. 3:34). Почесть, уготованная Ей, собственно, как Богоматери, еще ожидала Ее, и состояла в том, что и святой плоти Ее не дано видети исления (Псал. 15:10). И вот то дивное преимущество, по которому мирная кончина Пресвятой Девы чествуется от всех родов православных, как успение в смысле исключительном.

Живое предание времен Апостольских говорит, что один из Апостолов, смотрением Божиим, не сподобился с прочими Апостолами принять благословение от Богоматери в минуту Ее преставления. Достигнув Иерусалима, на третий уже день по погребении, он пожелал видеть и облобызать, по крайней мере, Ее Пречистое тело. Но к изумлению всех открылось, что живоначалное тело Владычицы, еще до общего воскресения всех, уже возбуждено было особенным действием творческого всемогущества, воскрешено через воссоединение с ним пречистой души, и прославлено взятием на небо. Совершившаяся таким образом, тайна столь скорого изменения (1Кор. 15:51), и претворения тела, тленного в нетленное и душевного в духовное, могла показаться неместимой и необъяснимой для умов Апостольских. Итак, чтобы рассеять их недоумение и разъяснить чудо силы Божией, Богопрославленная Владычица являет новое чудо, – чудо Своей благости. В тот же день, когда св. Апостолы были все вкупе, Царица небесная сама благоволила явиться им, при общей трапезе, в радостно возгласив всем мир от Сына своего и Бога, осенила всех благословением пренебесным.

Само собой следует, что столь осязательное удостоверение в действительности чуда, рассеяв в Апостолах все недоумения, невыразимо обрадовало и успокоило дух их; но вместе с тем, оно же им показало и истинное свойство преславной кончины Приснодевы. Оно удостоверило их самим делом, что Матерь Божия, не умирала той смертью, которая, не безболезненно разъединяя в нас душу с телом, тотчас же налагает на последнее печать своего разрушения, а уснув сном крепким и необычным, почивала до известной минуты, а потом, пробудившись, по манию воли всемогущей, восстала в том же самом теле, только прославленном и одуховленном, и с тем же сознанием, как встаем мы утром следующего дня по сне noctном.

И это-то бессмертное успение Пречистой празднуем мы ныне, братия. Его-то ублажаем в духовных песнях и воскликновениях, как явление в

царстве благодати, не только преславное и досточудное для неба, но и спасительное и назидательное для земли.

Да! Мирная кончина и для каждого из земнородных может быть в известном отношении успением; но она по преимуществу может и должно быть успением для нас, верующих в Господа Иисуса. Мирная кончина есть последнее и самое крайнее для нас благо на земле. Мирная кончина есть как бы ручательство и залог и того мира блаженного, который за гробом имеет продолжаться вечно. И вот, почему св. Церковь ежедневно, вечер, утро и полудне, так молится, да даст нам Господь кончину живота нашего безболезненну, непостыдну, мирну.

Казалось бы, что после сего, все наши мысли и желания, все наши заботы, стремления и действия единственно обращены будут к концу нашей жизни, чтобы сделать его кончиной мирной. Между тем, если о чем наименее мы думаем и заботимся, то это о смерти. Само напоминание о ней для нас болезненно и горько. От чего же такое извращение в нас чувств и понятий? Увы! От образа нашей жизни и от оскудения в нас веры. Не говорю уже, жизнь, но и образ мыслей и чувств во многих из нас таковы, что, судя по ним, справедливо можно усомниться, веруем ли мы в Господа Иисуса Христа, и «чаем ли, по Его обетованию, воскресения мертвых и жизни будущего века», или скорее, принадлежим к тем неосмысленным и буим, иже глаголют не быти воскресения, ни Ангела, ни духа (Деян. 23:8). Впрочем, как бы это ни было, но то несомненно, что при мысли о смерти, неизреченные блага жизни райской не только не возбуждают в душе нашей блаженного радования о св. ревности заслужить их, но и отравляют спокойствие духа нашего и погружают его в скорбь, через одно напоминание о жизни будущей. Чем объяснить такие чувства в христианах, наследниках царствия Божия? Не тем ли, возлюбленные, что мы не проникнуты сердечным убеждением в святости божественных обетований и прещений? Не тем ли, что мы не веруем Слову Божию, а если и веруем, то живем так, что блага Царствия, по нашему собственному сознанию, для нас не мыслимы, хотя и вожделенны? А при таком настроении духа и жизни, может ли не страшить нас призрак смерти, когда эта смерть необходимо должна представляться нам, или в виде грозного всегубителя, уничтожающего бытие наше, или в виде лютого карателя, переводящего нас из мира грехов и суеты в мир нескончаемых мучений?

Итак, хотите ли, братия, не бояться смерти? Хотите ли взирать на нее благодушно и спокойно, как на посланника Божия? Живите праведно и благочестно, не прилепляйтесь к земле и к бранным благам ее до того,

чтобы упускать из виду Христа и небо; тем паче не любите мира и яже в мире, – не пристращайтесь к его минутным сладостям до того, чтобы страшиться и избегать пути крестного, хотя бы он вел нас и на Голгофу. Не отвергаю; тесен и скорбен путь сей; но за Голгофой ожидает нас Елеон и вознесение. Тесен и скорбен путь сей; но им проходили все святые, жившие в этом же мире, во зле лежащем, и боровшиеся с такой же грехолюбивой плотью, как и мы. Тесен и скорбен путь сей; но когда мы служим Господу и творим волю Его, то мы не одни; с нами помощь Божия и благодать Господня. Тесен и скорбен путь сей; но он спасителен, благословен и богопрославлен; по нему шел сам Подвигоположник нашей веры, сам Господь жизни и смерти. Идите же по нему и вы, возлюбленные, веселой ногой и с духом мужества непоколебимого; работайте Господу неослабно и с самоотвержением; содевайте свое спасение с усилием и в терпении, и все это делайте, доколе длится день вашей жизни. Когда же течение жизни вашей, направляемое по духу Евангелия и содействуемое Духом благодати и молитвенным заступлением святой Девы, будет приближаться к концу: тогда сам Бог славы даст вам внутреннее свидетельство мира и радости, – свидетельство, которое удостоверит вас, что в переходе в мир загробный, вам предлежит не смерть страшная, а возделенное успение. Лучезарные Ангелы окружают одр ваш, и вы под сению крыл их, в сиянии света небесного, действительно не умрете, а уснете в мире и на уповании, почиете о Господе. Аминь.

Речь произнесенная 5-го сентября 1863 года, в новоотстроенном здании для Херсонской гимназии, по освящении его и по молебне перед начатием учения

Благородное Собрание!

Напонец, новый питомник благородного юношества Новороссийского, приднепровского края окончен и освящен!

Итак, благословение Божие и помощь от святого, призванные молитвой при самом заложении дома сего, совершили свою силу и действие. Сила неослабной воли и ревности об общем благе, поддержанная силой свыше, восторжествовала над всеми препятствиями. Более чем двухгодичный труд напряженной заботливости и беспокойства увенчан успехом вожделенным. И вот внешнему прозябанию и процветанию науки открыт жизненный простор, под новым кровом, более светлым и достойным.

Оставалось, во гласе хвалы и благодарения к Всеверховному Зиждителю, вознести новые мольбы о благодатном приосенении и покровении дома сего и живущих в нем, о ниспослании нового благословения и новой помощи на самое дело и делание, имеющие здесь открыться. Но и этот благочестивый долг святой веры выполнен.

Теперь служителю алтаря Христова ничего более не остается, как поздравить вас, господа начальствующие, руководящие и руководимые под сению сего святилища, поздравить со столь добрым началом, положенным во главу угла предстоящих вам трудов, поздравить и пожелать, чтобы Дух Божий, только что молитвенно-призванный, Дух благой и правый, Дух разума и премудрости, предохранил вас от духа лжи и лукавства, который навеяв с Запада и повсюду разливаясь среди нас, увлекает многих из нас, и не совсем слабых и легких смыслом, – предохранил вас от духа, или лучше, заразительного недуга нашего времени, который, проникая все слои быта общественного и частного, стремится к потрясению и даже ниспровержению в нас самой основы благоденствия земли Русской.

Русь святая столько веков прожила уже началами православными. Столько веков дышала она и питалась дыханием жизни самобытной, народно-русской, проникнутой верой в Бога и верностью к царю. Столько веков шла она таким образом, могучая и благословенная, вперед, от силы в силу и от славы в славу. Чего же вам еще больше? Нужны ли для нас те

модные принципы, которые, прикрываясь громкими названиями прогресса и гуманности, разлили уже по Западу яд свой, смешав его с потоками крови? Истинный прогресс и благоразумная гуманность нам не чужды. Мы от них не прочь. Нам чужды, нам не сродны одни лишь принципы неверия, материализма, социализма и разнузданности нравов, но отнюдь не дисциплины, порядка, благоприличия.

Нам чужды и не сродны принципы, по которым святая вера, Церковь, мир духовный – анахронизм; чиновачалия и власти – устарелая пошлость; почтительное отношение детей к родителям, воспитанников к начальникам, младших к старшим – следы первобытной дикости и всецелого отсутствия цивилизации; а дикий разгул и разгар страстей буйных, следование во всем страстным влечениям сердца и удовлетворение стремлениям чисто скотским – о, это – свежая современность, выполнение прямого закона природы нашей. Нет, возлюбленные, кто бы что ни говорил, а я еще повторю: такие принципы нам чужды и не сродны!

Просвещение весьма благотворно, но не всякое и не безусловно. Просвещение, заимствуемое от Света присносущного и нисходящее от Отца светов, действительно таково; но просвещение, не выходящее из пределов мудрования плоти и крови и заимствуемое от тех эфемерных, удушливых огней вольнодумства, которые, возгораясь над болотной гнилью одних недостатков, все разрушают, ничего не созидая, и оставляют по себе один лишь смрад и тление – далеко не таково.

Единственный и самый верный проводник, а вместе и критерий просвещения, истинно благотворного, есть страх Божий, как начало истинной премудрости.

Стяжите этот страх, положите его в краеугольный камень вашей веры, жизни и науки; пусть он теплится в сердцах ваших, как негаснущий светоч, и озаряет все стремления и цели ваших научных занятий, и тогда, тогда единственно, просвещение вполне будет благотворно и вожделенно и для образуемых, и для тех, в среду коих они вступать должны.

Тогда оно состоять будет не в образовании только ума, но и в обрезании сердца. Тогда оно не удалит вас от последней цели земного странствования, а покажет и облегчит путь к небу, уравнивает и усладит стропотную, а под час, и горькую стезю жизни.

Тогда и наука явится в полном блеске своего достоинства. Она не станет в безрассудный антагонизм с откровением, не посягнет на низведение вечных глаголов Божиих до степени общепростых мнений человеческих, не попустит, кому бы то ни было, коснуться

святоотечественной рукой таин искупления, потому только, что они выше сферы обычного разумения: а, напротив, сама же сознательно и благодушно вручит пальму первенства вере перед знанием. Словом, явится в полном своем величии, как неоцененный дар неба, посланный земнородным в утешение.

Таковы мои благожелания месту сему! Заключая их во имя Божие, вручаю этот кров и всех принадлежащих к нему – силе благодати и всесильному покрову Приснодевы. Чудотворный лик Ее, не неведомый стране сей, да будет здесь всегда присущ¹⁷, и да послужит он для всех, по мере веры, и обороной от духа времени лукавого и укреплением в вере православной, и помощью в труде добросовестном.

Слово на день Покрова Пресвятой Богородицы, говоренное в Херсонском Успенском собора в 1867 г.

Мы торжествуем ныне событие, весьма отрадное в мире христианском. Мы торжествуем и прославляем в молитвенно-благодарных песнях явление Божией Матери, бывшее некогда в одном из цареградских храмов – явление не образное, не в пламени огненне из купины (Исход. 3:2), не в видениях восторжения духовного, и не во гласе вещаний слышимых, но незримых, а существенное и самоличное. Это явление Пренепорочной Девы св. Церковь назвала и величает Покровом Владычицы, и ввела в среду великих христианских праздников уже более девяти столетий. Начало и происхождение его таково.

Вера в молитвенное заступление о нас Пресвятой Богоматери была в Церкви Христовой с первых веков христианства. Она основывалась на том, что Царица небесная, живя еще на земле, низводила своими молитвами милость и благословение Божие на всех, кои, прибегая к Ней с верой, просили Ее помощи и заступления, когда же Она преставилась на небо, и воссела одесную Сына своего, многообразная милость и благодать Божия еще в большем обилии стали нисходить от престола Вседержителя и изливаться на всех, по молитвам к Ней же возносимым. Основание веры, как видите, весьма твердое и незыблемое. Но оно, и после того, не преставало расширяться и углубляться по мере того, как вследствие молений к Пресвятой Владычице, всем и всюду ниспосылались от милосердия Божия и благодатная помощь, и избавление от находящихся зол и напастей, и всякое деяние благо, и всяк дар совершен. Итак, не доставало только видения, каким образом Владычица Ангелов и человек предстательствует перед Сыном своим и молится за мир грешный. Но благой Промысел не замедлил показать земнородным и эту тайну мира горнего.

Под конец девятого столетия, перед самым просвещением св. Руси православной верой, греческое царство, несмотря на обширность своих пределов, видимо изнемогало, частью от внутренних междоусобий и возмущений, а частью от непрерывных внешних нападений разных народов: Персов, Норманнов, Болгар и Сарацин. Языческие и мусульманские орды и племена, с разных сторон вторгались в его пределы, и опустошая целые страны мечом и огнем, наводили, по временам, страх и

трепет на всю империю, не исключая и самой столицы ее Византии. Силы человеческие казались недостаточными к умирению церковных смут и политических нестроений, а тем паче, к остановлению и отражению возраставшего напора внешних врагов царства и православия. Оставалось одно, – ожидать засупления свьше.

При таком-то положении Церкви и государства, однажды, сам царь, со всем православным клиром и со всем множеством людей христоименитых, молился в день воскресный, при утреннем богослужении во Влахернском храме, – молился и изливал перед иконой Приснодевы стенания и вопль души своей. Неземной свет внезапно облистал пространные своды храма. И вот, в среде сего лучезарного света, Она – Царица неба и земли является на высоте храма, окруженная ликами святых небожителей, Ангелов и Архангелов, Пророков и Апостолов, Святителей и Мучеников, – является молящейся к Сыну своему и осеняющей храм и всех сущих в нем, держимым Ей омофором. Чудное небесное явление не для всех было доступно и вмести́мо; его сподобились видеть только те, коих душевное око не засорено было грехом, и не омрачено пристрастием к земным наслаждениям, но благодатная сила его и действие тотчас же ощущены и познаны были всеми. Царство Византийское видимо одушевилось виденным знамением. Ратуя во имя непреоборимой Защитницы православия, и ободряясь Ее державой непобедимой, оно приостановило набеги полчищ христоненавистных и утишило волнения внутренние. Вместе с тем и Церковь Христова ощутила в себе новую жизнь и силу, и имела утешение видеть не только расширение своих канонов, направленных к ограждению ее внутренней частоты и благолепия, но и распространение своих пределов. А это было причиной, что православная Византия, хотя и клониалась уже к упадку, но многие века стояла еще, возмогая невидимой силой. Та, которая явилась ныне, облеченною в солнце, и луна под ногами Ея (Апок. 12:1) – Пренепорочная Дева – как столп Церкви непоколебимый, и как стена царств святых нерушимая, на долго, на долго еще охраняла царственное достояние царей равноапостольных, а святую веру и доньне хранит Она там, – в самом средоточии агарянского нечестия и изуверства, непоколебимо и неизменно.

Какое же, братия, извлечем назидание из сего события, поистине утешительного и знаменательного? Конечно такое, что после столь дивного видения, очевидцами коего были люди не менее дивные, наша вера в молитвы и заступление Божией Матери, сама превращается в ясное видение. Ибо, если Пресвятая Владычица благоволила видимо явить себя в

подвиге молитвенном, то не значит ли, что Она и действительно молится, и предстательствует за нас грешных перед святейшим престолом Вседержителя? Если Она осеняла и покрывала предстоящих в храме держимым Ей омофором, то не значит ли, что Она с любовью приемлет под свой молитвенный покров и охранение всех притекающих к Ней с искренней мольбой и верой? Если, наконец, следствием Ее молитвенного предстояния было то, что взывавшие к Ней о помощи получили спасение Божие, и избавились от обдержавших напастей, то не есть ли это доказательство осязательное, что Ее молитвы и заступления сильны и действенны перед лицом Триипостасия Божия?

Впрочем, братия, как бы то ни было, но не нам Русским искать доказательств непреоборимой силы молитвенных заступлений Пресвятой Девы. Не нам, сынам православного Севера, не знать, как неоскуден источник благодости небесной, льющийся от Ее вседержавного покрова на православные царства и народы.

Мы упомянули об озарении земли Русской светом Евангелия вскоре после досточудного явления Влахернского. Да, почти девять веков уже, как в пределах наших сияет благодатный свет Христов; почти девять веков уже, как с верой во Христа Спасителя мы приняли веру и в досточудный Покров Приснодевы. Подыми же главу твою, св. Русь православная, и приведи на память, столько с того времени испытала ты невидимых прикровений, ограждений и избавлений от различных зол и напастей, по мере веры и прибежности Твоей к молитвам Владычицы мира? Тоже нечестие агарянское, сокрушившее Византию, не устремлялось ли многожды и на твое православие, чтобы, ниспровергнув этот оплот твоего могущества, озлобить тебя до конца, смирить в оковах выю твою, отнять у тебя исполина и крепкого, и человека ратника, и судию, и старца (Ис. 3:2)?

И надобно признаться, что юное, необъединенное отечество наше, терпя потерпело от частых приражений к нему изуверства диких орд Татарских. Надобно признаться, что кровожадность и лютость их надолго служили очистительным горнилом и для нашей земли Русской, как небезгрешной. Но дело в том, что Ангел Божий не преставал, по молитвам державной Заступницы, хранить нас и укреплять среди самых озлоблений. Припомните, кто так видимо споборствовал нам на конечное одоление супостатов? Что то была за сила, которая не раз устрашала и рассеивала несметные полчища Тамерланов, Казы Гиреев и других всегубителей Ногайских и Крымских, устремлявшихся на разграбление и поругание святыни Московской? Не сила ли молитвенных предстательств о нас Приснодевы? Не та ли сила, которая доселе прославляется в дивных

памятниках боголепно приосеняющих нашу древнюю Митрополию, не только в виде отдельных храмов, но и целых обителей? А умолчим ли о другом памятнике особенной милости к нам Богоматери, – о памятнике менее вещественном, но не менее историческом и священном? Я понимаю царей Русских из дома Романова, и то начало царствующей ныне династии, которое так беспримерно в летописях мира.

Что за чудное зрелище – это начало? Многочисленный сонм иерархов Русских со всем синклитом бояр Московских, в сопровождении бесчисленного народа, с молебным пением, с иконами и крестами наполняют храм Ипатьевской обители¹⁸, и там, представ перед юного Михаила Романова, умоляют его именем Пречистой, принять и возложить на себя златой венец и бармы Мономаха, и воссесть на осиротевший престол Владимиров. Благочестивая мать будущего всероссийского венценосца долго отвечала на вопли народные одним рыданием и молитвой к Пресвятой; наконец не могли долее противостоят слезным мольбам Церкви и народа, решается дать на царство сына своего, но не иначе, как вручив его защите, молитвам и благодатному водительству державной Заступницы, перед Ее чудотворным образом. И вот, от сего то священного лика Богоматери, именуемой Феодоровской, и как бы из самих рук Царицы небесной, принят царственный юноша и поставлен не только во главу царства Русского, но и в родословный корень царствующего дома. Какое святое начало! Но это не все. Святое и славное начало вполне оправдалось продолжением.

Блистательный ряд доблестных самодержцев, утвердивших церковь, удерживавших царство, оградивших его всякого рода «уложениями» и «сводами законов», не говорит ли во всеуслышание веков настоящих и грядущих, что молитвенный покров, из-под которого, так сказать, вышел славный дом Романовых, не оскудел и не истощился в спасительных приосенениях державы Русской? Что значат мудрые царствования Петров, Екатерин, Николаев и Александров, – этих исторических исполинов, так владычественно указавших России ее цель и значение в среде держав мира? Не суть ли это осязательные знамения, что Пресвятая Дева не престаёт милостиво призирать на Россию, во всех ее проявлениях жизни государственной? А двукратное избавление от зиявшей смерти Благочестивейшего Монарха нашего не говорит ли громче всех событий мира, что охранный покров небесной Молитвенницы непоколебимо простерт над державным домом Романовых, и что он служит не только спасительным щитом для царства и царей Русских, но и стеной и прибежищем для всех сынов православной России.

Но если так беспредельно к нам благосердие Пресвятой Девы; если столь безмерна небесная благодать, милующая, по Ее молитвам, и царей наших, и царство; то самое величие щедрот Божиих не обязывает ли, братия, нас, составляющих это царство, быть вполне достойными покровительства Вседержавной Заступницы, и делами богопротивными не заграждать тока благодати в самом исходе? Вспомните судьбу царства греческого. Доколе не оскудевал в нем настоящий, жизненный элемент всех земных царств и народов, – доколе вера Христова, обнимая все пределы царства, сияла в нем полным блеском своего православия, доколе она укрепляла и сближала своими уставами всех во един дух о Господе и выражалась в жизни богобоязненной и смиренномудрой, Христоролюбивой и царелюбивой, доколе держава Византийская, и при множестве врагов внешних, стояла непоколебимо и даже господственно и победоносно. Когда же дух Евангельского благочестия, дух веры, единения и любви друг к другу – оскудел и истощился в среде народов, ее составлявших; тогда и всесветное царство, не преставая именоваться христианским, изнемогло и пало под иго врагов креста Христова.

Что же, братия! Пренебрежем ли столь поучительным уроком? Пренебрежем ли этим живым и неумолкаемым глаголом времен минувших? Покоясь под благодатной сенью покровы Приснодевы, не должны ли мы тем паче трезвиться о Господе, и не смежать очей сердца нашего, предаваясь греховной дремоте; а еще более, не должны ли мы укрепляться и возрастать в том духе древней веры и древнего благочестия, коим дышали, жили и возмозгали в державе крепости Христовой наши славные деды и прадеды? О, если когда, то ныне должны, как бы, греметь в нас слова Апостола: бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны и тверды (1Кор. 16:13), не только удаляясь от господствующего в мире растления похотью (2Петр. 1:4), но и возвращая в себе все святое во всякой добродетели и похвале (Филип. 4:8). Если когда, то ныне, дух разнузданности и своеволия, опирающихся на непонятую свободу, дух кичения, суемудрия и неверия, ратующих во имя древнего, языческого нечестия, не престают еще бушевать и на почве Русской, увлекая, к сожалению, даже и не совсем легким смыслом.

Уклоним же, братия, слух и сердце от ядовитых навеваний сих духов лестчих (1Тим. 4:1). Предадим себя всецело Христу-Богу и Его Пречистой Матери, как не престающей Заступнице нашей. Она не укоснит помочь нам; Она оградит нас и спасет своим всемогущим покровом не только от тлетворных обаяний века, но и от всех ухищрений и козней тьмы и ада. Господь же наш Иисус Христос, Ее молитвами и благодатью заслуг своих,

сам да утвердит нас во всяком слове и деле блазе (2Солун. 2:10,17). Аминь.

Слово произнесенное в Херсонском Екатерининском, что в крепости, соборе, при его обновлении 7-го октября 1863 г.

Господи, возлюбих благолепие дому Твоего, и место селния славы Твоея. Псал. 25, ст. 8

Да, братья, благочестивый Давид крепко любил благолепие храма Господня! Да и как было не любить великолепной красоты дому Божия мужу по сердцу Божию? Как было не любить селения славы Вседержителя этой богоблагодатной душе, исчезавшей в любви к Богу крепкому и живому? Храм для Давида служил отрадой и успокоением от всех его трудов и занятий. Под кровом храма он слагал все, теснившие его узы мирских забот и попечений и выводил пророческий дух свой, как бы на широту, чтобы тем беспрепятственнее прозревать тайны судеб Божиих и услаждаться беседой со своим Владыкой и Господом. Под кровом храма, то изливал он сокровенную скорбь души своей перед Сердцеведцем, то молился Ему о помощи и укреплении против обдержавших его врагов, то смирялся во вретнице и плакал о своих согрешениях, то исповедовался Господеви яко благ, яко в веке милость его (Псал. 105:1), и в упоении духовном воспевал Ему песнь хвалы и благодарения, сопровождая все это и всеожжением тучным, и псалтирем десятострунным и гласом радования.

Но не тоже ли, братья, для нас, и даже не более ли, новозаветный храм христианский, чем ветхозаветная скиния для Давида? Храм христианский не тем ли паче есть святилище, достойное всей нашей любви, благоговения и поклонения, –святилище, в коем прославляется и благословляется достопоклоняемое имя святейшей Троицы? Не тем ли паче, и для нас верующих, должен служить он отрадным упокоением от всех напастей и треволнений мира суетного, и такой усладой, и утешением, что в храме стояще на небеси стояти мним? Не здесь ли, отрешившись от всех житейских попечений, и мы в мире и безмятежии изливаем наши молитвы и моления перед Господом и взываем к Нему едиными устами и единым сердцем, как дети одной семьи Божией, одного Отца небесного? Не здесь ли, по-преимуществу, являет нам Бог Триединый всю силу любви Своей, исполняя во благих желание сердца нашего, питая и услаждая дух наш словом жизни и спасения, возрождая, обновляя и освящая нас дарами благодати Своей? Но сего не довольно.

Христианский храм есть всемирный жертвенник, на котором священнодействуется и возносится во vonю благоухания Божия святейшее бескровное приношение, изображающее ту великую жертву, которую Единородный Сын Божий, – этот великий и вечный Архиерей, принес правосудию Божию на крестном, голгофском жертвеннике, но искупление грехов наших.

Блажени любящие благолепие дому Божия и посещающие храм Господень, вечер, утро и полудне! Блажени потому что они каждый раз, если только молятся с верой и благоговением, каждый раз износят от храма святого малость Божию и благословение на все свои дела и начинания.

Блажени и вы, возлюбленные, возлюбившие красоту сего дому Божия и обновившие это селение славы дивного во святых Господа сил? Благочестивый труд любви и приношений ваших не останется без награды перед Тем, Который не скудно и независтно ценит и чашу воды, подаваемой во имя Его.

Но, обновив храм сей освящением боголепным, не оставляйте его, братия мои, пустым, без молитвословий, не говорю всегда, но по крайней мере во дни воскресные и праздничные. Не подражайте тем, которые, вознерадев о себе и о своем спасении, всемерно стараются убить время, определенное на служение Господу, и провести его где бы и как бы ни было, только, не в храме и не среди молитвы. Не подражайте таковым и не ревнуйте. По словам того же Давида, это суть лукавнующие (Псал. 36:1); а по учению Св. Павла – сыны противления (Еф. 5:6), и чада гнева Божия. Они небрегут об уставах Церкви и не боязненно нарушают заповедь Божию о чествовании дней святых, потому, что в них уже омертвела вера и иссякла любовь к Богу. Живя по духу мира и плоти, они мудрствуют по плоти, стремятся к плотскому, услаждаются плотским, и все свое счастье полагают в наслаждении плотском. А живя таким образом, дивно ли, что таковые нисходят, наконец, до такой глубины зол, что и сами становятся одна плоть (Быт. 6:3), не имеющая права на наследие духовное в небе. И по мере, того как Дух Божий, дух жизни истинной и святой оскудевает в них, и дух благоволения Отчего оставляет их и не имеет пребывать на них (Быт. 6:3).

Как и в чем таковые проводят время, отнимаемое у Бога, мы не будем касаться сего. Дела мира и дела плоти столько же разнообразны, сколько и безобразны. Мы скажем только о том, что в наше больное время, страждущее заразой вольнодумства, нерадящих о храме Божиим, к прискорбию, весьма много, и что едва ли не все они иногда приводят в

оправдание своей ленности и нерадения, один предлог, за который обыкновенно прячется их лукавая воля; едва ли не все ссылаются на вечные недосуги, и стараются извинить и оправдать себя в оставлении службы Божией множеством дел, с тем только различием, что одни из них укрываются за дела послужб, а другие – за обычные дела по дому и хозяйству.

Что последние, оставляющие храм Господень, но не оставляющие своих обычных дел и занятий и в день субботний, явно нарушают заповедь Божию, – явно и тяжко грешат и не имеют вины о гресе своем, это не требует ни доказательств, ни разъяснений. Но что сказать о первых, о тех, кои прикрываются делами службы¹⁹?

Не отвергаю, что во всяком роде службы общественной могут быть такие случаи, что, при самом усиленном желании почтить день господень, не усматривается никакой возможности находиться при Богослужении. Само собой следует, что подобные невольные нарушения заповеди Божией никому не могут вменяться в суд и осуждение. Это – вина благословная, т. е. уважительная. Святая Церковь снисходит к подобным случаям и об оставшихся в домах благословной виной, молится также, как и о предстоящих в храме. Но согласитесь, братия, что такие случаи – не более как исключения, и следственно, по самому свойству своему, должны быть очень редки. Между тем, сколько есть таких из нас, кои круг этих исключений расширяют до того, что нехождение в храм Божий обращают для себя как бы в правило, не допускающее почти никаких исключений. Как судить об этом, и что тут винить? Должность ли и службу общественную, или же скорее нашу собственную беспечность в деле спасения и нескрываемое небрежение о заповеди Божией?

Нам нельзя жаловаться, что порядок и внутренней строй нашего государственного управления и законодательства стесняют нашу свободу в делах веры и благочестия. Следует только вспомнить, что мы живем в царстве не только христианском, но и православном, что наши русские законы относительно служб и должностей писаны и пишутся под влиянием духа Евангельского и постановлений церковных, и что заповедь Божия о дне субботнем, т. е. о днях воскресных и праздничных не только не отменена, но и усилена, распространена и ограждена от нарушений. Возможны ли, после сего, частые столкновения закона Божия с законом государственным и не все ли те, которые уклоняются от участия при общественном богослужении, под предлогом службы и должности, не благородно лгут, и клеветуют и на службу, и на должность?

Но положим, что доля дел служебных, не оконченных в продолжение

шести дней, может падать и на день седьмой. Что же? Думаете ли, братия, что это столкновение обязанностей служебных с религиозными таково, что из-за дел по службе непременно надобно оставлять храм Божий и общественную молитву?

Занятия служебные, предстоящие нам в день воскресный, как бы ни казались обязательны и важны, однако они далеко не таковы, чтобы из-за них мы оставляли в этот день пищу и питье, отдых и сон. А если всем этим потребностям тела мы удовлетворяем неопустительно, потому что считаем их необходимыми: то почему же нам не удовлетворять потребности душевной, как более необходимой, – потребности присутствовать в святом храме? Нельзя же сказать, что нет времени. День седьмой или недельный весь и по преимуществу есть день Божий; это есть суббота Господу Богу. Не найти двух, трех часов для Бога в двадцати четырех, которые все суть Божии, значит святотатственно похищать время у самого Творца времени и Царя веков (1Тим. 1:17); значит обнаруживать самую грубую и оскорбительную неблагодарность перед благим Промыслителем, во власти коего и время, и вечность, и наша жизнь, и наши силы, и наш успех во всяком деле. О, благо тем, которые имея в виду воздать царю цареву, прежде воздают Божия Богови! Благо тем, которые прежде молятся Господу и испрашивают от Него помощи и благословения, а потом с умиротворенною совестью и спокойным духом принимаются, если то нужно, и за дело.

Но молиться можно и дома, обыкновенно говорят таковые. Действительно можно, и не только можно, но и должно. Господь Иисус Христос, дав нам заповедь молиться дома в затворенной клети, подтвердил это и освятил Своим собственным примером. Но молитва домашняя, или келейная, отнюдь не заменяет, тем паче не отменяет молитвы общественной в святом храме. Тот же Спаситель наш, который и заповедал нам молиться в уединении и Сам почаству молился целые ночи то на высотах гор, то в пустыне, не приходил ли каждый год своей земной жизни в Иерусалим на праздник Пасхи, и не присутствовал ли при богослужениях в храме? А живя в Галилее, не посещал ли Он синагоги и не участвовал ли в молитве общественной? Святые Апостолы делали тоже самое. Несмотря на то, что сень закона обрядового уже проходила и исчезала, а светозарная денница Евангельского учения, имевшего изменить лицо всей земли и Церкви, уже занималась и сияла в сердцах верующих (2Петр. 1:19), Апостолы не преставали восходить для общественной молитвы в ветхозаветное святилище, (Деян. 3:1) дотолу, пока из них самих, как камней живых не устроился храм духовен (1Петр.

2:5). Таким образом ни Христос, ни Апостолы не оставляли собраний церковных, и не заменяли их молитвой домашней.

Да и может ли заменить эта домашняя молитва общенародное молитвословие в храме? Не говорю о том, что молитва совокупная, возносимая от многих, действеннее, сильнее и угоднее Господу, потому что обобщая и объединяя всех молящихся во един дух мира и любви, делает всех нас братьями во Христе Иисусе; не говорю о том, что божественное обетование, данное Спасителем о Его особенном, хотя и незримом, присутствии среди нас, относится не к одному молящемуся, а к многим, собирающимся о имени Его; не говорю, что в храме возвещаются все тайны спасения нашего и проповедуются все дела беспредельной любви Божией к нам грешным; не говорю, что здесь представляются взору и слуху нашему бесчисленные образцы веры и благочестия в примерах празднуемых святых: скажу о том только, что в этом святилище, в этом небе преклоненном, мы зрим и слышим Самого Сына Божия, нашего Спасителя сидящего на небе одесную славы Отчей, и в то же время являющегося нам в святейшей тайне Евхаристии, являющегося и питающего нас Своим пречистым телом и Своей Боготочной кровью. Может ли быть что выше сего, святее и вожделеннее для сердца верующего? Знаю, что святые тайны преподаются не всем и не всегда, но и одно присутствие при освящении их, одно богоданное поклонение им по освящении, и одно осенение ими при перенесении на жертвенник, какую силу, благодать и благословение низводит от Самого Христа на молящихся с верой и любовью? Можно ли все это заменить молитвой келейной.

Итак, молитесь, братия, и дома в уединении, молитесь утро и вечер, и во всякое время; молитесь в будни и в дни празднеств; но последние, т. е. дни воскресные и праздничные освящайте, кроме того, общественным молитвословием и провождайте их во всякой святости, назидая самих себя псалмами и славословиями, и песнопениями духовными, во благодати поюще Господеви не только в сердцах ваших (Ефес. 5:9; Кол. 3:16) и в уединении, но и во храме, всенародно. Сам же Бог мира и Отец щедрот, за молитвами святой Великомученицы Екатерины, имени коей посвящен храм сей, да обновит, да освятит (1Сол. 5:23) и да спасет всех вас. Аминь.

Речь перед благодарным молебствием о благополучно совершившемся бракосочетании Государя Наследника, сказанная в Херсонском Успенском соборе 28-го октября 1866 г.

Возлюбленная о Христе братия!

Случай чрезвычайный созвал нас в такой час²⁰ под кров сего святилища. Г. Начальник губернии сегодня имел счастье получить от Его Величества извещение о том, что священнодействие торжественного бракосочетания Наследника Цесаревича совершено благополучно вчера, в 2 часа по полудни. Извещая о сем радостном событии, Самодержавный Отец царственной семьи и великого семейства народа русского, тут же заявляет свои надежды, что все верноподданные Его полусветного царства не укоснят выразить полное сочувствие к совершившемуся делу, и вознесут ко Господу Богу благодарственные молитвы за ниспосланное свыше благословение на державную Чету, на весь Августейший Дом и на всю святую православную Русь.

Нужно ли что прибавлять к сему? Какое сердце русское не поймет вполне родного голоса возлюбленного своего Отца-Монарха и не отзовется на него трепетным восторгом? Кто из нас, в чувствах глубочайшей признательности к Царю-Благодетелю, к Царю-Освободителю, к Царю-Преобразователю не поспешит излиться в св. благожеланиях и молитвах перед Царем царей, да почитет Его благословение на сыне царевом, – на нашей надежде будущего благоденствия, на нашем Наследнике престола Русского, соединившем на веки перед престолом Божиим и руку, и сердце свое с рукой и сердцем Благоверной Государыни Великой Княгини Марии Феодоровны.

Преклоним же колена душ и телес, в притрепетном благоговении и с искренней мольбой, – преклоним перед непостижимым величеством Того, перед Коем преклоняется всяко колено небесных, земных и преисподних. Пусть недремлющее и всевидящее Око узрит, что мы не внешне только, но и внутренне истинные сыны отечества, что мы не устами только исповедуем, но и в сердце прославляем дивное величие щедрот и благодеяний, которые непрерывно льются от престола царева на все сословия царства Русского.

Боже царей и царств земных! Положив венцы от камене честна на главах Порфирородных, Ты увенчал их не одной лишь славой и честью, но и благословением благостным и зиждительным. Молимся Тебе со всей Церковью Твоей: утверди на веки это благословение Твое на юной царственной Чете, да поживут о имени Твоем в здравии и долгоденствии, в мире и радости о Дусе Святе, на благо, на радость, на славу державного дома Романова и Богохранимой земли Русской.

Слово на неделю восемнадцатую, сказанное в Херсонском соборе в 1863 г.

Доброхотна дателя любит Бог. 2Кор. 9:8

Было время, когда весь мир христианский составлял одно святое семейство, – когда все верующие во имя Господа Иисуса не только бяху вкупе, во взаимном общении, но и имеяху вся обща, истязания и имения продаяху, и раздаяху всем, его же аще кто требование (Деян. 2:42,44,45). Но это блаженное время было непродолжительно. По мере того, как слово крестное стало обнимать все концы мира, любовь Христова и взаимное общение, ослабляемые оживавшими страстями, стали оскудевать между верующими, о божественные Апостолы должны были поддерживать в них святое чувство любви и сострадания уже указанием на спасительные следствия благотворительности: доброхотна дателя любит Бог.

Что же сказать о нас, братия, которые, с одной стороны, слишком отдалены от века Апостольского и по времени, и по жизни, а с другой, – слишком, быть может, близки к тем временам, о коих сказано: и за умножение беззакония иссякнете любви многих (Мф. 24:12)? Какие побуждения ныне служитель слова должен употребить, чтобы подвигнуть христианствующую братию к Евангельскому общению и сострадательности? Повторять ли одни и те же уроки, что бедные и худородные века сего суть наши братья и по природе, и по благодати, что Отец небесный, изводя для всех и росу с неба, и тук от земли, одинаково объемлет Своей любовью всех и каждого, что лучшего употребления из наших стяжаний мы не можем сделать, как разделяя их с требующими и проч. и проч.? Предлагать ли эти истины, на которые наш век, и сам, по-видимому, не чуждый гуманности, смотрит как на учение людей отсталых?

Впрочем, как бы то ни было, а святые Апостолы считали нужным почасту указывать и на единство корня, от коего произошли все сыны Адама, не исключая ни бедных, ни богатых, и на тот залог любви и общения, который представляет и не престанет представлять до века вера Христова. Да и сам Законоположник веры не представляет ли нам самых сильных и разнообразных побуждений к милосердию и сострадательности и в примере жизни, и в своем учении прикровенном и открытом? Припомните, какой высокий образец сочувствия и благотворительности к ближнему являет Он в притче о некоем человеке, впадшем в разбойники! Самарянин доброхотно врачует язвы иудеянина, который считал его

отщепенцем и почти врагом: Самарянин доброхотно служит своим именем тому, кто его отвращался и презирал. Какой благородный пример самоотвержения и любви истинной, высокой, поучительной! Не ясно ли говорит он, что никакие отношения наши друг к другу, ни само различие веры не освобождает нас от обязанности благотворения? Что же служит сему основанием? Конечно то, что, несмотря на различие стран, племен, вер и исповеданий, все мы составляем в очах Божиих одно всесветное семейство. Отец природы и всех тварей есть по преимуществу Отец и всех человеков. Всех Он милует, о всех промышляет, всем подает по своему благоутробию и жизнь, и дыхание, и вся (Деян. 17:25). А столь безмерное благоутробие Отца небесного, с любовью отверзающего сокровищницу щедрот своих для всех, не исключая и злых, и неблагодарных, не побуждает ли и нас – чад Его – к тому, да яже видим Отца творяща, и мы творим такожде (Деян. 5:19).

Ветхозаветные жертвы заповеданы были самим Богом, и имели весьма важное значение в делах веры подзаконной; они составляли единственное средство к умилоствлению Бога о людских согрешениях и к освящению самих согрешающих. Между тем, к древним жертвоприносителям взывал Господь через пророка: милости хочу, а не жертвы (Ос. 6:6), – взывал, говоря как бы так: вы проливаете кровь на алтаре жертвенном, вы сжигаете предо мной тук овнов и козлов ваших, вы приносите мне фимиам и жертвы всежжения, и все это делаете по моей заповеди; но знайте, что я лучше милости хочу, а не жертвы. Вы строго храните субботы и праздники; вы совершаете, но гласу труб новомесячия и новолетия; вы отделяете для меня начатки и десятины; но и опять знайте, что я лучше милости хочу, а не жертвы. Не так ли же воззвал, бы и к нам Всесвятый и Вседовольный Владыка мира, если бы мы достойны были Его непосредственных вещаний? Не сказал ли бы он почти того же и к нам, что к древнему Израилю: чтобы выразить предо мной дух веры и благочестия, вы воздвигаете алтари и храмы в честь имени моего, и жертвуете от ваших стяжаний на благолепие дому моего; все это хорошо; но знайте, что я лучше милости хочу, а не жертвы; вы одеваете серебром и золотом мои изображения и лики святых угодников; но когда стоят пред вами в рубищах полуобнаженные и с искаженными нищетою лицами, живые образы мои: то знайте, что я лучше милости хочу, а не жертвы.

Если же сам Бог сосредотачивает сущность Своего закона в милости и любви к ближнему, – сосредотачивает до того, что и на страшном суде, милосердие, как бы, одно перед всеми добродетелями торжественно благословляется и призывается к наследованию Царствия: то какое еще

нужно нам побуждение к человеколюбию и состраданию? Напечатлеем же, братия, на сердцах наших эту истину; не отринем живущих именем Христовым, отнимем слезу от очей сетующих, облегчим тяжкую долю страждущих. Усердное приношение в облегчение участи несчастных есть наилучшая жертва, коей благоугождается Бог; она возносится в самое небо, к самому престолу Триипостасного и приемлется Им в воню благоухания.

А что сказать о той великой жертве, которая принесена некогда на кресте Сыном Божиим? Не всех ли нас она объемлет своими спасительными действиями? Не все ли мы, будучи естеством чада гнева и противления (Еф. 1:3; Кол. 3:6), во Единородном Сыне Божиим, стали присными Богу и нареклись чадами Божиими (1Иоан. 3:1; Еф. 2:19)? Не у всех ли нас один Господь, одна вера, одно крещение (Еф. 4:5), одно упование, коим воодушевляемся, одно царствие, к коему стремимся, и одна благодать, коей спасаемся? Не у всех ли один ходатай Бога и человеков Христос (1Тим. 2:5), совокупляющий Собой и в Себе всех нас в одно таинственное тело, коего мы члены, а Он глава?

Нельзя не назвать блаженными тех, которые видели Господа, жили с Ним и служили Ему от своих имений; и если бы Он – Спаситель и Господь наш – благоволил ныне явиться среди нас, требуя от нас благих наших: то кто из нас не поспешил бы повергнуться к стопам Его и себя самого, и все стяжение свое? Между тем, братия, этот Господь, для коего мы не пожалели бы и самой жизни, предстоит нам и ныне, как и всегда, – предстоит невидимо и видимо; – невидимо в Своей Божественной Ипостаси; – видимо в лице бедных и нищих мира сего, коих Он не стыдится братией нарицати (Евр. 2:11). Что же препятствует св. желанию в нас, если только оно есть, делиться с Ним нашими благами земными? Не все ли равно благотворить, Ему ли Самому лично и непосредственно, или тем, на коих Он указывает, как на Своих представителей? Не все ли равно, когда всякую милостыню, всякое подаяние, кому бы оно ни было сделано, Он вменяет Себе и обещает воздать каждому и за чашу воды, поданной во имя Его? Понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25:40). И иже аще напоите вы чашею воды во имя Мое, не погубите мзды своея (Мар. 9:41).

О счастливы те, кои, памятуя слово Божие и водясь духом Христовым, не презирают нища и убога, а милостиво призирают на них, сочувствуют им и делятся с ними от своих праведных трудов! Благословения земли и неба не престанут ходить во след им в род и род. В род и род пребудет память с похвалами тех, кои смотрят на блага мира сего, как на временные

дары Божии, и разделяют их с теми, коих доля видимо злополучна.

Правда, доколе мы живем на земле в бренном теле, дотоле и сами имеем нужду в средствах жизни. И потому, когда трудимся и приобретаем для себя, то отнюдь не поступаем вопреки намерению Божию. Однако же, братия, когда благий Зиждитель мира любвеобильно благословляет нас дарами счастья, то не для того ли Он творит это, чтобы нам иметь не только для себя, но и для других, не только для того, чтобы довольствоваться самим, но и для того, чтобы уделять нищим (Еф. 4:28.)? Не для того ли Отец благой угобжает нашу ниву паче прочих, чтобы нам иметь возможность и алчущего накормить, и безкровного ввести в дом свой, и немощному помочь, и скорбящего утешить? Словом, не для того ли, чтобы нам быть богатыми, как говорит св. Павел, на всякую щедрость (2Кор. 9:10)? «Преломи хлеб твой, говорит Сирский златоуст, – св. Ефрем и удели нищим: ты даешь не свое; Бог для того дал тебе в избытке, чтобы и ты подавал другим»²¹. Но вы боитесь, что уделение нищим нас разорит, и самих сделает нищими? Не бойтесь. Нищими делаются не от нищих, а от богатых. Уделение нищим и убогим от своих избытков не разорение, а скорее обогащение. Это есть утренняя роса, которая для того восходит от земли к небу в тонких парах, чтобы снова низойти на землю в обильном дожде.

Корень всем злым, говорит св. Павел сребролюбие есть (1Тим. 6:10). И подлинно, кто собирает сокровища себе, а не в Бога богатеет (Лук. 12:21), тот или порабощает себя постыдной скупости, полагающей все свое блаженство в обладании сокровищами, без наслаждения оными, или впадает во искушение роскоши и самонадмения. А таким образом богатство, как скоро люди слишком прилагают к нему сердце свое (Псал. 61:11), не только препинает им на пути ко спасению, но едва ли не лишает их и самой возможности спасения. И вот почему сказано: удобнее есть вельбуду сквозь иглы уши проити, неже богату во царствие Божие внити (Мф. 19:24). Ах какое блаженство стяжал бы евангельский юноша, если бы по совету Господа раздал имение свое нищим? Как он недалек был от царствия? Но любовь к благам, а может быть и желание житейских наслаждений сильнее действовали в нем, нежели попечение о снискании живота вечного, и потому он не принял предложения Спасителя, и отыде скорбя, бе бо имея стяжания многа (Мф. 19:22).

Но евангельский юноша, быть может, еще одинок был, а многие из нас имеют детей: справедливо ли будет отцу не заботиться об устройении участи сына? Справедливо ли, раздав все чужим, заставить своих ходить по миру? Знаю, братия, что все это правда; знаю, что кто не печется о

домашних своих, тот, по словам Апостола, неверного горши есть (1Тим. 5:8). Да и слово мое не к тому клонится, чтобы убедить вас лишать детей своих законного наследства, а к тому, чтобы, сопоставив детям вашим детей Божиих, напомнить, что, питая хлебом чад своих, вы не должны же отказывать в крупицах, падающих от их трапезы, и бедным Лазарям, и что ваша родительская заботливость, об устройении судьбы детей, должна быть умеряема в вас – с одной стороны, благоразумием и осмотрительностью, а с другой, – преданностью в волю Божию.

Не случается ли и ныне на опыте, что сказал по опыту один благоглаголивый муж: сыну безумну на пагубу богатство много? Не случается ли и ныне, что бездна стяжания отчего обращается в бездну погибели для чад и домочадцев, как скоро они, наследовав богатство родителей, не наследовали их трудолюбия, честности и благоразумия? А из сего не следует ли, что все пекущиеся о благе детей своих, должны обогащать их не столько сокровищами мира сего, сколько средствами приобретать сии сокровища. Да и кто не знает, что искомое счастье, искомый рай на земле, – вовсе не в сокровищах, тленных и иждиваемых? Посему, хотите ли вы, родители, так любящие детей своих, хотите ли действительно обеспечить участь их, – хотите ли в собственном смысле составить им счастье: обогатите их такими благами, которые благопотребны не только в вещи сем, но и грядущем – научите их первее всего бояться Бога и хранить заповеди Его (Еккл. 12:13), утвердите их в правилах веры и благочестия, соделайте их истинными чадами Церкви и отечества, заставьте их полюбить труд и честность, и быть верными своему званию; а когда они будут искать прежде царствия Божия и правды Его (Мф. 6:33), то, поверьте не мне, а Самому Христу, что все прочее, все необходимое для жизни довольной и безмятежной, приложится им. Сам Отец небесный благословит их на всех путях жизни; Сам он ущедрит и осчастливит их более, нежели все отцы земные.

Впрочем, наше намерение не в том состоит, братия, чтобы показать, как родители должны заботиться о своих детях, а в том, чтобы доказать, что мы не можем сделать благороднейшего и лучшего употребления из своих стяжаний, – из этой мамоны, будет ли она праведна, или неправедна (Лук. 16:9), как уделяя из оной бедным и неимущим, и что если мы не уделяем, то делаем это, или по любостяжанию и жестокосердию, или по маловерию и беспечности о своем спасении. Между тем, слово Божие не ложно; скорее земля и небо прейдут, нежели одна черта из закона Господня останется без исполнения (Мф. 5:18).

Но если бы и за сим нужно еще было убеждать вас, братья, и

наклонять к блаженному щедролюбию, то преемнику служения Апостольского ничего бы не оставалось более, как повторить перед вами тоже убеждение, которое в свое время предлагали и сами Апостолы, и которые вы слышали и в нынешнем чтении, и в начале сего слова: добротна дателя любит Бог. Слов немного, но сколько силы? Бог любит того, кто жертвует от своих имений в пользу бедных. Какое побуждение может быть выше и сильнее? Какое благо святее, драгоценнее и вожделеннее для человека, как не любовь Божия? В любви Божией к нам – верх нашего блаженства. Злополучен, невыразимо злополучен тот, кого не любит Бог. Сто крат блажен и преблажен тот, кого Бог любит. Аминь.

Слово на новый 1867 год; произнесено в Херсонском Успенском соборе

В настоящую минуту, мы стоим как бы на рубеже двух годов: прошедшего, старого и только что наступившего, нового.

Год старый, отягченный различными событиями мира и нашими грехами, уже канул, как капля, в океан вечности, и слившись там с неисчислимым множеством подобных годов, вошел в состав одной необъятной години, или века прошедшего. Этот год уже перестал жить для нас, и более не возвратится к нам; но дела наши, учиненные в его продолжении, – дела добрые и злые, – живы и перед нашей совестью, и перед всеведением Божиим. Невидимая рука вечной правды вписала их в книгу живота и смерти, и наступит день, когда они откроются и прочтутся не перед нами только, но перед всей вселенной.

Новый год еще не загроможден делами людскими, но он уже вступил в череду живых времен, и направившись к той же бездне вечности, уже повлек с собой и нас, и все, что на земле и во времени.

Что предстоит, что ожидает нас на этом новом поприще жизни? Ожидает ли нас та же благодать и то же долготерпение Божие, которое доселе миловало нас среди самих неправд наших, или прещение и гнев небесный, привлекаемые на землю воплем грехов человеческих? Сретят ли нас здесь здравие и благоденствие, мир и радость, утехи и наслаждения среди обилия благ жизненных, или скорбь и болезнь, слезы и сетования среди тесноты, лишений и недостатков в потребностях насущных? Ополчится ли перед нами Ангел благой, чтобы охранять наше шествие на всех стезях жизни, и проведет ли нас по новому поприщу странствования непреткновенно и до конца его; или лютый ангел пагубы и смерти будет назирать стопы наши, чтобы поразить нас в минуту, в нюже нечаем, и в день, егоже неведемы?

Так-то, братия, важен, так-то близок к сердцу каждого из нас момент вступления в новую жизнь, в новое лето. Если когда, то в подобный час, душа верующая, душа еще не закружившаяся в вихре суеты земной, чувствует потребность быть выше земли и времени, и хотела бы вознестись до самого престола бессмертного Царя веков, – но вознестись не для того, чтобы проникнуть в тайну судеб и определений о нас в лето грядущее, а для того, чтобы перед лицом Отца небесного излить благоговейные чувства, обдержавшие нас, при мысли о лете минувшем.

Год прошел, – и смотрите, – сколько он, унес живых отпечатков и

следов Бога, шествовавшего среди нас в явлениях не столько правды и суда, сколько любви и милости, и следственно, сколько оставил он воспоминаний не одних приятных и радостных, но и грустных и томных, слившихся теперь в одно безраздельное чувство умиления и хвалы благому Промыслителю. Год прошел; претящая рука Божия касалась и нас. Да, и мы не свободны были страхов, опасений, болезней, потерь и лишений: однако же десница Господня, явившая над многими, из близких к нам, строгость и непощадие, над нами самими явила благость и помилование. Год прошел; многие претерпевали нужду, томились под гнетом нищеты, проливали слезы; но под нашим кровом, не оскудевали в силе благословения Божие, ни горсть муки в водоносе, ни елей в чванце (3Цар. 17:12,14). Возраставшие всюду недостатки в жизненных средствах, как ни страшили нас, но мы не лишались возможности не только прокормиться со своим семейством, как вдовица Сарептская с человеком Божиим, но и провести весь год, по-прежнему, в довольстве, и даже не без наслаждений душевных. Год прошел; невидимый крест скорбей и страданий несли и мы. Злословие и клевета, не щадящая ни своих, ни чужих, ни друзей, ни благодетелей уязвляли и нас в самое сердце. Все, что доселе составляло нашу похвалу о Господе: стремления добрые, цели благие, действия буквально законные, вразумления, наставления и побуждения к нравственному совершенству, – все это в нас обезображено, осмеяно, опозорено. Но благословен Господь, не оставляющий нас искушиться паче еже можем (1Кор. 10:13)! Умножив силу благодати в немощах наших, Он умножил в нас и веру, а оживленная вера не только оградила дух наш от падений в минуты колебаний душевных, но и утвердила его в сугубой преданности в волю Божию.

Все это, при мысли о прошедшем лете, не обязывает ли нас, братия, к самой живой и пламенной любви, к благодарению и славословию благости Творческой? А сколько, в продолжении его излито на нас других благодеяний, неподлежащих слову и исчислению, и даже едва ли ведомых нам самим? Припадем же перед святейшим и премудрым Зиждителем судеб наших, со слезами сыновней преданности и благоговения, как дети перед Отцом благим, припадем, и в выражении искренности чувств наших, принесем Ему все, что есть лучшего в нас: наш ум, нашу волю, наше сердце и саму жизнь, чтобы во всех наших силах и действиях, и через всю жизнь, святилось Его имя и славилось величие Его щедрот.

Но радостное чувство благодарения к благому Промыслителю, не одно, в эту минуту, должно обнимать нас. Множество щедрот и милостей, явленных нам в лето мимошедшее, движет дух наш к радости; но оно же и

омрачает эту радость, когда мы, обращаясь к себе самим, видим свое глубокое нравственное растление и недостойнство перед Богом, видим, что нашими делами и жизнью прошедшего года, мы заслуживали не столько благоволение Божие и новые милости Отца щедрот, сколько гнев небесный и грозные прещения Бога правды!

Кому неизвестно, что наша земная жизнь, собственно говоря, не есть жизнь, а одно лишь приготовительное странствование по юдоли мира, – житие же наше на небесех, есть (Филип. 3:20), как учит св. Павел? Кому не известно, что премудрый Творец мира, украсив нас образом своим, сокрыл цели бытия нашего не на земле и во времени, а на небе в блаженной вечности? А если так, то кто не поймет, что когда Зиждитель всяческих благословляет нас жизнью, и прилагает дни ко дням и щедроты к щедротам, то конечно, благословляет не для того, чтобы даровать нам одно земное долгоденствие и благоденствие, а для того чтобы, с продолжением нашей жизни, всем нам дать время исправиться, сделаться добродетельнее и достойнее неба и вечности, – для того, чтобы через постепенное возрастание во всякой премудрости и благодати и разуме духовном (2Петр. 3:18; Кол. 1:8), все мы успели совлечься тела греховного плоти (Кол. 1:11), и наследовать царствие Божие (Кор. 15:50) не по душе только богоискупленной, но и по телу, прославленному и нетленному; – для того, чтобы, оживляя и возвышая в себе образ Божий делами Евангельского милосердия и всякой правды, все мы достигли полноты возраста Христова и совершенства богоподобного (Матф. 5:58), – для того, чтобы, непрерывно очищая и освящая все силы духа, души и тела молитвами и таинствами, все мы невидимо, но неразрывно, еще здесь соединились с нашим Спасителем, как источником бессмертия и блаженства; словом, для того, чтобы закоснелый грешник пришел в разум истины и оставил грехи свои, взыскал Господа всем сердцем, покаялся и получил бы благодать прощения и помилования, а праведный и святой еще более творил бы правду и святился (Апок. 22:11). Таким образом, долготерпение Божие благословляет всех нас новыми временами и новыми дарами своей благостыни для того, чтобы все мы, ближние и дальние, работавшие Господу с первого часа, и пришедшие к Нему в час предпоследний, совокупились в одно словесное стадо о едином Пастыре, и составили одну славную и святую Церковь, под единой главой – Господом и Спасителем Церкви.

Таково, братия, назначение нашей земной жизни, и такова цель небесных благословений, приосеняющих ее каждое новое лето! И вот, кто имеет это в виду и живет здесь, как странник и пришелец, вздыхая о

жилищи небесном (2Кор. 5:2), и стремясь к нему непрерывно; кто с благодарением принимая каждый новый год, а с ними, не только щедроты Божии, но если нужно, и сами скорби и лишения, всем пользуется во славу Божию, и во спасение свое и других; кто и среди обычных трудов и занятий, не опускает из виду единого на потребу, а напротив, заботясь о средствах жизненных, всего более ищет, Евангельской правды и царствия Божия: тот, и на земле живя, уже предначинает ту жизнь наднебесную, которая всей полнотой своего блаженства имеет открыться в явление славы Господа Иисуса Христа (Тит. 2:13). Такова ли же наша жизнь на земле? Так ли, по воле ли Божией, по намерениям ли святейшего Создателя, мы проводим время, которое нам дается в ожидании от нас, как от Евангельской смоковницы (Лук. 13:6–9), благих плодов? Но истекший год еще перед глазами; взглянем на него еще раз, чтобы видеть свою плодородность.

Год прошел; мы стали ближе к могиле и вечности; но стали ли ближе к той цели, для коей он дан был? – тем более, достигли ли этой цели, сделали ли лучше и достойнее неба и блаженства? Что наши грехи и неправды не преставали и в это лето умножаться и восходить на небо, чтобы там, перед правдой Божией вопиять о нашем постыдном служении миру и плоти со всеми их страстями и похотями, о нашем увлечении духом роскоши, тщеславия, самонадмения и всех видов гордыни, о нашем пристрастии к чувственным забавам и увеселениям, о наших келейных слабостях и вообще, о проваждении нами времени неблагочестном и даже грехолюбивом, о нашем коснении в грехах – до бесчувствия к гласу Церкви, и даже до окаменения сердца, о нашем, наконец, равнодушии к самой вере, – до незнания ее основных членов, и чуть не до презорства и глумления над ней, – это не требует никаких доказательств, но кто скажет, кто поручится, восходили ли в небесное святое святых на память пред Бога, и от нас, как от Корнилия сотника (Деян. 10:24) прилежные молитвы и милостыни? Восходили ли пред лицо Божие: наше глубокое смирение, наше незлобие и чистота сердца, наше благодушное терпение правды ради, наша скорбь о грехах и печаль, яже по Бозе (2Кор. 7:10)?

Год прошел; в нашем положении произошло много перемен. Мы облеклись в новое высшее звание, получили новый чин, новую должность, упрочили и возвысили свое внешнее состояние, приобрели новое наследство, новый дом, новое родство; но совлеклись ли мы ветхого человека, со всеми его любогреховными делами? Оставили ли прежнюю, нечистую, богопротивную жизнь с ее преступными склонностями и привычками? Умертвили ли в себе те богомерзкие страсти и вожделения,

кои, подавляя в душе нашей все высокое и святое, искажают нас – создание богоподобное – и унижают до среды бессловесных? Совлеклись ли, и чувствуем ли, что благодать Божия, вследствие наших усилий и молитв, обновила нас и как бы переродила, вдохнула в нас новую волю, новые стремления, новые силы, новый ум, не только мудрствовать яже и во Христе Иисусе (Филип. 2:5), но и следовать за Ним, исповедовать Его небоязненно, нести крест с благодушием, и на все это смотреть, как на иго легкое и благое!

О, благословен Господь, если эта спасительная перемена, уже началась в нас в лето прошедшее! Благословен Он – нехотящий да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут, если мы, оплавав, в прошедшую годину, грехи наши, уже положили начало новой жизни, и стоим о Господе, как новорождения благодати! Но много ли таких избранных рабов Христовых в среде нашей? По крайней мере, не более ли званых, чем избранных? Не более ли в нас таких, кои, работая миру и плоти десными и шуими, едва ли когда и думают о том, что они куплены ценой крови Сына Божия, и что, будучи рабами Христа, они и служить должны не миру, а Христу, как своему Искупителю и Господу?

Вот что, братия, может омрачать дух наш, когда вы приступаем благодарить Содетеля всей твари за лето прошедшее, и молить Его о новых к нам щедротах в лето новое. Вот что, – наше легкомыслие и беспечность в деле спасения, наша преступная невнимательность к долготерпению Божию, наше злоупотребление временем, даемым нам на исправление, словом: наши грехи могут и должны смущать наше сердце в эту минуту. Да. Они – грехи наши – становятся между нами и Богом, и как бы задерживают и преграждают ток божественных благословений при самом исхождении благостины небесной. Поревнуем же удалить эту преграду; поспешим пасть пред Отцом небесным в сокрушении сердца, да не помянет наших неправд лета прошедшего, да поставит против бездны правосудия своего бездну своего же милосердия, и да покроет на веки грехи наши благодатным виссоном заслуг Сына своего, о нем же имамы избавление кровью Его, и очищение грехов всего мира (Еф. 1:7; 1Иоан. 2:2).

Таковы чувства, коими в час сей должно быть проникнуто наше сердце, – чувства, с одной стороны, искреннего благодарения к верховному Подателю всех благ, излитых на нас в прошедшее лето, а с другой, – сердечного перед Ним сокрушения, о неправдах наших, в тоже лето учиненных. О, молитесь, молитесь, братия, из глубины души, да примет их благой Отец, в воню благоухания, как живую жертву духа нашего, и да

простит по богатству щедрот своих, все наши вины, не мимошедшего только лета, но и всей жизни. Когда же отпустятся согрешения, тогда святой Вседержитель, благословляя новым летом всю поднебесную, благословит и нас, как чад искупления и примирения, и крепостью сил, и здравием, и благопоспешением во всех наших делах и начинаниях, – благословит и от тука земли, и от росы неба, и от теплоты солнечной и от перемен воздушных, – благословит временами мира и тишины, ограждением Ангел своих и преумножением своей благодати, да и через нас всюду сияет свет славы присносущной. Тогда грядущее лето, более, чем когда-либо, явится перед нами летом Господним, приятным, спасительным. Вступив во врата его, под осенением небесных благословений, мы потечем по новому поприщу жизни с бодрым духом, с живым упованием и с всецелой преданностью себя самих, друг друга и всех наших надежд, и страхов, Христу Богу, – потечем, радуясь, хваля и песнословя Бога Троидиного, Ему же слава во веки веков. Аминь.

Слово на восшествие на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича; говорено в Херсонском соборе 19-го Февраля 1867 г.

Нынешний день есть один из самых торжественных и священных для нас, братия! Дни восшествия на престол Государей, и вообще, для всех важны и поучительны. Это суть дни, в кои невидимый перст Божий видимо являет свое промыслительное действие о земнородных. Это суть дни, в кои вседержавный Царь миров нисходит, так сказать, от высоты небес в юдоль земную, раскрывает свиток предвечных определений о царствах и народах, и владычественно указывает Того, коего избрал Он принять жребий царственного служения. И вот, почему такого рода дни не только памятуются в народных летописях, как исторические эпохи, разделяющие преемственные служения Царей в своих державах, но и освящаются особенными празднествами Церкви и отечества, как памятники благоволения Божия к народам богохранимым.

С этой целью и ныне святая Церковь созвала нас к подножию алтарей Бога отцов наших. Она созвала нас для того, чтобы боголепным торжеством освятить день, в который Благочестивейший Государь наш, Александр Николаевич, за двенадцать лет перед сим, вступил в праотеческое наследие державы русской; – созвала, чтобы перед престолом благодати всем нам единодушно воспеть песнь благодарения Богу вышнему, и излить перед Ним молитвы и моления о венценосном виновнике торжества, да даст Ему Господь сил, здравие и благоденствие, и да укрепит в деснице Его скипетр самодержавия на благо св. православной Руси.

Но примечаете ли, братия, что среди гласа радования и мольбы к Зиждителю судеб человеческих, она же, св. Церковь возводит, по временам, мысленный взор наш к тем обетам, которые мы когда-то давали перед лицом Царя небесного в верности к Царю земному, – к тем обязанностям, которые лежат на нас неотменно, по отношению к верховной власти. Итак, воссылая благодарение Богу Вседержителю, приникнем благодарной мыслью и к тому священному долгу, который лежит на нас по отношению к Царю державному, – вспомняем, чем мы, со своей стороны, обязаны благочестивому Венценосцу нашему, дабы Его мудрое царствование было для нас спасительно и благотворно.

Не правда ли, братия, что всякая земная власть и всякое начальство, возлагаемое в обществах на мужей избранных, требуют от подвластных подобающей почести и уважения, и что чем эта власть выше в своих правах и действиях, тем она священнее и досточтимее? Что же такое Царь? Царь, по выражению Слова Божия, есть преобладающий (1Петр. 2:13), т. е. владыка верховный, а следственно, и честь, ему принадлежащая, должна быть самая высшая, и уважение – самое искреннее и глубокое, соединенное с сыновним страхом. И это есть первое, чем мы обязаны самодержавным венценосцам. Сего требует от нас и святость власти их и величие сана.

Св. откровение усваивает всем властям земным начало и происхождение небесное (Рим. 13:1); но с особенной силой оно утверждает это о власти царевой. Власть цареву оно не только производит, по преимуществу, от неба, но и представляет ее наилучшим отображением во вселенной силы и власти Бога Вседержителя. Первое, и в собственном смысле самодержавие принадлежит Богу. Бог есть вечный и всемогущий самодержец (Дан. 4:31). Первые слуги и чтители самодержавной власти Божией суть Ангелы, коих и самих всеверховный Владыка облек властью, соразмерно их силе и действию, учредил среди них начала и господствия и подчинил их, одни другим, а всех – своей беспредельной державе. Устроив начала и власти между людьми, тот же премудрый Царь Ангелов и людей, устроил их и на земле, по образу чиновничества небесного. Земные власти и начала также подчиняются одни другим, а все совокупно самодержавию Царя, который один, неподлежит никакому высшему началу на земле (Еккл. 8:4), находится в непосредственной зависимости от Бога. Посему-то Слово Божие и поставляет царей, как верховных владык земных, в особеннейшей близости к Богу, утверждая, что Сам Он избирает (Прем. 9:7) и возводит их на престолы (Дан. 2:21; 5:21), Сам дает им силу и державу (Прем. 6:3), Сам управляет их волей, держа сердца их в Своей деснице: сердце цареву в руке Божией, и амеже восхождет, уклонит е (Притч. 21:1).

Но чтобы еще разительнее представить, в какой близости к Богу находятся цари земные, и следственно, как высока, как священна власть их, и какое величие подобает сану их, св. откровение изображает их особами неприкосновенными, богопомазанными, сынами Вышнего (Псал. 81:6), а наконец, как бы недовольствуясь и сим, изымлет их из круга обыкновенных смертных и возносит до степени божества: Аз рех, говорит Сам Всемогущий державным земли: Аз рех: Бози есте (Псал. 81:6). «Внемлите», как бы так вещал Бог, встав в сонм владык венценосных:

«несмотря на то, что мое Царство, моя сила, моя слава всюду во вселенной, на небе и на земле, в морях и во всех безднах (Псал. 88:10,12). Я хочу ввести и вас в причастие моего владычества, – хочу облечь вас внешней силой и славой. Я царствую вседержавно над мирами горным и дольным, вы – цари народов по мановению моей десницы; Я – Бог вечный вездесущий, вы – Боги земные и временные: Аз рех: Бози есте.

Нет нужды пояснять, в каких видах Слово Божие так возвеличивает народных властителей. Цель подобных превознесений понятна. Она состоит в том, чтобы показать, чем должен быть перед нами Царь, и особенно богопомазанный и православный, – чем должен быть для подданных этот первенец, Божий между земнородными (Псал. 88:28), этот участник сугубой благодати, этот державный Архистратиг земных племен и народов. О, братия! Говоря это, я как бы содрогаюсь; сама мысль во мне задерживается и немотствует, когда я представляю, как священ для верноподданных Царь боговенчаный! Да, Он сугубо священ для нас; священ и в своей власти, и в своей особе! Священ, как некое святилище, в котором провещеваются глаголы Вечного и Всемогущего! Священ и неприкосновен, как небошественный Синай, на котором пишутся для земнородных законы, суд и правда, и к которому всяк прикоснувшийся смертью умрет (Исх. 19:12)!

Но для чего Слово Божие так изображает перед нами величие и святость предержавшей власти царицей? Не для того ли, чтобы мы, по Апостолу, чтя царей (1Петр. 2:12), как сынов Вышнего, тем беспрекословнее повиновались священной власти их? Конечно так, вера в Бога и верность к Царю суть два начала, на коих зиждется общественное благосостояние, и которые, одно без другого не действительны, мертвы, не мыслимы. Тоже Евангелие, которое требует веры в Господа Иисуса, как первого условия ко спасению, требует и повиновения Царям, как верного залога благоденственной жизни. Римские Кесари были государи языческие. Слово крестное, – эта небесная мудрость, эта сила Божия для спасаемых, – казалось им юродством (1Кор. 1:18). За всем тем, св. Апостолы строго заповедовали повиноваться им, как владыкам верховным, не во избежание только их гнева и наказания, но за совесть и по сознанию долга: повинитесь всякому начальству. Господа ради: аще Царю, яко преобладающе (1Петр. 2:13), – повинитесь не токмо за гнев, но и за совесть (Рим. 13:5).

Что же сказать о венценосцах христианских? И не тем ли паче мы, – сыны царства православного, обязываемся беспрекословным повиновением богоправимой воле Царей наших? Христианские Монархи

суть величайшие благодетели вверенных им народов. Я не говорю, что благочестивые Государи всей державной волей своей стремятся к утверждению общественного благоденствия, к удовлетворению всем нуждам и потребностям народа, к водворению повсюду порядка, довольства, мира и безмятежия. Все эти блага – вожделенны; но они – земные и временные. Господь дарует их нам только в большее побуждение к стяжанию благ высших. Для нас не довлеет быть счастливыми гражданами на земле: нам предназначено быть гражданами на небе, – в Иерусалиме горнем. Итак, главная цель христианских Монархов – распространить спасение Божие посреди земли; главное стремление – водворить в пределах царств своих св. царство веры и благочестия; главный долг – вселить дух Христов в сердца подданных, и сделать его единственным началом всех мыслей и чувствований, всех стремлений и действий во всех общественных слоях и званиях. Вот венец славы и величия Царей христианских! Вот благо, выше которого цари не могут сделать для подданных, и более которого подданные не должны требовать от своих Монархов! В сем отношении, христианские Монархи, по преимуществу, суть служители Божии (Рим. 13:6) в благодатном царстве Христовом. Для того-то Дух Божий и исполняет их дарами своей благостыни сугубо. Для того-то и облакаются они правами самодержавными, – правами, которые не потому неограниченны, что преданность подданных не хочет и не дерзает полагать пределов своего повиновения воле Царей, но потому, что Сам Бог хочет и требует от подданных повиновения Царям неограниченного. Не случай произвел самодержавие Монархов, не люди измыслили и уложили права их по произволу; основание прав царских глубоко сокрыто в неисповедимых судьбах Божиих. Сам Бог искони предуставил их во благо человечества; Сам Бог изглагодал их, освятил и запечатлел прежде, чем явился на земле первый Царь богопомазанный (1 Царс. 8:7–17).

Я не отвергаю, что права Царей на сердца и любовь подданных, яко сынов, гораздо важнее и достославнее прав царских над ними же, яко рабами; но это не ослабляет, а паче возвышает долг наш чтить и уважать права царево беспрекословным повиновением. Не от нас ли зависит быть свободными сынами отечества? Праведнику закон не лежит, гласит слово Божие (1Тим. 1:9.), Кто творит его охотно и с любовью, тот не раб, а свободный. И св. Евангелие повелевает нам повиноваться не яко рабам, но яко свободным (1Тим. 2:16). Дело в том, чтобы свободой не прикрывать пороков, тем более, не употреблять ее предлогом к нашему своевольству и непослушанию. Мы платим дани; но не от нас ли зависит и дани давать и

другие нести повинности с христианской любовью и духом сыновним? Благочестивейшие Государи, как мы уже видели, суть служители Божии. Но эта их св. служба Богу, это высокое, царственное самопожертвование во благо наше, совершается ими не без посредства же и участия нас самих. Народные дани суть одни из необходимых средств к устройению народного блага и спасения; они суть вещественная сила Царей; ими поддерживается порядок и правление в царствах; через них уравниваются и соразмеряются частные выгоды с общественными; без них земные державы не могут не только благоденствовать, но и существовать; сего ради и дани даете, пишет св. Апостол к Римлянам, служители бо Божии суть на сие истое пребывающе (Рим. 13:6).

После сего, пререкать самодержавной воле царевой, посягать на ограничение священных прав, коими Высший облакает началовождей народных, не значит ли заявлять дух продерзый и хульный против самого Бога и Его творческих уставов? Не значит ли повторять безумные попытки Дафанов и Авиронов, коих имена запечатлены вечным позором, а память проклятием?

Вот почему, братия, самодержавное отечество наше, основываясь на св. скрижали Откровения, неуклонно шествует по стопам благочестивых и царелюбивых предков! Вот, почему оно в искреннем и безграничном повиновении своим богоизбранным Государям поставляет не только свою силу и величие, но и свою честь, и славу.

И подлинно, честь тебе и слава, христоролюбивая Россия, что ты свято веруешь в заветное предание отцов твоих, предание, что если кто, то благочестивый и благовенчаный Монарх православный, по преимуществу, есть видимый образ Бога невидимого, Царя царей, вседержавного и беспредельного. Аминь.

Слово на неделю православия, сказанное в Казанском соборе (в Петербурге) в 1845 году²²

На сем камне созижду Церковь мою и врата ада не одолеют ее: и дам ти ключи царства небесного: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех

(Матф. 16, 18, 19)

Вот два великих обетования, которые изрек о Церкви сам законоположник и глава Церкви, Богочеловек Христос. Первое из них состоит в том, что св. общество людей, исповедующих Иисуса Христа Единородным Сыном Бога живого, непрерывно имеет пребывать на земле до конца мира, противостоя не только враждебным силам человеческим, но и самим твердыням ада: на сем камени созижду церковь мою, и врата ада не одолеют, ее. Второе заключает в себе те высокие права и преимущества, ту духовную власть коей божественный Основатель Церкви облек Апостолов, как ближайших слуг своих и строителей тайн Божиих (1Кор. 4:1), а в лице их и всех пастырей и учителей, коих Дух Свитой и ныне поставляет (Деян. 20:28) в Церкви Христовой на дело служения: и дам ти ключи царства небесного: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех.

Настоящее торжество Церкви удостоверяет нас, братья, что, точно, скорее небо и земля прейдут, нежели одна йота из слов Господних (Марк. 13:31). Мир лукавый каких не воздвигал ополчений, чтобы разрушить царство света и благодати! Не довольно было, что вся вселенная извне восставала и воевала на Христа и Церковь Его. По неисповедимым судьбам Промысла, надобно было, чтобы из самых недр христианства являлись люди, силившиеся поколебать Церковь Божию, затмить чистоту ее веры и ниспровергнуть благочестие. Надобно было, чтобы Мать верующих, – Церковь Христова была озлобляема от собственных чад своих, уязвлявших ее, как разжженными стрелами, внутренними раздорами, расколами и богохульными мудрованиями. Надобно было, чтобы на страницах ее деписаний, рядом с богосветлыми именами поборников веры: Афанасиев, Киприанов, Василиев, Григориев, Кириллов, легли, как темные пятна, нечестивые имена Савеллиев, Ариев, Несториев, Диоскоров, Евтихийев и

других хульников и продержателей православия.

Но, стрелы младенец быша язвы их (Пс. 63:8), говорит Пророк. Что лукавая воля человек измышляла на разрушение благодатной твердыни Божией, то св. Промысл обратил к ее славе и величию. Вселенские пастыри и учителя православия, будучи исполнены духа и силы, противопоставляли безумной дерзости ересеначальников богопросвещенную ревность о славе Божией, коварным замыслам и ухищрениям – твердость веры и духовную опытность, суемудрым умствованиям и намеренному извращению Слова Божия – предания св. Апостолов и определения соборов, упорному ожесточению и богохульству – страшную анафему, отсевавшую нераскаянных, как согнившие члены от тела Церкви Христовой.

И вот, св. православие, воссияв над тьмой заблуждений, как светлое утро Божие, дошло до нас во всей лепообразной славе, и Церковь Бога жива, – этот столп и утверждение истины (1 Тит. 3:15) – пребывает на земле до века, неизменно сохраняя те же духовные права и власть, которые изначала дарованы ей от самого Христа, и по которым она есть и навсегда останется единственной истолковательницей веры и благочестия и решительницей греховных уз человек.

Итак, первое проявление власти церковной есть истолкование вечных истин спасения. Да, братия, никто не имеет права благовестить Евангелие царствия Божия, кроме Церкви: никто же бо сам себе приемлет честь, но токмо званный от Бога яко же Аарона (Евр. 5:4). Если в скинии подзаконной приемлющей священство от сынов левииных (Евр. 7:5) принимали вместе с тем и право глаголать к народу языком научения, изъяснять книгу закона Господня и утешать людей Божиим обетованием благ грядущих (Ис. 40:1): то в Церкви Христовой, – в этой благодатной скинии, юже водрузи Господь, а не человек (Евр. 8:9), пастыри и учителя, законно призванные на служение алтарю Христову, тем более сподобляются права возвещать слово слышания божия, – права, которое заимствует силу свою не от внешнего только и видимого рукоположения святительского, но от внутреннего, невидимого тайнодействия Божия, сопровождающего видимое рукоположение. Сам Бог поставляет рукополагаемого святителем, сам Дух Святой пророчествует и знаменует его печатью своей благодати, не только освящая, но и сообщая ему особенное дарование: внемли учению, пишет святой Павел к Тимофею; и потом присовокупляет: не неради о своем даровании, живущем в тебе, еже дано тебе бысть с возложением рук священничества (1Тим. 4:13,14). Вследствие сего приемлющие благодать священства становятся

посланниками Божиими, вестниками от лица Господа Вседержителя. Благовествуя Евангелие благодати, они говорят не свое, а Божие; через них, как через живые орудия, вещает сам Христос: «знаешь ли, вопрошает св. Златоуст, что такое священник? Это Ангел Божий; он не свое говорит» (Иерем. Патр. Конст. ответ Лютер. на 8 гл.). Отселе-то происходит, что пастыри Церкви, как поставленные Богом на служение слову, не могут не проповедовать, не только наставляя, но и настоя благовременне и безвременне (2Тим. 4:2). Священное право благовествования становится для них необходимой обязанностью. Иначе и быть не может. Пастыри Церкви суть те избранные стражи дому Израилева (Иезек. 33:7), коим вверяется стражба святая, охранение достояния Божия. – Церкви Господа и Бога, юже стяжа кровью своею (Деян. 20:28); они суть те духовные отцы и пестуны, кои должны не только благовествованием породить истинных чад о Христе Иисусе (1Кор. 4:15), но и «отнимать их словесы веры и добрым учением (1Тим. 4:6), вдыхая в них новую жизнь, и таким образом, созидавая из них новую тварь, новых людей, созданных по Богу в правде и преподобии истины (Еф. 4:24).

Если бы Началоположник Церкви, Иисус Христос, не дал ей овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя (Еф. 4:11,12) то и сама Церковь – это таинственное тело Его – не могло бы создаться и возрасти, как исполнение исполняющего всяческая во всех (Еф. 1:23). Краеугольный камень Церкви есть сам Зиждитель и Глава ее; вера в Него служит основанием, на коем мы, как камни живые зиждемся в храме духовен (1Петр. 2:5); но вера – от слышания, слышание же – от проповедания: како уверуют, восклицает св. Павел, его же не слышаша, како же услышат без проповедующего (Рим. 10:14)? Посему, в самом начале устройства Церкви на земле, Господь избрал из числа учеников своих двенадцать Апостолов, именно с тем, чтобы они возвестили Его небесное учение во всем мире и всякой твари (Марк. 16:15). Заметьте, что Спаситель Христос не всем верующим в Него предоставил право проповедовать и изъяснять Евангельские истины, а только тем, коих нарочито избрал для сего. Их только назвал светом мира и солью земли (Матф. 5:13,14.); пред ними особенно глагодал яже о царствии Божии (Деян. 1:3); им одним открывал свое учение не в притчах только, но и с объяснениями (Лук. 8:9–11); их одних послал в мир точно также, как и сам Он послан был от Отца своего (Иоан. 20:21,22); то есть, с такими же правами и властно не только благовествовать, но и избирать из среды верующих преемников благовествования, что св. Апостолы и делали, неотложно, поставляя в свою чреду пастырей по всем

насаждаемым ими Церквам, и передавая им не только свою власть и права, но и заповедь непрестанно пребывать в слове и учении.

Чада Церкви! Все мы призваны в благодатный свет Христов; всем нам заповедано возрастать во всякой премудрости и разуме духовнем (Колосс. 1:9). Итак, если вы хотите достойно ходить звания (Еф. 4:1.) вашего, и мудрствовать во спасение: прибегайте к Церкви святой в простоте и незлобии сердца, слушайте ее гласа как гласа Христова, повинувшись во всем и покоряясь наставникам вашим (Евр. 13:16), так – как им от самого Господа вверено попечение о душах ваших, и так как они пред Ним же должны дать отчет в своем служении Слову и вашему спасению.

Ум пылливый не редко силится постигнуть предвечные советы Божии и разрешить неразрешимые таинства благодати; но это уже есть греховное посягательство на разум Божий. Едва разумеваем яже на земли, а яже на небесех, кто изледи волю же твою, Господи, кто позна (Прем. 9:16,17)? Евангелие есть такая наука, которая приемлется не умом, а сердцем и верой. Обычные состязания и совопрошения здесь неуместны. Все наши знания, как бы они обширны ни казались, в делах веры должны теряться и исчезать в бездне премудрости Божией. И не такие, как мы, мужи, исследуя стези благодати, с изумлением восклицали: о глубина (Рим. 11:33)! Да и по слову самого Христа, тайны царствия открываются не премудрым и разумным, а боящимся Господа, – тем, кои с благоговением приносят в жертву Богу не только сердце и волю, яко преблагому, но и познания и разум, яко премудрому. И к чему мудрование плоти и крови там, где все нужное для спасения нашего сам Отец явил (Матф. 16:17) через Сына своего, и положил в Церкви, которая исполнена благодати и истины непрестаемой? В ее среде – Спаситель Христос, который есть путь, истина и живот (Иоан. 14:6); в ее среде – Святой Дух, который сохраняет ее, наставляет, освящает, животворит и движется в ней, как душа в теле. Итак, вы не можете быть чадами искупления и благодати, если будете умствовать вопреки учению Церкви. Всякое умствование, противное ее догматам, есть кичение ума, непокоренного под иго веры, – явное восстание на Церковь, которой мы давали некогда обет в верности, и которая за это имеет судить нас, как строптивых и непокорных чад своих.

Да, Церковь имеет право судить; и это не есть уже одно лишь право ее, но и проявление власти, или же лучше, сама власть в собственном смысле. Это суть те духовные ключи, коими Церковь может заключать и отверзать для верующих двери царства небесного, связуя и разрешая. Это есть власть, имеющая свою силу и действие не на земле только, но и на небе, и следственно, власть, в известном отношении, вечная. Словом, это

есть власть, принадлежащая единому Богу, но, по благодати Христа, дарованная человекам – пастырям и учителям Церкви «Апостолы и их преемники, говорит св. Златоуст, получили такую власть, какой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам; разрешение и связывание пастырей касается души и проникает в само небо: ибо что делают пастыри на земли, то утверждает Бог на небеси. Какая власть может быть выше этой? Отец весь суд отдал Сыну, но вижу, что Сын весь суд этот отдал пастырям (3 Кн. о священ. том. 4 стр. 468).

Но сколь ни высока власть сия, она всегда была в Церкви Христовой и будет до исполнения всех лет и времен. Вы сами, братия, служите тому живым доказательством, когда, отягченные грехами, приходите к жертвеннику Божию, и, повергаясь перед подножием креста Христова исповедуете ваши согрешения отцу духовному. Не правда ли, что в ту минуту совершается над вами суд, суд не последний, но тем не менее страшный? С каким смущением и боязнью вы износите из глубины души сокровенную книгу вашей совести, ваших дел, ваших тайн, вашей жизни, и разгибаете ее перед очами пастыря, ожидая от него приговора, или милующего, или осуждающего? И не он ли, по благодати, данной ему от самого Христа, разрешает грехи ваши, имея власть связать их? Не он ли разрешает вас на земле так, что в тоже время все греховные узы ваши разрешаются на небе, во святилище правосудия Божия? Господь, с которым вы паки вступаете в таинственное общение, как члены с главой, дарует вам благодать, примиряющую вас с небом, успокаивающую ваш дух, исполняющую умилением и радостью ваше сердце, но дарует все это рукой пастыря вашего, и не иначе, как при его разрешении ваших грехов.

Но это не все. В настоящий день в сем же храме имеет совершиться священный обряд православия. Что это значит? Не то ли, что Церковь Христова, если когда и где, то здесь соборно и торжественно вступает в права власти своей, и всенародно возобновляя в памяти верующих все основные истины верования, и все важнейшие правила жизни христианской, произносит на одних из нас слово прещения и осуждения, а на других, – слово похвалы и одобрения. Скажем яснее. В настоящий день, св. Церковь, следуя священному писанию и держась преданий первовековых и самоапостольских, с одной стороны, всенародно произносит суд над теми из упорных грешников, скрывающихся в ее среде, коих жизнь – явное нечестие, правила – соблазн, учение – богохульство, и затем отлучая таковых от общения с верующими, всенародно же предает их конечному суду Божию, а с другой, также всенародно, восхваляет и ублажает вечными благословениями не только

нарочитых поборников православия, но и всех христиан, просиявших и сияющих чистотой веры и святостью жизни.

Мы не будем говорить вполне о том, с какой благой целью Церковь установила и ежегодно совершает это священное действие. Мы скажем о том лишь, что отлучение от Церкви, как ни кажется страшным; но в порядке благодатных средств, коими милосердие Божие зовет грешников ко спасению, и оно необходимо как мера спасительная и вполне богомудрая. Кто здесь не видит, что нравственное сотрясение обумершего грешника направлено к приведению его в чувство и к возбуждению в нем дыхания жизни Божией и святой? И посмотрите, с каким матерним болезнованием, с каким воодушевлением св. Церковь молится, уже по предании нераскаянных суду Божию, – молится, чтобы сам благой Отец, силой благодати искупления, оживил и эти засохшие ветви, и возбудил бы в них желание привиться к животворной лозе – Господу Иисусу. Таким образом, не отнятие только от тела Церкви членов зараженных, имеет в виду св. Церковь, совершая обряд сей, а и оживление их и спасение; но главным образом, она здесь имеет в виду предохранить от нравственной заразы и спасти по возможности всю полноту Церкви Христовой. На это-то конец и низводит она живительную росу благословений на всех истинно-верующих, чтобы ободрить, воодушевить и укрепить их в неослабном шествии по пути хотя и царскому, но не широкому и не светлому.

Итак, дерзайте и мужайтесь, избранные сыны благодати! Мир, которому вы не служите, хотя и живете в нем, не престаёт искушать вас своими соблазнами и озлоблениями; но вы не преставайте побеждать его верою (1Иоан. 5:4). Благословения, кои ныне изрекает вам Церковь, не суть конечная награда за ваши труды и подвиги, но они суть верный залог той mzды многoй, которая уготована вам в небе, – они суть знамение, по которому всемирный Судия взыщет вас в день воздаяния и введет в наследие царствия, уготованного вам от сложения мира (Матф. 25:34). В благословениях Церкви вас благословляет сам Отец небесный. Церковь не возглашает имен ваших, но они известны Тому, который знает сущия своя (2Тим. 2:19), и уже вписаны там, в книгу живота, буквами неведомыми, но неизгладимыми.

Таковы, братия, священные права и непререкаемая власть Церкви, которую Господь «воздвигнул на земле, по словам одного отца Церкви, как безопасную пристань, в которой мир, волнуемый и обуреваемый от грехов, может находить пристанище и спасение» (Феоф. Ант. 11:14). О, какая неизреченная милость Божия к нам грешникам! Искупитель,

совершивший спасение наше, не только даровал нам все средства к получению благодати спасения, но и приблизил к нам, положив их перед нашими очами, в Церкви своей, как в некоей сокровищнице. «В Церкви, говорит св. Василий Великий, полнота всех благ и благословений» (Толк. на псал. 44). И подлинно, Церковь есть живоносный источник благодати небесной и всех даров благодати; в ней – познание Христа и поклонение Богу в Троице; в ней – очищение грехов и возрождение водой и духом; в ней – оправдание, освящение, усыновление Божие, так что никто не может быть святым и праведным, кто не освящается Церковью; никто не может иметь Бога отцом, кто не имеет Церкви матерью. Аминь.

Речь к воспитанникам Орловской семинарии²³, по приобщении Св. Таин; говорена в домовој Семинарској церкви 15-го Февраля 1839 г.

Не одной, а тремя притчами уверил нас Господь, что на небе об одном кающемся грешнике более радуются, чем о девяносто девяти праведниках, не требующих покаяния (Лук. 15:7). Припоминая это, я недоумеваю, что и как думать о настоящей минуте, в которую всевидящее Око зрит в этой храмине не одного, не пять и не десять, но более трехсот грешников покаявшихся, оправданных и запечатленных кровью Сына Божия? Каковы должны быть радость и веселие там, – перед очами Отца небесного, – в сонмах Ангелов, не только не чуждающихся грешников, но и служащих им в деле спасения? Каково должно быть духовное торжество в наднебесной скинии, в среде блаженных праведников, день и ночь молящихся, да приведет Господь всех нас в покаяние и разум истины?

Да и сами вы, братия, не ощущаете ли неизъяснимого восторга и радости о величии благодати, которой ныне сподобил вас Господь, под кровом сего святилища. Ныне вы участвовали в таинственной трапезе, на которой в снедь верным предложен был хлеб небесный и чаша жизни. Ныне вы, как присные Богу и святые, вкусили святейшего и всеосвящающего брашна, плоти и крови Христа, Сына Божия. Что может быть, не говорю, святее сего, но и животворнее и радостнее?

Итак, соутешаясь и сорадуясь вам духом моим, не могу не пожелать, чтобы эта радость ваша сохранилась и пребыла в вас до века; тем паче, – не могу не пожелать, чтобы принятое вами таинство, освятив все силы души вашей, усугубило в вас свет разума, крепость воли и мужество духа, чтобы и самим вам неослабно стремиться в горняя, идеже, среди сонмов святых, сам Христос, одесную Бога сядя (Кол 3:1).

Пророк Илия, вкусив от брашна, принесенного ему Ангелом и испив от воды чванца, ощутил в себе такую силу, что сорок дней непрерывно мог продолжать путь до горы Хорива: восста и яде и пи и иде в крепости (3Цар. 19:8). Восстаньте же и вы, братия и чадца мои о Господе, восстаньте и дерзайте в крепости по пути жизни вашей, бодрственно противостоя всем искушениям и соблазнам мира. Вы ели более, чем хлеб Ангельский; вы ели святое и пречистое тело вашего Спасителя. Что же, как не оно, может поддержать и сохранить в вас святую мысль, святое

чувство, святое расположение? Вы пили не воду от чванца, а кровь из животворных ребр Господа Иисуса. Но кровь и земных царей, и кесарей, протекая в жилах потомков, творит их чадами августейшими, рождает в духе их величие, мужество, неустрашимость, самоотвержение и решимость на все высокое и благородное, отвращение же от всего низкого и недостойного. Что же сказать о боготочной крови Спасителя Христа, Господа сил и Царя не только всех царей и царств, но и всех миров и веков? Не тем ли паче она может укрепить дух ваш для жизни новой и святой, исполнить его силы и мужества в борьбе со грехом, и вести вас в ханаан обетованный, путем непорочным и святым. Только сами вы не предавайтесь беспечности и дремоте среди врагов спасения сами не допускайте в себе внутренней измены и не открывайте сердец и душ ваших для тех же помыслов суетных, которыми и прежде услаждался праздный ум ваш, для тех же похотей нечистых, коими и прежде разжигалась страстная воля ваша, для тех же воспоминаний греховных, коими и прежде питались ваши неотрожденные чувства, для тех же порочных наклонностей и привычек, коими и прежде направлялась вся ваша жизнь, не сосредоточенная в воле Божией.

Не правда ли, что теперь вы ощущаете какую-то особенную бодрость в душе и готовность на все доброе и святое? Не правда ли, что теперь при мысли о небе и царствии, умиротворенное сердце ваше бьется в вас живее и радостнее? Не правда ли, что в самом духе вашем теперь чувствуется невыразимо сладостное умиление и всецелая преданность в волю Господню? Что же все это, как не благодатное действие в вас святыни, вами принятой, и проходящей во уды ваши, во все составы, во утробу и сердце, в мысли и чувства? Что это, как не следствие водворения во всем существе вашем Христа, вселившегося в вас ныне, не верой только, но и своим пречистым телом и кровью? Итак, вам остается только хранить это благодатное настроение духа, которое теперь вы носите, – хранить и внимательно следовать тому тихому гласу хлада тонка, который, после минувших слезных бурь и потрясений, теперь слышнее раздается в светлой и мирной храмине души вашей.

Правда, теперь вас бежит всяк злодей и всякая страсть; но не прельщайтесь сим. Путь жизни к горнему Сиону всегда не безопасен. Он лежит по мрачным ущельям и стремнинам мирских соблазнов, и никогда не свободен от множества змиев смертоносных. Одно спасение от их угрызения, – непрерывное и с крепкой верой соединенное воззрение на крест Того, Кто предуказан был змием пустынным. Обращайтесь к сему кресту с упованием и знаменуйтесь им благочестно при всех ваших делах

и начинаниях, в ночи и во дни, в домах и на пути. Молитесь Христу Спасителю о помощи и о благопоспешении вам на всех стезях вашей жизни. И тогда, как сила благодати Его будет побороть по вам и совершать в вас спасение Божие, блаженной радости ваша никто же возьмет от вас, тем паче, что все небо, так радующееся о вас ныне, никогда не престанет служить вам, не только облаком во дни, но и светом среди мраков ночных.

Речь к воспитанникам той же семинарии и потому же случаю, произнесенная в Семинарской церкви в великий четверток 15-го апреля 1837 г.

Не знаю, приходило ли вам на мысль, чадца мои о Господе, а мне и теперь думается, что в подобные минуты, эта священная храмина, во многом имеет сходство и несходство с той горницей Сионской, в которой в первый раз совершена была вечеря Господня.

Припомните. Там, всемогущим благословением Сына Божия, через воздаяние благохваления Богу Отцу, предложенные на трапезе хлеб и вино пресуществлены были в тело и кровь Христову: и здесь, силой благословения о имени Того же Сына Божия, через молитвенное возношение к Богу Отцу, видимое преложилось в невидимое: хлеб – в тело, и вино – в кровь. Там Господь, таинственно подавая ученикам держимое в руках Своих, и указывая в видимом на невидимое, говорил: примите, ядите, сие есть тело мое; пейте от нея, сия есть кровь моя: и здесь вы слышали те же самые слова, выражающие сущность тайнодействия; и здесь они произнесены были перед вами, как бы самим Христом. Там, все бывшие на трапезе ели тело и пили кровь своего Спасителя, Господа и Бога, в залог и знамение таинственного, но неразрывного соединения с Ним и высшего благодатного освящения от Него: и под сим кровом все вы приобщались того же тела, и той же крови, с той же целью, чтобы, разрешившись от уз греховных, истее соединиться со Христом-Спасителем, и освятиться от Него освящением неотъемлемым. Таково, братия, сходство. Но вот и несходство.

Там, Господь Иисус, Сам преподал Апостолам Свое пречистое тело и Свою боготочную кровь: но здесь, вы приняли святыню Господню от руки служителя Христова, от руки человека, облеченного благодатью священства, но подобострастного вам во всем. Там, раздробляемый хлеб и подаваемая чаша служили предизображением предстоявших страданий и смерти Богочеловека; а вы приобщались пречистого тела Христова и животворящей крови Его, в воспоминание страданий и смерти Спасителя, уже совершившихся. Там, среди вечера, Господь умывал водой ученикам Своим ноги, в показание внутренней чистоты, им присущей; а здесь, перед вечерью, вы сами повергались к ногам Господним, и омывали их слезами покаяния, в возвращение чистоты, вами утраченной. Там, Апостолы

Христовы были чисты и непорочны по духу и жизни, по делам и намерениям, но не все; среди их скрывался один ученик коварный и лукавый: здесь же... но вот, братия, уже не знаю, что здесь предположить: сходство или несходство. Меня объемлет ужас, если предположить, что среди вас, кои по-видимому так притрепетны, благоговейны и благочестны, таится какой-нибудь Ахар нечестивый, второй Искарот, льстивый друг и наветник, замышляющий продать своего учителя и Господа. О, горе, горе тому! Лучше, если бы таковой не родился в мир сей! Не дай, Боже, такого сходства! Оно ужасно.

Но примечаете ли, возлюбленные, что и несходство иное может быть еще ужаснее и пагубнее? Там из среды приобщавшихся плоти и крови, один только явился, предавший кровь неповинную: а что, если здесь не один, не два и не три таких, которые, исповедав Господа Иисуса Сыном Бога живого, приняв в себя Его тело и кровь, и дав Ему святое лобзание мира и любви, нечисты, между тем, в своей совести и сердце, омрачены богоборным шатанием между Христом и велиаром, между принятой святыней и неизверженными из сердца греховными навыками, между св. решимостью идти по пути Господню, питаясь небесной манной, и грехолюбивым желанием возвратиться к оставленным котлам и мясам Египетским? Что, если среди вас, освятившихся от трапезы Господней, есть такие, кои при первой же встрече с искушением, при первом же возникновении притаившихся неотрожденных наклонностей и привычек, при первом оживлении в сердце нечистых помыслов и вожделений, готовы ринуться в пропасть греха, из которой только что вышли, готовы приостановить и погасить в себе благодатное сияние света, которое только что началось, готовы не только отказаться от Христа; но и предать Его миру лукавому?

Но подумайте, братия. Ужели и ныне, после таинственной вечери, надобно нашему Господу быть продаваему от учеников Своих, и за что же? Не за цену цененного, не за какие-либо златицы и сребренники, а так, за ничто, за легкомысленное увлечение лукавым прилогом, за каплю меда, имеющего превратиться в целое море вечных горестей? Ужели до того мы дошли, что святое таинственное брашно, которое наша вера предлагает, как самое сильное врачество души, утратило для нас свою силу, и не может более укреплять духа нашего в борьбе с грехолюбивой плотью? Приняв в себя Христа, уже ли мы приняли не Спасителя от грехов, а служителя греху (Гал. 2:17), не помощника в искушениях и в борьбе со злом, а искусителя ко злу? Ужели в крови, за нас пролитой и нами приемлемой, еще не довольно выказано любви к нам Господом и

Спасителем, чтобы возбудить и в нас к Нему любовь святую, пламенную, непрестающую? О, тем паче, не дай Боже, подобного несходства в нас, причастниках нынешней вечери, с причастниками Сионскими!

Чего же остается желать нам в этом отношении? Сходства или несходства? Конечно, несходства, но несходства иного рода, – того несходства, о котором св. Церковь, молясь всегда, и ныне неоднократно возносила моление ко Господу: «да ни один же от нас повинен будет страшным сим и животворящим тайнам»²⁴.

И вот, проникаясь духом сих матерних молений Церкви Твоей, Христе Боже, и мы о том же повергаемся пред Тобой и о том же молимся к Тебе. Ты сподобил нас ныне причаститься Твоей божественной трапезы, как присных Тебе и святых (Ефес. 2:19), соблюди же и сохрани всех во истине Твоей, да будем все едино с Тобой, яко ты едино со Отцом и Духом! Сотвори, Спаситель наш, да благодатно заслуг Твоих, никто же от нас погибнет, подобно сыну погибельному, но да сподобимся все общниками быть и той бессмертной трапезы, которая уготована в невечернем дне Твоего царства славы. Аминь.

Речь к воспитанникам Тверской семинарии²⁵ по приобщении св. тайн; говорена в Тверской Борисоглебской церкви 24 Февраля 1846 г.

Святой песнопевец скинии приходил в неизъяснимый восторг, зря духом человека, по-видимому, умаленного и уничиженного до насекомого, между тем возвышенного и возвеличенного творческой щедротой над всеми делами рук Вседержителя. И духом, и телом пел он благодарную песнь хвалы чудному имени Иеговы за то, что человека – венец всех тварей, венчал Он такой славой и честью, что малым чим умалил его от Ангел.

Что же подумал бы вдохновенный певец Сиона, когда бы увидел, что мы, в настоящую минуту, не только не умалены против бесплотного естества Херувимов и Серафимов, но и превознесены до причастия естества Божеского, до приобщения тела и крови самого Сына Божия. Да! Молниеносные сгорают от лица Его, и вот, мы – бедная персть – не только откровенным лицом приступаем к Нему, но и дерзаем Того ясти. О, какой гимн, какой псалом благохваления и славословия разыграла бы перед Богом Спасителем своим и нашим святая душа Царепророка, при виде столь изумительного таинства!

Когда святому Павлу надобно было изобразить, перед христианами церкви Коринфской, ту благодатную высоту, на которую Дух Божий вознес их, яко уверовавших во Христа: то он ничего не нашел сказать им более, как только то, что, сделавшись сынами света и благодати, они сделались и жилищем Бога живого: вы есте церкви Бога жива (2Кор. 6:16); о вас сказано у Пророка: вселюся в них и похожду и буду им Бог и тии будут мне людие (Лев. 26:12). Но если когда и к кому, то в эту блаженную минуту, ко всем нам гораздо полнее и как бы собственнее может быть приложено слово Апостола. В настоящую минуту, подлинно, все мы – церкви Бога жива, все мы – храм духовен, род избран, царское священство, люди обновления (2Кор. 6:16; 1Петр. 2:5,9). В настоящую минуту, все мы освящены силой благодати, воссоединившей нас с нашим Спасителем.

Может ли же для души верующей и уже вкусившей яко благ Господь, может ли быть что выше и вожделеннее, как такое состояние освящения и воссоединения со Христом, в котором одном наша сила и слава, наши живот и блаженство? Соединившись с Ним, нашим Господом таинственно, но так тесно и неразрывно, что Он в нас, а мы в Нем, мы как бы перестаем

уже быть членами Церкви долу сущей, и принадлежим, по крайней мере, в этот момент, более к церкви первородных на небесах живущей. Присносущный свет божества ныне, вещественнее проник наши очи, наши души, наши сердца и утробы, нежели сердца и очи святых Апостолов на Фаворе. Но потому самому, что мы теперь стоим на такой высоте благодати, упиваясь сладостью от тука дома Божия, и сознанием, что с нами и в нас Господь славы, потому самому да не смежим, братия, очей наших, подобно ученикам Фаворским. Помните слово Пророка: есть мрежи и на высотах Итаврийских (Ос. 5:1), точно также, как и в долинах Самарийских. Помните, что эта самая высота благодатного состояния требует от вас сугубого бодрствования и полного духовного трезвления, чтобы не пасть долу.

Вы приняли в себя святейшую Евхаристию, умеете же сохранить в себе эту неизреченную тайну в чистоте боголепной. Я не говорю, чтобы вам, при содействии сего божественного дара, восстановить себя всецело и утвердиться непоколебимо и навсегда в состоянии святости и правды; знаю, что такое состояние есть удел обновленного неба, а не этой растленной земли; знаю, что там, за пределами земли и времени, когда мы истее причастимся пашей пасхи – Христа, Сам Бог даст нам блаженную невозможность оскорблять Его величество нашими неправдами. Но я хочу сказать, что, приняв святые и животворящие тайны Христовы, вы неотменно должны усугубить, сколько возможно, ваше внимание к своему поведению. Спасительный страх Божий, отрезвляя ваш ум, вашу волю и ваше сердце, пусть предизмеряет и все ваши шаги на обновленной стезе жизни, чтобы не преткнуться, а тем паче, не обратиться вспять, к прежним греховным наклонностям и привычкам «Отшед от алтаря святого, говорит св. Златоуст при подобном случае: противопоставь соблазнам чувств, более (чем когда-либо) твердости, а опасностям, – бдения и осторожности; удаляйся от всех предметов и лиц, некогда прельщавших твое сердце; находи удовольствие в занятиях святых и в исправлении твоих обязанностей».

Братия, слова Богопрославленного витии объемлют собой все, о чем бы я мог и хотел сказать вам еще, и потому, заключая мое приветствие, прибавлю только одно: если вы хотите сохранить в себе навсегда принятую вами часть Господню, если для вас вожделенно удержат себя на той духовной высоте, на которую поставлены вы принятой вами святыней: то, усилив внимание к себе самим и умножив духовное бодрствование над движениями мысли и чувства, умножьте и ваши воздыхания и молитвы к Сладчайшему Господу Иисусу, чтобы Он,

Святейший, благоволив внити под кров душ наших, умножил в вас силу благодати Своей, Сам предохраняя вас от соблазнов и преткновений, и Сам же поддерживая и возгнетая, по временам, в духе вашем благодатный огонь стремления и любви ко всему, что истинно и честно, праведно и свято. Тогда принятый вами дар небесный сохранится в вас и сохранит вас во веки.

Слово по выносе плащаницы, на вечерни в великий пяток; сказано в Херсонском соборе в 1865 г.

При виде этой гробницы, напоминающей страдания, крест и смерть нашего Спасителя, приличнее бы нам, братия, не разглагольствовать друг ко другу, а в безмолвии плакать и сокрушаться, по подобию тех из бывших на Голгофе, кои не без слез и ужаса взирали на Распятого, и не без сокрушения сердца возвращались в дома от креста Его – возвращались, биюще перси своя (Лук. 23:48). Но что делать, когда греховное растление так глубоко в падшей природе нашей? Что делать, когда бессилие духа нашего до того доходит в нас, что и плакать не всегда мы можем, особенно тем плачем безмолвным и святым, который, проистекая из печали, яже по Бозе (2Кор. 7:10), привлекает на плачущих милость Божию и благодать спасения.

Между тем, страдания и крестная смерть Господа и Спасителя нашего так много вещают нам, и так многому поучают нас, что из многого не извлечь ничего в свое назидание, хотя бы для того только, чтобы сколько-нибудь размягчить окаменение сердца нашего, – было бы знаком не только крайнего с нашей стороны нерадения о своем спасении, но и крайне-преступной неблагодарности к нашему Спасителю. Что же извлечем из этих вещаний, кои слышатся со креста и несутся во все концы мира? Извлечем, что можем.

Из чтенных в нынешнее утро Евангелий, вы уже знаете, что страдания и крестная смерть нашего Спасителя были безмерны и невыразимо мучительны. Начавшись еще в Гефсиманском саду смертельной тоской и скорбью, они непрестанно продолжались все время истязаний Его, непрестанно возрастая и усугубляясь, по мере возраставшего бесчеловечия истязателей. Жестокие бичевания, срамные оплевания и заушения, ядовитые, саркастические издевки и всякого рода наругания во дворе Пилата и дворце Ирода, непрерывно сменяясь одни другими, непрерывно терзали и душу, и тело Спаса душ и телес.

Но все это, как ни мучительно было, однако же, в сравнении со страданиями последующими, было не более, как начало болезнем. Наилютейшие муки и томления, наибольший позор и бесславие ожидали мучимого Праведника (1Петр. 3:18) под крестом и на кресте. Здесь-то объяли Его те невыразимые скорби и болезни, которые св. Псалмопевец

справедливо называет смертными и адовыми (Псал. 113:3): потому что и сам ад не мог ничего изобрести ни лютее их, ни позорнее. Здесь ожидала Его та чаша горести и злостраданий, об удалении которой, с таким воплем и слезами, молился Он в саду, и которую теперь имел выпить, и выпил всю до дна. Здесь, наконец, приложилась к Его язвам сердца и та новая и лютейшая язва, – язва оставления и как бы отвержения Его почти всеми, не только чужими, но и своими, не только землей, но и небом: ибо Сам Отец Небесный теперь как бы заключил перед Ним Свою утробу, и не внимал воплям Сына возлюбленного, видя Его висящим на древе проклятия, посреди беззаконных, яко беззаконника и злодея.

За что же такой позор перед лицом Ангелов и человеков, – за что такие муки ада терпит Голгофский страдалец? За какой грех изречен и выполнен над Ним столь нещадный приговор Бога и человеков? Казнь ужасная; должен быть и грех ужасен. И действительно, грех ужасный, да и не один, а бесчисленное множество грехов, только Ему – Распятому не своих. Кто не знает, что Страждущий, яко всемирный злодей, до того был безгрешен, что не обретется и лесь в устех Его (1Петр. 2:22). Кому неизвестно, что и тот самый, который осудил Его на пропятие, при самом осуждении, всенародно свидетельствовал о его невинности, говоря: ни единыя обретаю в человеце сем вины (Лук. 23:14)? Кто не знает, что неповинный Иисус Назарей пригвожден был ко кресту, и претерпел всю лютость крестных страданий за весь мир и за всех людей, когда-либо в нем живших и живущих? То есть, братия, Спаситель Христос пригвожден был ко кресту и умер на кресте, для того, чтобы Своими страданиями умилоствовать правду Божию, оскорбленную нашими неправдами, – чтобы искупить и освободить нас от проклятия, тяготевшего на нас за грех Адамов и наши собственные, – чтобы избавить нас от гнева Божия и огня геенского, который мы возжигаем нашими грехами и нечестивой жизнью, – чтобы наконец, умертвить Своей смертью смерть вечную и духовную, и всем верующим в Него даровать, после этой скорбной и земной жизни, жизнь новую и блаженную в небе: Той язвен бысть за грехи наша и мучен быть за беззакония наша, наказание мира нашего на нем, язвою Его мы вси исцелехом. Вси яко овцы заблудихом, и Господь предаде Его грех ради наших (Ис. 53:5,6).

Но если наши грехи людские так оскорбительны и тяжки перед величеством Вседержителя и перед лицом правды Его, что милосердый Господь и при бесконечной благодати Своей не мог нам простить их без полного возмездия и выкупа, и если этот выкуп так велик, что стоил цены, в собственном смысле, необъятной, – цены крови Единородного Сына

Божия: то думаем ли мы об этом, братия, когда увлекаемся греховным прилогом и творим грех по одному лишь легкомыслию и безрассудству? Сколько есть случаев в жизни нашей, когда мы предаемся греху почти без сопротивления, – предаемся или потому, что привыкли к нему, или потому, что считаем его за ничто, или наконец потому, что и другие живут также. Нечистый помысл, страстное воззрение, гнилое, а под час и срамное слово, праздность и нега, роскошь и щегольство, вообще светлая жизнь среди непрерывных наслаждений и увеселений, давно уже перестали считаться грехом, особенно в развитых сословиях христианских обществ. Между тем, посмотрите, каких мук, каких болезней и страданий стоило нашему Спасителю, чтобы в очах правосудия Божия оправдать нас и в этих мнимо-невинных проявлениях нашей жизни? Посмотрите на главу Его: она вся в крови и язвах. Посмотрите на божественный зрак лица Его: в нем нет ни вида, ни доброты. Что же это? Не жертвы ли умилования за наше безумие и кичливость, за наши преступные мечты и замыслы, от коих столько терпим и мы сами, и другие? Посмотрите на это уничижение, на это бесчестие, на эту срамоту оплеваний. За что все это терпит наш Спаситель? Не за наши ли срамные слова и речи, оскорбляющие слух и растлевающие душу? А что значат претерпеваемые Им эти ударения тростью, эти биения и озлобления с язвительным хохотом и саркастическим пригибанием перед Ним колен? Не есть ли это очищение и как бы выкуп за наши срамословные песни и потехи, за наши кощунственные шутки и смехотворства, за наши дикие и неистовые пляски, творимые под влиянием пылающих страстей и в разливе вакхического упоения? Но вот Он – наш Спаситель, – связанный и привлеченный на суд, ударяется в ланиту и заушается как раб неключимый. Это за что? Не за нашу ли необузданную свободу и пагубное своеволие и в делах и начинаниях, и в обращении и ответах, и в мыслях и суждениях? Так-то болезненно и невыносимо страдал наш Господь и Спасителя за грехи как бы юности нашей, за грехи нашей беспечности и нерадения, за грехи, которые творим мы потому только, что живем невнимательно, поступаем неосторожно, не якоже премудри, но якоже немудри (Еф. 5:15)! Что же сказать о тех грехах и неправдах, которые, творятся нами не по увлечению, а по расчетам, и которые, вторгаясь в самое небо, вопиют там об отмщении?

Мы коснулись свободы. Да, наш век, по преимуществу, есть век свободы и умственного развития. Но неправильно понимаемая свобода, вводя, в жизнь нашу широким притоком свет научный, чуть ли еще не широким потоком вводит в нас порчу и растление нравов. И если бы

какой-либо Пророк явился здесь, подобно как некогда на реке Ховаре, и, прокопав, по повелению Божию, стену, закрывающую внутреннюю клетку нашего сердца, заглянул на ту сторону жизни, которую мы всячески скрываем и утаиваем от взоров людских: то в какой пришел бы ужас, увидев, что и между нами, озаряемыми светом учения земного и небесного, почти тоже амморейское нечестие, под которым изнывал и стонал омраченный безбожием и многобожием древний мир? Как ужаснулся бы, увидев и между сынами света и благодати те же, что и там, мрачные грехи и пороки, тоже пьянство и чревоугодие, тоже сластолюбие и распутство в разных видах, ту же безумную гордость и честолюбие, то же мздоимство и лихоимание, то же явное в прикровенное хищничество, те же взаимные обманы и несправедливости, те же злословия и клеветы, ту же зависть и убийства, ту же ненасытимую алчность мирских почестей и чувственных наслаждений; словом, то же древнее, богомерзкое язычество, скрывающееся в христианстве и в настоящее время возникающее как бы с большей силой и в улучшенном виде, с многосторонним прогрессом, с естественной честностью и гуманными взглядами на всех и вся. Но это еще не все. Пророческое око могло бы, к наибольшему ужасу и скорби, усмотреть между нами, даже более чем в Амморейцах, – могло бы усмотреть в нас, верующих во Христа и запечатленных дарами премудрости и разума, извращение многих общечеловеческих понятий, и чуть ли не возведение явных пороков на степень добродетели.

Вот, братия, где бы следовало остановиться и сосредоточить нам наше внимание и спросить себя самих: думаем ли мы, и как думаете о подобной богопротивной жизни? Как думаем об этих грехах и беззакониях, об этих кровавых пятнах, коими так привычно и хладнокровно мараем и скверним христианскую совесть, христианское имя и христианское святое житие? Как думаем, и думаем ли, каких язв и мучений, каких потоков крови и какого истощения стоило Спасителю нашему, чтобы искупить все подобные беззакония и оправдать нас перед правосудием Божиим в том, в чем и сам мир никого не оправдывает перед своим судом, – чтобы очистить и омыть в нас не только потемневшее, но и сделавшееся багряным и червлёным, и все это обновить и убелить яко снег и яко волну?

И хорошо еще, если, увлекаясь духом ли мира лукавого, или своей собственной похотью, – увлекаясь и впадая в тяжкие грехи, спешим к алтарю Господню, чтобы там, перед лицом Сердцеведца, излить скорбь души, сетующей о своем увлечении, исповедать содеянный грех и омыть его слезами покаяния. Отец Небесный, не хотяй смерти грешника, конечно, не отринет нашего обращения, и по мере сокрушения и веры

нашей в заслуги Искупителя, – примет нас, как блудных сынов, в объятия любви Своей и возвратит утраченную чистоту и непорочность. Но что, если мы, оскверняясь греховными нечистотами, не только не приходим к служителю Христову, чтобы, при его содействии и молитвах, очиститься в слезной бане пакибытия, и примириться с Богом и совестью, но и не считаем сего нужным? Что если стихийный ум наш, мудрствуя вовсе не по Христе, а против Христа, явно восстает на разум Божий, и не тайно только, но и открыто издаваясь над постановлениями Церкви, заповеданными ее Законоположником, силится поколебать и саму Церковь? Как думать о таковых собратиях наших, доселе именующихся еще христианами, но водящихся духом нехристианским?

Голгофское жертвоприношение за спасение мира уже совершено и принято правосудием Божиим в воню благоухания; боготочная кровь Агнца, определенная прежде времен и веков, во искупление грехов человечества, уже пролита и действительна во всех тех, которые, веруя в заслуги Искупителя и утверждаясь духом Его во внутреннем человеке, втайне содевают свое спасение. Но для этих врагов креста Христова, для этих сынов противления дело искупления как бы еще не начиналось. Для них Спаситель Христос еще не приходил на землю; благодать Святого Духа еще не орошала лица вселенной; миры горний и дольний еще не примирены, тем паче не возглавлены крестом Обновителя всей твари. Судя по их верованиям и стремлениям, можно даже подумать, что таковые как бы хотели, если бы только могли, второе низвесть Христа с неба, и второе возвесть Его на Голгофу, чтобы там второе распять Его (Рим. 10:7; Евр. 6:6), но распять не для того, чтобы, стоя при кресте с сотником, и уверившись самолично повторенными там знаменами, исповедать Его Сыном Божиим, а для того, чтобы, возглавив собой толпу голгофских хульников, превзойти их своими язвительными остротами и глумлением над Богом и Христом Его; чтобы Распятому поднести в своем утонченном презорстве еще горчайший оцет и желчь; чтобы новоизмышленной хулой еще глубже вонзить гвозди в язвы рук и ног Его, и чтобы отчаянным ожесточением пронзить не умершее уже, но еще живое, еще дышащее любовью к нам и еще молящееся за них к Отцу сердце Его. Таковы, или почти таковы, отношения ко Христу многих из нынешних врагов креста Христова. Кто не видит здесь полного наругания над кровью завета, полного укорения и хулы уже не на Сына человеческого, тогда еще скрывавшего славу Свою, а на Сына Божия, восставшего силой божества Своего из гроба, восшедшего на небо и сидящего одесную престола величества на высоких.

Увы! Можно ли не сожалеть о таковых, от нас исшедших, но не от нас бывших (1Иоан. 2:10)? Участь их во всяком случае ужасна и достоплачевна. Это не то, что распинатели голгофские, которые, распиная Господа славы, не ведали, что творили (1Кор. 2:8; Лук. 23:34). Вторичные распинатели вполне знают, что творят. Пребывая во грехе обдуманно, они со сознанием подавляют в себе истину Божию своей личной неправдой (Рим. 1:18.), а действуя так, они грешат сугубо, тяжело, непрощенно, – грешат против себя, произвольно исключая себя из числа спасенных; грешат и против других, увлекая многих и словом, и примером своим в бездну погибели.

Впрочем, братия моя, как бы кто ни казался грешащим преднамеренно и непрощенно: но все это мы говорим не к тому, чтобы ввергнуть камень осуждения на кого бы то ни было. Милосердый Господь, действуя по неисповедимым судьбам Своим, если и предаст некоторых в неискусен ум мыслити и творити неподобная (Рим. 1:28): то Он же и долготерпит на всех, желая всем спастися и в разум истины прийти. Таким образом, доколе безмерная благодать Божия щадит и милует всех нас: то, конечно, сообразнее с духом этой благодати не осуждать и самих сопротивных в вере, а, напротив, скорбеть о их омрачении и молиться за них, как за братьев, тем паче, что если они и не уверовали еще в кровь очищения, пролитую на крестном жертвеннике; то эта кровь все-таки может еще очистить их от всякого греха, как скоро они уцеломудрятся, восчувствуют свое заблуждение и всем сердцем обратятся к Спасителю мира – Сладчайшему Иисусу.

Итак, молитвенно предавая таковых суду Христову и собственной их совести, паче же неисследной бездне милосердия Божия, не хотящаго да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут (2Петр. 3:9), сами, между тем, поспешим, братия, углубиться мыслью в спасительное таинство креста Христова. Приложим всевозможное старание о том, чтобы сколько-нибудь понять нам, и навсегда удержать в памяти цену бесценных и неизобразимых мук и страданий, претерпенных за нас Спасителем нашим. Присное памятование о кресте и непрерывное ношение язв Господа Иисуса не только в уме и сердце, но и на теле, подобно Апостолу (Гал 6:17), и всегда может служить наилучшим укреплением для духа нашего в минуту изнеможения под крестом, но особенно, в минуту греховного искушения и в час борьбы с искусителем. Язвы Богочеловека Спасителя преисполнены благодати спасающей, и по мере веры и сокрушения могут источать всем и каждому жизнь и освящение.

И вот предлежит нам св. лобзание сих язв. Приидите, братия,

облобызаем эти святейшие и всеосвящающие язвы, – облобызаем их с полной верой, что в них наше оправдание и наш живот. Облобызаем с сердечным сокрушением и слезами о нашем окаянстве, о том, что не иудеи железом гвоздинным, а мы нашими грехами умучили и убили Неповинного, мы ископали Ему руце, и нозе (Псал. 21:17), мы изъязвили Его главу и тело, мы проболи и само сердце Его, так нас любящее.

Господи, Спасителю наш! Призри на немощь нашу, укрепи в нас веру благодатью заслуг Твоих, – очисти грехи кровью Твоей, и спаси нас. Аминь.

Слово на Великий пяток, говоренное в том же соборе 1869 г.

Мы же проповедуем Христа распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие: самем же званым Иудеем же и Еллином, Христа Божию силу, и Божию премудрость.

(1Кор. 1:23,24)

Слышите, братия, как Христос распятый является, по проречению, в знамение пререканий (Лук. 2:34), не во Израиле только, но и среди языков, и служит там и здесь, одним – на соблазн и падение, а другим – на восстание и спасение. И можно ли было думать, что первые соблазнятся о Христе Иудеи, от коих Он имел произойти по плоти, и коим Он предсказан и предуказан был и в законе, и пророках, и псалмах. Но чего не делают с нами наши людские страсти? Увлечшись земными видами и извратив смысл предуказаний и проречений о Христе – Избавителе, Иудеи составили мысль, что обещанный Христос, как сын Давидов и утеха Израилева, освободит их – людей Божиих – от нечестивого порабощения язычникам, восставит и возвеличит скинию Давидову падшую, и явится царем не только Израиля, но и всех царей и царств, чтобы возвеличить и превознести потомство Авраамово, в среде племен земных. Между тем, Христос, пришедший от Галилеи, не только не снял с них оков ига иноплеменного, не только не воссел на престоле превознесенном, но и Сам наконец, всеми оставленный, схвачен был, как разбойник, и вознесен на крест, где и испустил дух среди мучительных воплей. Это ли Христос, Сын Божий, это ли, царь Израилев, думал Иудей, взирая на Иисуса Распятого.

За Иудеями преткнулись и соблазнились о Христе распятом Эллина, стоявшие, по своему образованию, во главе всего язычествовавшего мира. Но любомудрствующим совопросникам века сего и трудно было устоять здесь против соблазна и искушений, без помощи свыше. Слыша проповедь о Христе, как Сыне Божиим, они слышали и то, что этот Сын Божий, мало того, что не принят был и в своей земле, своими соплеменниками, хотя они и ожидали Его с нетерпением, как своего избавителя, но и предан ими Римской претории и распят, как возмутитель общественного спокойствия. Не довольно ли сего, думал многобожный и велеречивый искатель мудрости, с ужасом воображая позор креста, не довольно ли сего, чтобы считать безумием, оставить мощного Дия громовержца и других богов бессмертных, и признать Спасителем мира и Богом вечным и всемогущим

какого-то Назарея, который и себя самого не мог спасти от позорной казни и умер, вися на древе, как злодей среди злодеев.

Таково, братия, воззрение на Христа распятого и таково суждение о Нем людей, не призванных ко спасению, и мудрствующих земная, будут ли они Иудеи или Эллины. Но не так взирают на того же Христа и не так мудрствуют о Нем те, кои простирают взор за пределы земной жизни, и уже предназначены ко спасению и вечной славе, будут ли они, опять, из среды Иудеев или Эллинов. Для таковых Голгофский Страдалец – Иисус Назарянин – есть Христос, Божия сила и Божия премудрость.

Не трудно понять эту св. истину, хотя она и не для всех и не тотчас была открыта в среде людской. Спаситель Христос, вообще, есть велия благочестия тайна (1Тим. 3:16), а Его страдания в крестная смерть есть такая тайна, что и премирные силы не без ужаса желают в нее проникнуть (1Петр. 1:12). Она предуставлена от века, но от века же и запечатлена была и скрывалась в Бозе создавшем всяческая (Еф. 3:9) дотоле, пока Дух Святой не сошел на учеников Христовых, и не озарил их светом не земным. Тогда лишь возвещая дело тайны Христовой (Кол. 4:3.), Дух Святой уяснил верующим не только то, для чего Единородному от Отца подобало, оставить на время небо и сойти на землю, но и то, как Он имел привести в исполнение предвечные определения воли Отчей. Таким образом, тайна искупления, как дело святое, небесное, Божие, уяснена в среде верующих в Искупителя не гаданиями людей, почивавших на законе, и не проникавших в дух его, тем паче, не земным, стихийным мудрованием плоти и крови, но откровением свыше, от Самого Бога.

В чем же состояла эта тайна? В том, что Христос, как второй Адам и Господь с небесе (1Кор. 15:47), обещан был через пророков не Иудеям только, яко народу Божию, но и всем людям, сотворенным по образу Божию, и что Он имел прийти на землю, и приходил, не в видах земных и временных, не для освобождения Иудеев от Римского порабощения, а для восстановления всех падших в Адаме первом, и для спасения их от рабства греховного и от той вечной смерти, коей неотклонимо подпало все грешащее человечество. И эта цель достигнута.

Спаситель Христос, явившись на земле сыном человеческим и человеком, вместе с тем явился и Сыном Божиим и Богом крепким, – явился, как премирная, всемогущая сила, – сила всесотворшая и всетворящая. И вот, как сила всесотворшая, Он восстанавливает расторгнутый союз между мирами горним и дольным и примиряет землю с небом, тварь с Творцом, грешное человечество с божеством святейшим. Как сила всетворящая, Он, в умилоствление вечной правды, приносит

такую жертву, которая, обнимая все времена и веки, способна искупить и искупает, всякий грех людской и всякую неправду. Но сего не довольно. Он же – Спаситель Христос, как сила Божия вседействующая, вседержавная и носящая всяческая глаголом своим (Евр. 1:3), поднимает все падшее, немощное и греховное человечество, врачует его от язв и струпов греховных, очищает, освящает и как пастырь заблудшую овцу, берет его на рамена свои, и из преисподней возносит на небо к Отцу.

Так велико могущество Христа, как силы Божией, в деле искупления; но оно не меньше и в Его благодатных действиях на верующих в искупление, коим Он всегда присущ, как глава членам. Не Его ли крестные страдания являются нам на помощь, и служат силой, облегчающей тяжесть крестов, кои все мы, братия, несем в свою чреду, в этой юдоли слез и вздыханий? Не Он ли укрепляет и поддерживает дух наш, питая нас и своим Евангельским словом, и своим пречистым телом и кровью? Не Он ли воодушевляет и ободряет всех верующих на всех путях жизни, обогащая их как Бог сильный и богатый в милости (Еф. 2:4) всякою благодатью, да избыточествуем все во всяко дело благо (2Кор. 9:8)? Не Он ли, заслугами своими, проложил и открыл путь и самой благодати, действующей в сердцах наших и совокупляющей всех нас в один дух веры, в одну Церковь? Да! И здесь Спаситель Христос есть непреоборимая сила Божия. Он не устроил видимого царства среди Израиля, как мечтал Израиль; зато воздвигнул нерукотворенную, всемирную церковь, положив в ее основание свои страдания и возглавив ее крестом.

И если эта церковь так тверда, что и сам ад ее не одолеет: то не служит ли это свидетельством, что Христос – есть сила вседержавная, Божия, – сила, коей необъятности может равняться одна лишь премудрость Божия, открывшаяся в том же Христе.

Изумительна и неисследна бездна премудрости творческой, явленной в устройстве и создании мира великого; но бездна премудрости, открывшейся в воссоздании мира малого, в искуплении человека, еще изумительнее. Между тем, плотские мудрователи, не разумея тайны искупления, как утаенной и сокрытой от ума неотрожденного, естественно запинаятся и не видят в ней премудрости Божией, даже и там, где она сияет светом сугубым.

Мы уже говорили, что Иудеи соблазнились смирением Христовым. Но от чего происходил этот соблазн? Не от извращения ли пророческих сказаний о Христе? Пойми они – Иудеи, то великое дело, для коего Христу подобало явиться на земле; пойми они, что человек, сотворенный безгрешным и блаженствующим, пал в пропасть греха и бедствий

непослушанием перед Богом, по действию духа злобы и гордыни; пойми они, что на Мессии-Христе лежало поднять падшего грешника, возвысить его и возвратить ему утраченную праведность и блаженство; а чтобы понять все это, храни они верность Богу отцов своих, не приобщайся непотребствам языческим, чтя пророков как посланников Иеговы, и не проливай их крови между церковью и алтарем, – о, тогда, Моисеево покрывало не легло бы на сердца их мраком непроницаемым, и не лежало бы доселе, скрывая от очей их истину Божию; тогда они увидели бы что путь смирения и послушания, коим проходил свое служение Спаситель Христос, есть путь благодатный, добрейший и сообразнейший с целью. Ибо, если падшего надлежало восставить и возвести к прежнему совершенству, то не надлежало ли его вести путем обратным падению, а следственно, Христу Спасителю не надлежало ли начать этот путь смирением и продолжать преданностью в волю Божию и послушанием? Гордыня, по свидетельству слова Божия, есть начало греха; она породила преслушание, убившее человечество, и низринувшее его из рая сладости. А если так, то не из смирения ли и послушания должен был сложиться обратный путь к жизни и в рай наднебесный? И следственно, не скорее ли здесь – необъятная, истая премудрость Божия, только непознанная теми, кои, ожесточив сердце, все видели и ничего не разумели.

Стихийная мудрость мира языческого преткнулась о страдания и крестную смерть Христову. Как можно, думала она, Сыну Божию и Господу славы страдать и висеть на кресте? Между тем, здесь-то и есть то богатство премудрости Божией, перед коим зрители таин предвечных изумевали, восклицая; о глубина (Рим. 11:33).

Не отпускаяте из виду, братия, что грех вошедший в мир преслушанием Адама, не мог не возбудить правосудия в Боге; иначе бы Бог перестал быть Богом. Бог в наивысшей степени свят и праведен; но святость Божия в том и состоит, что Бог любя одно добро, ненавидит грех как зло и отвращается его, а отвращаясь греха, Он гневается и на грешника и хотел бы навсегда отринуть его и удалить от своего лица. Но Он же, по безмерной благодати, не может и не любить отречаемого грешника и любить его, как дело рук своих, как венец всех тварей, как создание, украшенное богоподобием. И вот, чтобы примирить святость и правду Божию с Его же милосердием и любовью, является Христос – Божья премудрость. Как безгрешный и святой, Он вступает в посредство между Богом – Судией и человеком подсудимым, берет на себя грехи всего мира и всех веков, сосредотачивает их в своем лице, как свои, и чтобы загладить их навсегда, перед лицом правды Божией, претерпевает за них то

наказание, которое должны были вытерпеть все согрешающие, и таким образом искупает их, – искупает не истенным сребром, или золотом, но своей честною кровью (1Петр. 1:18,19), которую и проливает на крестном жертвеннике, как Агнец Божий, от века предназначенный к тому, чтобы с одной стороны, потребить грехи мира, а с другой, помиловать, искупить и спасти грешников.

Понятно, что после сего, для грешников верующих в Голгофское жертвоприношение, нет более ни осуждения, ни вечной смерти. Крестом они всецело оправданы и примирены с Богом. Крестом возвращена им вся любовь и все благоволение Отца. Крестом они переведены из области темной в благодатный свет. Крестом же, наконец, они сделались из чад гнева и противления сынами Божиими, присными Богу и святыми; но сделались не даром, тем паче, не в оскорбление святейшего величества Божия, но по праву выкупа, вследствие умиловления жертвой необъятной цены, ибо сам Бог была во Христе, примиряя в теле плоти своя мир Божественной правде (2Кор. 5:19; Кол. 1:22).

Такова, братия, премудрость Божия, явленная миру во Христе – Спасителе. Но что я говорю: такова? Нам ли бранным, и с этой ли грешной земли, где все видится, как бы сквозь тусклое стекло, обнимать и понимать пренебесную премудрость в подобающем свете и полноте? И богопросвещенные умы, доколе были в плотной оболочке, видели в ней большей частью, одну лишь внешнюю сторону, и следственно видели и разумели ее только отчасти (1Кор. 13:12). Да. Полное уразумение всех путей премудрости, сокрытых не в одном таинстве крестной смерти Богочеловека, но и во всех тайнах мироздания и мироправления Божия, возможно лишь в вечности. О, в какой славе боголепной откроется там эта самобытная, всесоздавшая в воссоздавшая премудрость Божия! Вечно углубляясь в ее тайны, чтобы познавать их, мы вечно будем черпать из сего океана новое и новое блаженство.

Впрочем, как бы то ни было, но со стороны Спасителя нашего, как Бога всемогущего в премудрого, все сделано, чтобы нас спасти и облаженствовать. От нас зависит воспользоваться благодеяниями, нам предоставленными. От нас зависит понять величие жертвы Голгофской, принесенной за наши неправды; от нас зависит веровать в эту жертву искупления, и в благодарных чувствах к Искупителю, хранить и соблюдать слово Его, в духе смирения и преданности, в духе Евангельской правды и святости.

Вот Он – наш Спаситель – воспоминательно и образно перед нами! Вот Его язвы, за нас претерпенные! Возблагодарим пред ними, припадем

к ним с верой и упованием, облобызаем их с сокрушением сердца и слезами. В них Божия сила и Божия премудрость; в них же наше спасение, наш живот и наше блаженство. Аминь.

Слово на день Благовещения и вторник светлой недели, говорено в Тверском кафедральном соборе в 1847 году²⁶

И рече Господь: субботы моя сохраните, есть бо знамение между Мною и вами: да увесте яко Аз Господь, освящай вас. И сохраните субботу яко свята сия есть Господу и вам: осквернивый ю, смертью умрет.

(Исх. 31:12,13,14)

Два святейших таинства веры, содержащие в себе начало и конец нашего спасения, в настоящий день открываются взору нашему в одно и тоже время. Устремляясь мыслью, по гласу нынешнего Евангелия, в Галилейский город Назарет, и там внимая словам предстателя силы Божией, открывающего Отроковице совет превечный, мы видим, как Ипостасное Слово, всегда сущее у Бога, нисходит с неба на землю, – как Сын Божий, от вечности сияя славой, яко едиnorodный от Отца (Иоан. 1:14), скрывает славу Свою, и приобщаясь плоти и крови (Евр. 2:14) нашей, делается человеком и сыном человеческим. Но переносясь из незнатного Назарета в окрестности Иерусалима, видим, каким образом это же Слово, воплотившееся и уже умершее и погребенное, исходит из гроба силой божества Своего, дабы опять взойти к Отцу на небо; – каким образом человек Иисус, за всех вкусивший смерть (Евр. 2:9), опять открывает славу Свою и опять является Сыном Божиим, как победитель смерти и ада. Очевидно, что такие чрезвычайные события мира, поколебавшие небо и землю, такие величайшие и святейшие богоявления в Церкви Божией, объемлют собой всю неистощимую бездну милосердия Божия к нам грешным, а совмещение их в одно святое торжество, в один день богосветлый, усугубляя величие настоящего праздника, усугубляет и нашу обязанность – проводить это святое время в особенной святости и чистоте.

Да и можем ли мы, христиане, оставаясь верными Христу, проводить дни сии не свято, когда они и называются по преимуществу, святыми как богоосвященные памятники безмерной и неистощимой любви Божией к падшему человечеству. Посмотрите, о чем говорят, что напоминают нам эти дни? Вечное и всесотворшее Слово, Царь миров и славы, уничижает Себя до девического чрева, становится плотью, принимает образ человека и зрак раба. Для чего все это? Для чего такое умаление присносущной славы и величия Божия? Не для того ли, чтобы нас человек,

уничившихся до безобразия бессловесных, освободить от тлетворного рабства страстей, одуховит и возвысит до приобщения божеского естества. Христос Спаситель наш, претерпев преднаписанные ему страдания и смерть (Лук. 24:26), воскресает от гроба; но для того ли только, чтобы Ему, яко Богу, явит силу и славу владычества Своего над смертью и животом, или же и для того, и не тем ли паче для того, чтобы Ему же, яко первенцу из мертвых (Колос. 1:18; Апок. 1:5), совоскресить духовно все обумершее грехом человечество, избавить его от вечной смерти и облечь славой бессмертия и блаженства? Таковы, братия, благодеяния, коими Отец щедрот ознаменовал и освятил со своей стороны празднуемые дни. Более сего само всемогущество Божие ничего не может для нас сделать. А если так, то и знаменательнее, и святее этих дней, дней воплощения Сына Божия, Его смерти и воскресения – не было и не будет во всех днях стояния мира.

Но если так святы и велики эти празднственные дни, то ведайте, братия, что они святы не потому только, что Бог освятил и положил их в вечное знамение Своей любви к нам, но и потому, что мы сами неотменно обязываемся и со своей стороны освящать их и знаменовать святыми чувствами и делами любви к Богу. Тот же Бог, который явил нам такие чудеса Своей благости, не требует ли и от нас безусловного хранения наших суббот и праздников, как требовал сего некогда от Израильтян, – требовал с настоянием и даже под угрозой страшной кары? Субботы Моя сохраните, есть бо знамение между Мною и вами. И сохраните субботу, яко свята сия есть Господу и вами: осквернивший ю, смертью умрет (Исх. 31:12,13,14). Но что значили Иудейские субботы в сравнении с праздниками христианскими? Ветхозаветные празднования, со всем их обрядовым законом, были не более, как только прообразование, слабая сень грядущих благ (Евр. 10:1), тогда как праздники наши суть само событие древних прообразов, само достижение, и как бы осязание тех бесчисленных благодеяний Божиих, которые, столько веков оставаясь в обетовании, предуказуемы были только издавеча. Во Христе Иисусе, говорит св. Евангелист, мы прияхом благодать возблагодать (Иоан. 1:16), т. е. приняла такое обилие благ духовных и вечных, что всего величия и всей силы их не можно ни изобразить, ни постигнуть в настоящей жизни. Итак, и по силе положительного закона Божия, который в сущности своей не изменен во все времена, и по долгу любви и благодарности к нашему Спасителю, мы должны проводить настоящие дни праздника в особенной святости и благоговении, освящая их делами благочестия, а через то и сами освящаясь от полноты благодати Христовой.

Святая церковь, как истолковательница воли Божией и хранительница даров освящения, и сама знаменует дни сии и освящает их службами, исполненными особенной торжественности и велелепия, и это делает она для того, чтобы нас более утвердить в духе святости. Иначе для чего она в сии дни с такой радостью и любовью, с таким убеждением, и как бы настоянием, созывает под кров свой всех верных чад своих? Не для того ли, чтобы всем нам одними устами и одним сердцем славить вместе с ней, воспевать и благодарить Господа Спасителя нашего? Смотрите: вот и престол Божий, который силы небесные невидимо окружают, и с которого воскресший Господь приемлет наши славословия и благодарения, в сии дни всегда и для всех открыт и видим. Для чего это? Не для того ли, между прочим, чтобы нам тем с большей ревностью и чистотой являться как бы перед само лицо Божие, и тем с большим благоговением внимать совершаемым здесь тайнам? Для чего, созывая под кров свой и вечер, и утро, и полудне, св. Церковь так часто возглашает перед нами, что Христос воскрес, поправ смертью смерть? Для чего так часто износит она перед взор наш и предлагает лобызать само знамение победы Христовой – святой, животворящий крест? Не для того ли, чтобы воспламенить в нас любовь к Распятому за нас и Воскресшему, чтобы укрепить дух наш против нападений плоти и отвлечь нас суетных от раболепного служения миру, который, будучи всегда грешен и лукав, и в эти святые дни не престаёт уловлять нас в свои пагубные сети? Для чего она высокие и святые истины веры предлагает ныне не через чтение, как обычно, но в духовных песнях и восклицаниях? Не для того ли, чтобы, питая и услаждая в нас духовное чувство, возбудить и воспламенить в духе нашем жажду присного стремления к Богу крепкому и живому? Не для того ли, чтобы святыми и боголепными восторгами оградить и удержать саму мысль нашу от поползновения к наслаждениям плотским и греховным, а тем паче предостеречь нас от претворения святой радости о Воскресшем в веселие чувственное и богопротивное?

Знаю, братия, что сама же Церковь, отлагая в настоящие дни строгость обычных правил, делает значительную ослабу в образе нашей жизни, что сама же она, призывая всех к радости духовной, не воспрещает и телесной, что сама же, разрешая всякое брашно и питье, благословляет употреблять их не так в скудной мере, как это было в предшествующие дни пощения. Да и Сам Спаситель не одобряет пощения в то время, когда при нас жених. Однако же, братия, ни Христос, ни Апостолы, на тем паче Церковь, никогда не ослабляют в нас духовного трезвления до того, чтобы когда-нибудь, а тем паче во дни святые, можно было предаваться

объединению, пьянству, сладострастию, бесчинным играм и всякого рода порокам. Если когда, то во дни праздников Христовых, потребна для христианина вся непорочность и целостность голубя. Если в чем, то в вещах, не возбраняемых требуется от нас вся мудрость Евангельская определяющая всему вес и меру. «Я не возбраняю наслаждаться пищей и некоторой отрадой», говорит св. Златоуст при подобном случае, «не возбраняю сие, но увещаваю употреблять потребное для тела и отсекаю сладострастие, да не како престоупающе меру повредим здравие душевное». (Слов. на Пасху, кн. 2 стр. 368 на обор.). Итак, возлюбленные, употребляйте и брашно, и питье, пользуйтесь всеми благами земными: Господня бо земля, и все, что ее наполняет (Псал. 23:1): но аще ли ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите (1Кор. 10:31), и вообще ведите себя, по заповеди Апостола, прилично и благообразно, не предаваясь ни козлогласованиям, ни пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти (Рим. 13:13.), но вразумляя друг друга псалмами, славословием и песнями духовными, во благодати поюще и устами и в сердцах ваших Господеви (Кол. 3:16; Еф. 5:19).

И уже ли Господу, который так много уже претерпел за нас в прошедшие дни унижения, надобно терпеть от нас и в дни славы? Господь возлюбил нас до того, что и душу Свою положил; где же ваша любовь к Нему, когда мы и во дни воскресения Его, среди чудес и благодеяний, Им даруемых, не будем соблюдать слова Его, чтобы заимствовать из него освящение? Не будем ли мы, в таком случае, хуже и вероломнее тех Израильтян, которые среди чудес Синайского законодательства не устыдились поклоняться золотому истукану? Не будем ли бессмысленнее и чувственнее этих читателей тельца Хоривского, которые, забыв Бога и Его благодеяния, нечестиво седоша ясти и пити и востаха играти (Исх. 32:6)? Нет, братия. Что было во дни оны с древним Израилем, того да не будет с нами! И тебе ли, Иерусалим новый, тебе ли, град искупленный и освященный кровью Сына Божия, тебе ли, Церковь Христова, богоизбранная и святая, праздновать свою новую пасху и свои субботы со старой закваской, с закваской порока и лукавства (1Кор. 5:8)? Вот тебя озарил свет небесный; вот на тебе воссияла слава боголепная: не омрачай же сияния святой славы делами тьмы и нечестия; светися и украшайся, святой Сион, чистотой Евангельских доблестей, и воскресший Господь воцарится посреде тебе (Соф. 3:15.) и будет тебе во спасение.

Да, братия! Под сим только условием, под условием чистоты и святости Воскресший есть и будет нашим Спасителем; под сим только условием мы радуемся и будем радоваться о Нем истинно, законно, в роды

родов; а иначе на чем будет основано наше веселие, которому так предаемся, – наше празднование, которого так ожидали? Какое отношение будет иметь к нам принятие Сыном Божиим естества нашего, Его вольное страдание, крестная смерть, спасительное воскресение? Что за связь будет между нами и Спасителем человеческого рода? Мы носим Его имя, исповедуем, Его Искупителем, глаголем Ему: Господи, Господи! И на этом основываем всю надежду воспользоваться плодами заслуг Его? Но разве одно устное исповедание и чествование без святости жизни может кого спасти? Разве можно невообразно упиваться из чаши нечистых, любогреховных наслаждений и считать себя в числе спасаемых, в числе тех преподобных и святых, кои непрерывно распинают свою плоть со страстями и похотьми? Разве заслуги Искупителя изменили существо Божие, уничтожили в Нем святость и правосудие и оставили одно милосердие? Разве Бог перестал уже быть Богом, нехотящим беззакония и разве Христос соделался служителем греху (Гал. 2:17)? Нет, братия, нет. Столь грубое самообольщение подобными мечтами не только греховно, но и безумно! Если Христос если наш Спаситель, если мы соединены с Ним не именем только, а существенно, как члены с главой, как ветви с корнем, если Его воскресение для нас радостотворно, то, по сему самому, мы и должны вести себя свято и непорочно. Наша святость должна быть непременно следствием, и вместе доказательством, что заслуги Спасителя для нас не тщетны, что сила благодати Его в нас действительна, что кровь, текущая из животворных ребер Его, служит для нас не только очищением от всякого греха (1Иоан. 1:7), но и освящением, что Его смертью и погребением умер в нас человек ветхий, и что мы уже свободны от греха потому, что в воскресении Его восстали духом и живем Богови (Рим. 6:7,10). Иначе, чем мы уверим других, чем уверим себя самих, что страдавший и воскресший из мертвых Христос есть действительно наш Господь и Спаситель? Чем уверим себя и других, что Он предан бысть точно за прегрешения наша, и воста за оправдание наше (Рим. 4:25)? Какое преимущество будем иметь перед язычниками, иудеями, самими распинателями? О царице Савской сказано, что она станет некогда на суд Божий с Иудеями, и обличит и осудит их за то, что они отвергли Христа своего и распяли Его. Но осуждаемые царицей Иудеи не тем ли паче могут стать на суд с нами, чтобы обличить нас и осудить? Не тем ли паче, что они еще могут что-нибудь сказать в свое оправдание, сказать, что они сделали это по незнанию? Но мы, которые разумно и с убеждением веруем, что распятый Иудеями есть воистину Христос Спаситель мира, – мы, которые, посему, лобызаяем крестные язвы Его, радуемся о

воскресении Его, поклоняемся Ему и взываем: Господь наш и Бог наш! Мы, которые приобщаемся тела и крови Его. Яко Сына Бога живого, освящаемся благодатью заслуг Его, и причисляем себя к десной стране спасаемых по вере в Него, – мы что скажем в оправдание, что своими срамными делами хулим имя Его и в среде своей и во языцех (Рим. 2:24), и через то как бы снова распинаем своего Спасителя? И когда же? Не в день смерти и погребения Его, а в день воскресения Его, среди всеобщей радости о Нем земли и неба, среди самого явления славы Его, не в мире только горнем, но и дольнем и преисподнем.

Но, братия, не омрачим Богосветлых праздников Церкви мыслями несветлыми, также, как и делами темными и нечистыми. Господь Бог призвал нас не во мрак и к нечистоте, но во свет и на святость (1Сол. 4:7). Будем святы в продолжении всей жизни, но особенно, в эти святые дни по звавшему ны Святому. Будем святы и непорочны, потому что Христос – Спаситель наш и в естество наше облекся, и предал Себя на смерть, и воскрес из гроба для того, чтобы из нас сделать Себе Церковь святую и славную, не имущую ни скверны, ни порока (Еф. 5:27), – для того, чтобы всех нас облечь в чистый виссон оправдания заслуг Своих и ввести в святое царство Божие, как присных Богу и святым (Еф. 2:19). Аминь.

Слово на первую годовщину 4-го апреля, сказанное в Херсонском соборе в 1866 г.

Боже, песнь нову воспою Тебе, дающему спасение царем, избавляющему Давида, раба своего от меча люта

(Псал. 143:9,10)

Вы припоминаете, братия, чье это слово. Но не так ли же мы и ныне, подобно царю – Пророку, новую песнь хвалы и благодарения поем Богу Спасителю? Не так ли же ныне Русь святая, преклоняя миллионы благодарных сердец и колен перед Господом славы, совершает праздник новый и доселе не бывалый.

Год тому назад, как вседержавный Царь неба и земли, в этот день, явил свое спасение Царю нашему от зиявшей смерти. Год тому, как всероссийский Давид Благочестивейший Государь наш, незримым мановением перста всемогущего, избавлен от рокового удара, злейшего меча люта.

Итак, год тому, как в недрах нашего отечества, совершилось то событие, при воспоминании которого доселе теряешься и недоумеваешь, скорбеть ли тут более или радоваться? Скорбеть ли, что область тьмы и нечестия, и в нашей среде, в среде христиан Русских и православных, производит те адские исчадия, коих имена с проклятиями падая на страницы современных летописей, отдаются в потомстве вечным позором, не для христиан только, но и для всего человечества? Скорбеть ли об этом, или радоваться о том, что небесная помощь, предупредив крамольные замыслы, посягавшие на общественный порядок и благоденствие России, умела обратить их к большему упрочению и ограждению того государственного строя и единения, коими так крепка держава Русская? Скорбеть ли, что и на нашей земле, христолюбивой и царелюбивой, находят не несродную себе почву те буйные Кореи, для коих нет ни совести, ни чести, ни веры, ни святости, и кои, посею, в видах достижения своих целей, все готовы облить кровью, и очаг родной, и трон царев, и алтарь Бога вышнего? Или же радоваться и благоговеть перед милосердием и благостью Зиждителя за то, что десница Его, сохранив неприкосновенным возлюбленного нам Монарха нашего, а с ним и все державное семя дома Романовых на престоле Русском, явила тем знамение и как бы залог, не нам только, но и всему миру, что милость Господня к России православной, от века в век.

Как бы ни было, но мы собрались в доме молитвы, молитвенно

прославить Господа, отвратившего от нас столь кровавую бурю, – собрались, чтобы во святилище Божиим, воспеть Богу-Благодетелю песнь хвалы и благодарения, не на псалтири десятиструнным и не с кимвалех восклицания, а живими, членораздельными звуками и сердцем, преисполненным благоговенной любви и преданности к Отцу Монарху. А чтобы возвысить и воспламенить чувство благодарения в нас самих; тем паче, чтобы вознести его в едином духе и как бы одним гласом радования; приникнем, братия, благопокорной мыслью и сердцем правдивым, к державной воле, которую наш Давид спасенный, – наш Благодетельнейший Государь, – благоволил выразить по случаю сего события в Высочайшем рескрипте, от 12 мая прошедшего года.

Названный рескрипт Его Величества направлен к первым деятелям в высшей административной сфере царства Русского: за всем тем, он не есть руководственное указание для одних министров и главноуправляющих отдельными частями государственной администрации; не есть также и побудительная мера к точнейшему исполнению своих обязанностей для тех только, кои призваны в государственную службу и облечены какими-либо правами и властью. Нет! Обязанность содействовать видам правительства, Высочайший рескрипт, безизъятно возлагает на весь народ русский, на все общественные слои его, не все добронадежные и неповрежденные охранительные силы его, коими Россия всегда была и есть так богата. Да и может ли кто из нас не содействовать видам правительства, когда оно стремится утвердить и обеспечить гармонический, стройный ход управления, без коего не может быть ни плодотворной деятельности в совокупной массе народа, ни развития начал его богатства, ни тем более, самого народного благоденствия среди безмятежной и добронравной жизни? Может ли кто не содействовать всемирно и добросовестно к достижению столь высокой цели, составляющей всегдашний предмет заботливости правительства, желаний народных и молений Церкви?

Но чему и как содействовать?

Святотатственное покушение безумца на венценосную главу Благодетельнейшего Государя, послужив к обнаружению соделавшейся уже тайны беззакония (2Сол. 2:8), послужило к открытию и тех адских замыслов и средств, коими объюродевшее коварство и крамола мечтали достигнуть своих целей, – послужило к открытию тех ядовитых доктрин, которые сначала сокровенными путями, и как бы прелазя инуде, а потом уже и не скрываясь, стали вторгаться в нашу общественную среду, и по мере своего развития, устремляться на поколебание всего, искони для нас

священного, на поколебание древней веры и благочестия, на разрушение основ семейственной жизни, на ниспровержение права собственности, святости закона и уважения к установленным властям. Вот зло, поначалу, чужеземное, но в недавнее время, пустившее корни и на нашем родном севере, не сродном к произращению подобных западных обаяний! Вот зло, к искоренению коего самодержавная воля положительно требует от каждого из нас ревностного содействия!

Само собой следует, что это содействие должно быть слишком разнообразно, не столько по разнообразию самих предметов, превратно толкуемых, сколько по разнообразию сословных обществ и мест, где зловерные толки могут находить для себя более питательную почву, а еще более, по разнообразию бесчисленных личностей, входящих в состав сословий государства. Но это разнообразие содействия легко может быть объединено в нас, нашим коренным, господствующим верованием, в чем и действительно соединяемся все мы, как дети Отца небесного, усыновленные Ему, через заслуги Христа Спасителя.

Итак, кто бы ты ни был, православный сын Церкви и России, держись крепко тех св. верований, которые приняты нами от наших благочестивых предков, или же лучше, от святых Апостолов и самого Христа. Держись крепко Евангелия Христова, коего вечные истины доселе проповедаются в православной Церкви, и ты окажешь самое благотворное содействие видам правительства. Евангелие Христово есть книга, с одной стороны, божественного откровения, а с другой – жизни и спасения. Оно объемлет и осиявает своим руководственным светом все стези жизни человеческой и все ее проявления, во всех сословиях государства, от царя на троне до пастуха в хижине.

Евангелие Христово, освящая и укрепляя дух наш верой в Богочеловека, ограждает и сердце наше, самым верным путем, от всех лжеучений, которые мир измышлял и будет измышлять на обольщение умов шатких. Евангелие Христово не попустит душе верующей и живущей под осенением Духа истины отвратить слух от истины вселенской и уклониться к басням (2Сол. 4:4), т. е. к зловерным мечтам и пустословию недорослей, увлекаемых бурным потоком собственных страстей и похотей: а еще более, Евангелие не попустит самому верующему воспроизводить те зловерные умствования и стремления, кои под влиянием отца лжи (Иоан. 8:44), так легко возникают в сынах непокоривых. Евангелие не пререкает правильному развитию в нас мыслящей силы, а тем более, полезной науки. Само будучи светом миру (Иоан. 8:12), оно требует просвещенного углубления и в природу, и в

писания (Рим. 1:20; Иоан. 5:39); но оно не хочет и даже воспрещает, чтобы мы, изучая безбрежный океан природы, останавливались на одних лишь видимых стихиях творения, как на подводных камнях; оно хочет и требует, чтобы мы восходили выше и выше, от мира предельного и видимого, в мир невидимый и беспредельный, до присносущной силы и славы самого Творца миров. Что свет Евангельский и научный, будто бы, в противоречии, так думают и утверждают те только, кои охотно поддаются увлечению ложных систем, и поддаются потому, что, познав истину Божию умом, они не проясняют ее жизнью добросовестной и святой; но предаваясь распутству и всякой неправде, омрачают, и подавляют в духе своем все истинное, святое и богоподобное.

Евангелие Христово сообщает нам самое высокое понятие о властях земных, особенно же, о предержавшей власти царевою. Евангелие Христово, изображая Царя особой верховной и неприкосновенной, ставит его в непосредственную зависимость от одного Бога, а именуя его по преимуществу служителем (Рим. 13:6) во вседержавном царстве Божием, дает понять, что такую высокую службу несут христианские Государи для блага своих подданных, для водворения среди них Духа Христова, духа согласия и благоустройства, духа единения, любви и благоденствия. Согласно с сим, Евангелие и от подданных требует отношений к Царям самых доверчивых и сочувственных, – требует не только добросовестной покорности и повиновения всем постановлениям правительства, но и искреннего уважения к самим правителям, и ко всем властям, ими поставляемым, а что всего важнее, Евангелие требует полного содействия видам правительственным, не вещественно только, но и нравственно и духовно, не оброками и даяниями одними, но и искренней преданностью и молитвой.

Евангелие Христово, утверждая и освящая все знания и сословия общественные, особенную важность придает частной, семейной жизни, объясняя происхождение первой человеческой четы, изображая святость, высоту, неприкосновенность и неразрывность взаимных супружеских отношений, указывая на женитьбу, как на благословенное средство к чадородию, по намерению Творца, и возвышая честный брак до степени тайны великой, во образ Христа и Церкви (Еф. 5:32). Но вместе с сим, Евангелие Христово определяет взаимные отношения и прочих членов круга семейного: родителей к детям, господ к слугам и обратно, и, изображая обязанности всех, всем и каждому указывает, во имя общественного благоденствия такие мудрые правила, что благодетельнее их никакая нынешняя гуманность изобрести не может.

Наконец, Евангелие Христово ограждает и право собственности, повелевая каждому снискивать жизненные средства, не только самому, но и честным трудом (Еф. 4:28): для пропитания себя и присных (Тим. 5:8), для добротных приношений во славу Божию (2Кор. 9:7), для восполнения общественных нужд (Рим. 13:6), и наконец, для уделения от избытков своих бедным и неимущим (Еф. 4:28). Эта Евангельская заповедь, это основное правило общежития человеческого, в среде верующих и всегда соблюдалось свято и не наруσιμο; но особенно оно было во всей силе, при первоначальном насаждении Церкви Апостолами. Апостолы, обходя мир с проповедью Евангельской, имели право, по слову самого Христа, от благовестия жити (1Кор. 9:14), т. е. иметь телесное пропитание от тех, коим сами служили духовно. Но чтобы в мысли не подать, что св. благовестники рассчитывали, в каком бы то ни было отношении, на вмешательство в чужую собственность, они, как пастыри облагодатствованные, не касалась, не говорю, имуществ, но и млека стад пасомых, а трудились и содержались всюду, где могли, работая своими руками (1Кор. 4:11).

Таковы, братия, непреоборимые и живые истины, проповедуемые Евангелием! Они ниспосланы нам, с одной стороны, для успокоения мятущегося человечества, и для указания всем пути к небу через праведную жизнь на земле, а с другой, – в низложение всех гнилых зловредных учений, которые от века в век, всегда появлялись в среде людской, и которые произникая из падшей природы человечества, почти всегда посягали, то на святую Церковь и откровение, то на правительство и власть единодержания, то на домашние родственные связи и отношения; словом, на самые первые основы, на коих зиждутся и стоят все земные общества и царства. После сего, нельзя не благодарить Господа за озарение земнородных светом, столь спасительным. Но нельзя не радоваться и не благодарить милосердие Божие, и в другом отношении, именно, в том, что Благочестивейший Государь наш, заявляя волю свою перед лицом своей державы, до того проникнут и одушевлен был св. началами учения Евангельского, что углубляясь в содержание рескрипта, невольно приходишь к мысли, что Богоправимый Царь, обнародовав волю свою, имел в виду, воспроизвести в умах наших не важнейшие обязанности, лежащие на нас, не только, как на чадах искупления и благодати, но и как на членах всех возможных человеческих обществ, начиная от домашне-семейного до самодержавно-монархического. Если же мудрая и благая воля Помазанника Божия так всецело проникнута св. истинами Евангелия, то не значит ли, что она для всех сынов России

сугубо священна? – Не значит ли, что она имеет для нас вид завета, вдвойне непреложного и святого.

Усугубим же, возлюбленная о Христе братия, нашу решимость, вполне следовать благочестивой воле Благочестивейшего Отца Монарха, – усугубим и возвысим ее до обета клятвенного. Подобный обет послужит нам наилучшим кадильным фимиамом при тех молитвах и благодарениях, которые мы имеем вознести в час сей. Он взойдет к самому престолу Триипостасного, и на нас самих низведет милость и благодать Божию. Еже буди, буди! Аминь.

Слово перед присягой, в день Преполовения, по случаю открытия земских учреждений и избрания для них членов; произнесено в Херсонском соборе в 1867 г.

Явление ваше, возлюбленная о Христе братия, в этом святилище молитвы, – явление в необычном количестве нарочитых мужей, нарочито призванных из всех сословий губернии, заставляет предполагать, что оно, кроме обычного молитвословия, подобающего настоящему дню и месту, имеет целью нечто необычное. Действительно. Вам предлежит дело, с одной стороны, доброе и святое, а с другой, новое и весьма важное по своим последствиям.

И вот вы, как силы света и благодати, переее всего прибегаете ко храму святому, чтобы здесь, перед лицом Отца светов, самое начало дела благого освятить молитвой, и молитвой же испросить на себя и на него благословение от самого Престола благодати.

Затем, вы имеете, здесь же, изречь клятвенное обещание, призывая во свидетели Бога, Творца вселенной, что в предлежащем вам деле вы хотите и должны поступать не по влечению страстей, присущих сердцу неотрожденному, не по духу мира лукавого, действующему в сынах века сего, и не по корыстным видам благ временных и тленных; но по духу Евангелия Христова, по духу этой святой книги вечного завета, или же лучше, по духу самого Христа, который вселяясь верою в сердца наша (Еф. 3:17), живет и действует во всех присных Богу и святых.

Очевидно, что такая цель вашего пришествия под кров сего дома Божия, не только сугуба, но и сугубо свята и назидательна. И если когда, то конечно в час сей, не умедлит Святой Израилев приосенит вас от высоты небесной и миром, и благословением, если только сами вы изыщете сего дара небесного, с тем же чувством веры, которое и сердца, и стопы ваши подвигло и направило к подножию сих св. алтарей.

Благословение, ниспосылаемое земнородным свыше, есть плод крестных заслуг Единородного Сына Божия. И как, кроме имени Иисуса Христа, нет иного имени под небесем, о нем же подобает спастися (Деян. 4:12): так это же имя Христа Спасителя есть единственное, о коем благословлялись и благословляются все языки и племена земные (Гал. 3:14). Итак, чем непоколебимее, искреннее и живее будут в вас вера в заслуги Искупителя, тем любвеобильнее благой Отец поможет нам в

начинаемом деле: тем неукоснительнее изливает Он на вас от Духа своего (Иоил. 2:28.), чтобы озарить в вас умы к созерцанию истины, укрепить волю в стремлении к доброму и святому, и водворить в сердцах ваших мир, согласие и взаимную любовь, столь необходимые в устроении общественного блага.

Да, братия мои! Живая вера есть приемный орган благословения Божия (Гал. 3:14), особенно когда она сопровождается смирением и преданностью в волю Господню. Глубокое смирение, – эта Евангельская нищета духа, собственно говоря, составляет прямое условие на получение блаженства в небе царствия Божия: блажени нищие духом, яко тех есть царствие небесное (Мф. 5:3), но посему же самому, смирение есть неотъемлемое условие и всякого Евангельского дела, коим приобретается царствие; при нем и сама вера в нас возвышается и становится действеннее и спасительнее. Святое смирение есть как бы некая сила, незримо привлекающая на землю благоволение неба и благодать Всесвятого.

Мир природы и царство благодати составляют одно царство Божие, а между тем, они во многом различны и противоположны. Там, в царстве природы, и громы небесные и дожди плодотворные привлекаются высотами и пиками гор и утесов, а здесь как бы наоборот. Здесь благодать Божия и благословение преимущественно нисходит на одни лишь глубины и удолия земные. Здесь, в царстве Христовом, не таланты блестящие и знания тайн сокровенных, не род знатный и громкие титулы, не власть высокая, и не красота величавая, а крепкая вера в Господа Спасителя мира, глубокое смирение перед Его неисповедимыми судьбами. Евангельская простота и незлобие, благодушное терпение правды ради, и всецелая преданность в волю Отца небесного, – вот что низводит от небесе святого милость и благословение Божие, и низводит в обилии росы Ермонской, сходящей на горы Сионския (Псал. 132:3). На кого воззрю, говорит Господь у Пророка, и как бы Сам же отвечает; токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих (Ис. 66:2). И опыт всех веков свидетельствует, что действительно, очи Господни и взор благоволения небесного приникают только на боящихся Господа (Ис. 32:53).

О, да приникнет любвеобильный взор Отца небесного и на вас возлюбленные братия, да приникнет, но мере того, как и ваши очи и сердца будут устремлены к Нему молитвенно, в духе веры и смирения. Живой и смиренномудрый дух веры, сердечного умиления и преданности в волю Божию пусть воспламенит в вас молитву нашу, и исправит ее, яко кадило пред Господом; тогда благословение пренебесное почиет на вас и на главах ваших, – почиет на наших входах и исходах, на ваших

предприятиях и делах.

Но призвав благословение Господа сил, вы имеете изречь во всеуслышание клятвенное обещание. Что сказать об этом обете клятвы, совершаемом при таком, торжественно знаменательном обряде? По духу Евангелия, для христианина, и не клятвенное обещание, не присяга, чинимая всенародно и перед Евангелием, а простое слово да или нет вполне обязательно и непреложно. Нравственно- обязательна сила наших слов, а тем паче, наших клятв и обетов, первое всего, должна исходить из качества самих действий, подлежащих подтверждению и отрицанию, обещаниям и клятвам. Дело доброе и святое, дело сообразное с законами вечной правды, дело, направленное во славу Божию и во благо ближнего, и без клятв вполне обязательно для каждого из нас, лишь бы оно было доступно. Но дело порочное и безнравственное, при всех обязательствах и клятвах, настолько же остается не обязательным, насколько и сами клятвы безрассудны и богопротивны.

Что ж это за дело, составляющее предмет нашей присяги? Что за дело, которое вы клятвенно обещаете выполнить во всей чистоте вашей совести? Это есть избрание из среды вас самих достойных деятелей, не говорю, более благонамеренных, но более способных и готовых к тому новому поприщу общественной службы, которое призвано необходимым, чтобы расширить, возвысить и упрочить благоденствие России. Может ли же быть что выше, благороднее и святее подобного дела для нас, русских?

Итак, доблесть мужи, мы имеем право думать, что нравственная сила, движущая вас к решимости добросовестной, честной и благородной, уже извлечена нами прямо из сущности самого дела, – извлечена потому, что сама чередой нового служения, указуемая богомудрой волей Монарха нашего, конечно уже рассмотрена вами, взвешена, измерена и найдена вполне законной, благотворной, и даже необходимой в общем строю государственного управления. Если же польза и необходимость нововводимого учреждения для нас несомненны; то можете ли вы, оставаясь верными своему званию, не желать и не стремиться споспешествовать всеми силами благим намерениям Царя-Самодержца? Итак, опять, мы не без права думаем, что сознание верноподданнического долга, на нас лежащего, так в вас живо, глубоко и обязательно, что вы уже произнесли в себе самих св. обет действовать в будущих собраниях с полным самоотвержением, имея в виду благо отечества, волю Цареву и славу Божию. Но еще более мы думаем, и даже уповаем, что тот св. обет, который изречен вами в глубине сердца, уже созрел в вашей совести в воле, в вашем духе и стремлениях, созрел до того, что вам ничего теперь

не остается, как только высказать его вслух Церкви, и затем приступить к делу.

Вот чем, собственно, должна быть в устах ваших та присяга, к которой вы готовитесь! Она должна быть в вас открытой исповедью, свободным изнесением из сердца и заявлением, во услышание всех, тех святых чувств и решимости, которые, с избытком наполняя вашу душу, должны излиться из ней как бы сами собой. Она должна быть внешним дополнением, через слово устное, той присяги внутренней, которая в глубине духа вашего уже изречена перед очами и слухом Сердцеведа. Скажу более: она должна быть для вас чем-то в роде особенного завета между вами и Богом, – завета частного и кратковременного, но тем не менее святого и досточтимого, – завета, с одной стороны, налагающего на вас новое обязательство и новую ответственность, а с другой, – дающего вам новое освящение, новый дух и новые силы к точнейшему выполнению обещанного.

Кто не испытал, что клятвенное призывание страшного имени Бога духов и всякой плоти, само собой и как бы невольно возбуждает в душе верующей молитвенное движение, направленное к умилоствлению Владыки живота и смерти и к испрошению от Него помощи в ограждение от клятвoprеступления? А что благой Отец, при столь напряженном возношении к Нему ума и сердца, не укоснит предварить своей благостыней вопиющих к Нему о подкреплении в деле святом: это столько же не подлежит сомнению, сколько и то, что христианская клятва всегда имела и имеет весьма высокое значение в деле Евангельского поклонения Богу в духе и истине. Ибо, что такое клятва? Клятва благоговейно данная и свято хранимая, есть хвала Богу вышнему, славословие имени Его, торжественная проповедь о его невидимых совершенствах; но клятва даемая презорственно и только для того, чтобы достигнуть через нее известных целей, есть дерзкое посягательство на уничтожение боголепной славы Господа Вседержителя, – есть нечестивое отрицание в Нем могущества и святости, и наконец, явное оскорбление величества Божия как бы в самом существе Его. Дивно ли после сего, что не только суд Божий страшно претит клянущимся во лжу и угрожает им отмщением до смерти ([Зах. 5:3](#)), но и суд человеческий немилосердно преследует и карает бесчестных клятвoprеступников? Да! Сего требует святость законов: сего требует ограждение общественной безопасности и благоденствия; сего требует величие имени Божия.

Вознесем же, братия, молитвы и моления к премудрому Промыслителю мира и судеб человеческих, да благословит Он – Благой

вас самих и ваши благие начинания, и да увенчает их исходом вождленным. Да сподобит вас с подобающим благоговением, и как бы едиными устами и единым сердцем, изречь, а потом и исполнить слово клятвенное, – исполнить не по внешней только букве и форме, но и по внутреннему духу его, и по всему благому и премудрому намерению Благочестивейшего Государя нашего, Августейшего Отца народа Русского. Аминь.

Слово перед панихидой, по получении известия из Петербурга о кончине там Преосвященнейшего Кирилла. Архиепископа Подольского;

сказано в Каменец-Подольском соборе 10 апреля 1841 г.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие ихже взирающе на скончание жителства, подражайте вере их

(Евр. 13:7)

Недавно мы воспоминали здесь смерть Христову, источившую всем жизнь и нетление: а ангел смерти в ту самую минуту²⁷ восхитил от нас нашего ангела, дабы переселить его из мира дольного в мир иной. Недавно, поклоняясь славному воскресению Жизнодавца, мы воспевали дарование жизни всем сущим во гробех, и торжественно восклицали с Церковью: где ти смерти жало (Кор. 15:55): а наш отец и пастырь, уязвленный жалом смерти, лежал во гробе бездыханный и уже тридневный²⁸. Какое неожиданное извращение надежд и ожиданий! Мы думали, что наш святитель возвестит нам радость воскресения Христова и преподаст мир Воскресшего, хотя издалече, но сый еще на земле, а он препосылает нам благодать и мир уже с неба от Сущего, и Иже бе, и Грядущего (Апок. 1:4). Мы надеялись, что наш отец, оставив сонм иерархов-первосвятителей, поспешит возвратиться в свой град к оставленным чадам, а он ускорил отшествием к Отцу духов и всякой плоти, переселился в Иерусалим небесный и присоединился к лику святителей, блаженствующих пред лицом Божиим.

Итак, сетующая паства Подольская, не стало у тебя Кирилла, – сего доблестнейшего архипастыря, упасавшего тебя жезлом кротости на воде покойне. Ты не узришь более светлых очей кроткого лица его; не услышишь из сладкоглаголивых уст его святых истин откровения; не обლობызаешь преподобной десницы, которую он возносил к престолу благодати, дабы низводить на тебя благословение Божие. Не напрасно же ты, подобно дочери Сионовой в годину пленения, была вся в слезах и сетовании, когда он, в последний раз, глаголил к тебе слово, это предсмертное завещание²⁹. Твои мрачные предчувствия сбылись, и тебе ничего не остается в утешение, как творить о нем память с похвалами и среди благословений, – творить память и следовать тем внушениям, которые он завещал тебе, как неоцененное наследие. Сего требует от тебя

и долг признательности к блаженно-почившему, и заповедь Апостольская: Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, иже взирающе на скончание жителства, подражайте вере их.

И одной ли вере мы должны подражать, братия, в достоублажаемом архипастыре? Одной ли вере, которая сияла в нем, как чистый свет, могущий не только просветить, но и утвердить и умудрить на пути к царствию Божию? Одной ли вере, которая, будучи в нем тверда, как камень, содействовала его столпом Церкви и оплотом православия? Одной ли вере, живой и деятельной, которая поддерживала и укрепляла его среди всех болезней, сколько мучительных, столько же и непрерывных³⁰. О, если кто, то сей подвижник веры, мог повторять слова св. Павла, прилагая их к себе в известном отношении: аз язвы Господа Иисуса на теле моем ношу (Гал. 6:10), и между тем присно радуюся во страдании моем (2Кор. 6:10), ибо некому аз живу, но живет во мне Христос; а еже ныне живу, верую живу в Сына Божия (Гал. 2:20). Припомните, братия, его девятилетнее святительство среди нас, и вы согласитесь, что вера, сопровождаемая иными добродетелями Евангельскими, по преимуществу содействовала его тем образом для верных, который начертывал, и которого требовал св. Павел от Тимофея, пиша к нему: образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою (1Тим. 4:12).

Образ словом. Нужно ли говорить о сем? Кому неизвестно, что высокое дарование слова, растворенного солью благодати (Кол. 4:6), и проистекающего из внутреннего помазания, есть такая черта образа почившего иерарха, которая возводит его на степень добрословеснейших витий Церкви отечественной? Кому неизвестно, что почивший о Господе, вскормленный от пелен матерних словесы веры и добрым учением (1Тим. 4:6), до того не нерадел о своем даровании, жившем (1 Тим. 4:14) в нем, что несмотря на свою болезненность, не совершал, почти ни одной службы Божией, без произнесения слова. Его природное слово, присно пропитываемое Словом Божиим и умащаемое помазанием от Святого (1Иоан. 2:20), до того развилось и усовершилось в нем от непрерывного прилежания слову и учению (1Тим. 5:17), что нередко достаточно было для него нескольких минут, между правилом и литургией, чтобы приготовить и сказать слово самое полное и назидательное. И не одна страна Подолии повсеместно была орошаема и напояема от него животворными струями слова и учения Евангельского: область Вятская, в меньший период святительства там сего человека Божия, но не в меньшем обилии, питалась от уст его глаголами живота вечного. Да и для всех сынов веры не составляют ли его слова и поучения обильный и чистый

источник назидания духовного? Вся жизнь покойного посвящена была слову и учению. Посему-то, будучи для верных образ словом, вместе с тем он был образ и житием.

И было чему поучиться в мирной и безмятежной жизни приснопамятного пастыря. Кто не помнит, с какой неутомимостью заботился он о благе паствы своей и о спасении пасомых? С каким терпением и мудростью воспитывал и утверждал он чистую и св. веру среди православных, не нарушая мира и единения и с неправославными? С какой ревностью побуждал он к сооружению св. храмов и к боголепному украшению их во славу Божию? С каким сочувствием и любовью облегчал он тяжкую долю вдов и сирот? Но я не говорю о сем, потому что все подобные черты жизни святителя более или менее общи ему почти со всеми иерархами нашей Церкви. Между тем, в светлой жизни его отражалось много особенностей. Кто, например, не помянет, с кикой готовностью и беспристрастием помогал он бедным и страждущим, и не только ближним, по выражению Апостола, но и дальним (Еф. 2:17), не только своим по духу веры Христовой, но и чуждым, – тем, иже не суть от двора (Иоан. 10:16), Христова³¹? С какой опытностью руководил он в воспитании духовного юношества и в приготовлении его на дело служения Господеви? С какой приветливостью и дружелюбием принимал он всех и каждого без различия званий и отличий внешних? Но если что особенно поучительно для нас в отшедшем пастыре, не только как в святителе, но и в христианине: то по преимуществу его безыскусственная простота и трезвенность в образе жизни, его беспримерная кротость и незлобие и наконец его молитвенное настроение духа, и непрерывное углубление в св. тайну искупления. Евангелие, – эта книга неизреченной любви и милосердия Божия к роду человеческому, – всегда было, не в уме только и сердце его, но и в устах, и в руках. Как любил он прочитывать от начала до конца это слово жизни и спасения, сопровождая чтение благоговейным размышлением и молитвенным вздыханием! И не виды земные, свойственные сынам века сего, побуждали его к такой богоугодной деятельности, не дух любочестия и суетной славы двигала его сердце к столь подвижническому житию, но любовь к Богу и ближнему, любовь чистая, как злато, искушенное седмерицей.

С каким самоотвержением предавал он всего себя в волю Божию при всех обстоятельствах жизни³²! С какой любовью лобызал он десницу Господню и благословлял имя Отца небесного не только в здравии и благоденствии, но и среди недугов и озлоблении! Сами стенания его в крайнем изнеможении плоти были не что иное, как молитвенные

возношения сердца его, проникнутого всецелой любовью к сладчайшему Иисусу. Как олень на источники водные во дни зноя, так бессмертный дух его всегда желал и устремлялся во дворы Господин, к Богу крепкому и живому. Внимательному оку нельзя было не видеть, с каким услаждением и радостью приготавлился он к совершению бескровного священнодействия, какой внутренний, благодатный мир осенял чело его, исполненное святых мыслей и чувств. А в минуту приобщения пречистых таин, когда он истее соединился с возлюбленным Господом – в эту минуту – и невнимательное око могло усматривать на лице его, подобно как на лице Моисея, некое отражение внутренней полноты благодатной, некий как бы отблеск того огня любви божественной, которым горело в нем сердце его.

Удивительно ли после того, что убажжаемый святитель, являя в себе образ словом, житием, любовью, был в тоже время образ, для нас и духом, и чистотой. Лютый недуг, как некий ангел сатанин, с ранних лет не престававал озлоблять его до самой кончины. Но по мере того как страдала и изнемогла уязвляемая сим недугом скудная плоть его, бессмертный дух его как бы выгорал и очищался, более и более отрешаясь от суетной привязанности к чувственным наслаждениям и прилепляясь Господеви. И не от того ли, блаженная душа его так ясно зрела и возвещала нам Бога и тайны царствия Божия, что, живя по плоти, не по плоти ходила и мудрствовала, – не от того ли, что плоть и сердце его благоукрашены были одной из высочайших добродетелей Евангельских – чистотой? Согласен, братия, что сердце человека глубоко, и кто познает его (*Иер. 17:9*); согласен, что советы души нашей суть тайна, запечатленная для нас самих и доведомая одну лишь Всеведущему: за всем тем, нельзя же было не применить, какой чистотой исполнены были все дела и намерения почившего в Бозе иерарха, каким незлобием и девственностью отзывались все его беседы и разглагольствия, каким бесстрашием сеяли все его мысли и чувствования. А посему отнюдь не оскорбим св. истины, если с уверенностью скажем, что присноблаженный архипастырь стяжал, по благодати Божией, сердце чисто и совесть непорочну предо Богом же и человеки.

Такова была жизнь, или лучше, некоторые черты жизни последнего из Ангелов Церкви Подольской! Она кратка, но светла и поучительна. Светла, как стезя, образуемая в небе падением звезды; поучительна, как живая книга, исписанная примерами благочестия и завещанная нам в наше спасение. Действительно, мы для того и припоминаем о ней, чтобы подражать святой вере, кротости, терпению, незлобию, любви,

бесстрастию и чистоте незабвенного святителя. При отшествии своем от нас, он обещал, подобно Апостолу Петру, памятовать о нас присно и по исходе своем (2Петр. 1:15), и – верно – исполнить обещанное, если мы будем достойны сего памятования, идя по следам его. Так любивший нас в мире сем, конечно, не престанет любить и в мире горнем, если сами мы возлюбим елика суть истина и честна, елика праведна и доброхвальна (Филип. 4:8). Для любви, как и для духа, нет ни смерти, ни разъединения. Бессмертный дух усопшего, тем с большим дерзновением теперь будет ходатайствовать о наших грехах и о людских невежествах, чем ближе к престолу благодати. И как это утешительно для сердца, пораженного горестью, но исполненного веры в бессмертие и заслуги Искупителя! Символом утешением мне и надлежало бы заключить наше печальное слово. Но увывы! Я заключаю его тем, что должно усугубить нашу скорбь и сетование, заключаю извещением, что и другой архипастырь наш, преосвященнейший Евгений, скончался³³.

Да, братия, в этот святитель Божий по долговременной болезни, оставил скорбную юдоль мира сего и переселился с миром в обители наднебесья. Лишение неожиданное и ужасное! И что это значит? Испытание ли только веры нашей, или гневное напоминание нам об умножении наших грехов, или же и само проявление гнева Божия открывающегося с небесе на наши неправды (Рим. 1:18)? Да, св. судьбы неисследимы. Но во всяком случае бояться должно, не есть ли это и над нами исполнение той страшной угрозы, коей претил некогда Бог через Пророка народу Иудейскому; се владыка Господь сил отымет от Иерусалима и от Иудеи крепкого, и судию, и пророка, а смотреливаго и старца (Ис. 3:1,2). В тринадцать дней у одной паствы отъемятся два архипастыря. Очевидно, что такое быстрое и неожиданное отъятие не может быть знамением благоволения Божия к пасомым: за поражением пастырей следует распужение и расточение овец стада.

Что же сотворим, братия? Поспешим, поспешим воспрянуть от той убийственной греховной дремоты, от коей св. Промысл хочет возбудить нас случившимися событиями. Приникнем к себе самим, всмотримся со светильником совести и слова Божия в тайную клетвь сердца нашего и подумаем, не наши ли грехи особенно взошли на небо, и не они ли движут правду Божию к развитию над этой страной бичей гнева небесного?

Древний Израиль при подобных случаях раздирал ризы свои, и повергаясь в прах перед лицом Бога вышнего, взывал к нему: согрешихом Господи, и беззаконновахом, отступивши от Тебе: но не предаждь нас до конца и не остави милости Твоя от нас, Авраама ради возлюбленного

Тобою (Дан. 3:29,34,36).

И нам, возлюбленная братия, ничего более не предлежит, как смириться под крепкую руку Божию (1Петр. 5:6) и вознести из глубины сердца сокрушенного подобное же моление: Мы согрешили пред Тобой, Премилосердный Господи! Помилуй нас и пощади Твое создание. Мы согрешили и недостойны Твоей милости, но помилуй нас за молитвы отшедших к Тебе отцов наших. Упокой и ублажи их во светлостях святых Твоих; а на оставленный ими виноград призри с небесе, Боже сил, посети (Псал. 79:15.) его милостью Твоей, и изведи скорее на эту духовную ниву делателей мудрых, мирных, здравых, долгоденствующих. Аминь.

Слово при погребении двух утонувших воспитанников Ярославской семинарии³⁴ сказанное 10 июля 1845 г.

И придет на тя зло, и придет на тя внезапно пагуба, и не увеси (Исх. 47:11)

Не к вам ли, возлюбленные о Господе чада, относится это нерадостное слово Пророка? Предсказанное в нем зло, не есть ли то самое, которое поразило вас, и которое сама премудрость Божия не уничтожила в роде человеческом, и не отменила, а только изменила? Не есть ли это та внезапная пагуба, которая постигла вас, и которой бранный человек нигде предвидеть не может, хотя и встречает ее на каждом шагу? Но вы молчите. Сразившее вас зло сковало ваш язык и ваше слово, безмолвием могильным. Нашедшая на вас пагуба крепко замкнула и запечатала ваши уста, до последней трубы Архангела. За то, наши гробы, эти мрачные жилища праха и тления, эти неизбежные ложа, на которые вы возлегли уже, а мы еще возляжем, – гробы ваши самим безмолвием как бы говорят за вас, вещая к нам языком научения.

Приблизимся, братья, к сим жилищам мрака и ужаса и вслушаемся в эти вещания, в эти уроки, которые слышатся через них, как бы из той страны, в которую все идут, и из которой нет возврата. Они должны быть очень близки к каждому из нас.

Усопшие восхищены из среды живых в то время, когда поприще жизни их только что начиналось. Крепкая юность их, кипевшая жизнью и надеждами долгоденствия, вдруг посечена невидимой рукой, как цвет полевой, как былье травное. Между тем, вот дряхлая, отжившая старость еще влачит дни жизни своей, служа бременем себе и другим, и ища, яко сокровища, смерти, и не улучая оной (Иов. 3:21,22). Что это значит? Как понимать эти явления? Но погодите. Подобные явления не единственные в мире. Загляните сюда, под эти кровы роскоши и неги, и посмотрите, как нередко упивающиеся потоком чувственных наслаждений умирают на мирном ложе, даже напутствуемые Церковью и укрепляемые утешениями веры и благодати, а не вкусившие сладостей житейских оканчивают живот свой, как и сии юноши, то в волнах и в пламени, то под молниеносными ударами громов небесных, то от ядовитого лезвия злобы и коварства. А это, что за случаи, о коих так много и часто говорят и слово Божие и опыт, – что за случаи среди нас, что путь законопреступных спеется (Псал. 36:8)

и длится, что нивы ядущих пиющих и веселящихся угобжаются и от росы неба, и от тука земли, и что щедроты небесные изливаются на людей, с сердцем невнемлющим стонам убожества и нищеты, между тем, как истинные рабы Божии, очень нередко едят хлеб, орошаемый потом и слезами, живут среди непрерывных лишений и озлоблений, и мало того, что злостраждут целую жизнь, скитаясь и воздыхая, но иногда и умирают, яко злодеи (2Тим. 2:9.)? Что же это значит? Где искать разрешения на подобные недоумения? Здесь ли на земле, и в этом ли мире стихийном, где стихийное мудрование не представляет лучшего решения, как то, что мы и рождаемся самослучайно и живем по произволу какой-то судьбы, никем не управляемой, но всем управляющей, и умираем, подобно скотам, по безотчетному и слепому стечению обстоятельств (Прем. 2:2,3; Еккл. 3:19)?

Нет, братия, нет, слышится от гробов сих. Не в этом мире откровение таин мироправления; не здесь, где все видится гадательно и как бы сквозь тусклое стекло (1Кор. 13:12), – не здесь разъяснение кажущихся противоречий, а там, в мире ином, пред лицом Бога духов и всякой плоти, коему мы предстоим. Там, тот перст всемогущий, коим не только движутся все миры, но и направляются все события в них к одному премудрому и благому концу. Там, то вечнонеизменное и непостижимое сочетание милости и истины, долготерпения и правосудия, святости и премудрости, коими определяются наше рождение, наша жизнь и наша смерть. Благоговейте, возлюбленные, перед этой непостижимостью святых судеб Божиих, и прежде времени не судите о том, что выше суда человеческого. И для вас придет свое время, свой день, когда Господь приведет и явит во свете тайная тьмы (1Кор. 4:5). А теперь, доколе для вас продолжается день дела и делания на земле живых, работайте Господеви со страхом и радостью, ходите пред Ним непорочно, как пред Владыкой мира и жизни человеческой, не только благим, но и правосудным. Наипаче же смиряйтесь под крепкую руку Его, да знаменается на вас, и в жизни, и в смерти, свет лица Божия не столько в суде и правде, сколько в долготерпении и благости.

Это урок первый, но вот и второй!

Все, что существует на земле, сотворено во славу Божию и на службу человека. И водная стихия, между прочим, сотворена для того, чтобы служить нам к поддержанию жизни, к утолению жажды, к освежению и укреплению сил. Но вот, в том самом, что должно бы служить средством к продолжению жизни, несчастные братья наши встретили для себя сколько нечаемую, столько же и лютую смерть. Быстрина ручная так благотворно служившая доселе им росоносной баней во дни томительного зноя, на сей

раз поглотила их живыми, и таким образом сделалась для них как бы шеолом – могилой. Увы! Что значит это столь скорбное и болезненное явление? Не то ли, братья, что и всем нам более или менее угрожает множество опасностей во всякую минуту? Не то ли, что и каждого из нас окружают, так сказать, разные виды смерти на каждом шагу? Всмотритесь пристальнее в жизнь свою, и вы увидите, что мы действительно, как бы висим над бездной ничтожества, в которую можем пасть каждое мгновение, и если не падаем, то потому, что невидимая десница Божия держит нас своим благоволением.

Я не говорю о тех изнурительных трудах и занятиях, кои преждевременно приближают нас ко гробу, и пресекают дни жизни нашей внезапно; не говорю о тех страстных наслаждениях, среди которых изможденная нить жизни нередко прерывается вдруг; не говорю о грубой невоздержности в пище и нити, об объедении и пьянстве, среди которых многих поражает смерть бесславная и неожиданная; не говорю о подобных случаях потому что они, частью выходят из круга обыкновенных, а частью могут еще быть предотвращаемы осторожностью и благоразумием. Но сколько есть случаев нечаянной смерти, так сказать, обыденных и неотвратимых никакой мудростью людской? Обычный хлеб, коим утоляем голод, простое питание, коим освежаем члены тела, этот воздух, коим дышим, этот огонь, коим согреваемся, эта земля, по коей ходим, это небо, под коим живем, сами дома, в коих укрываемся от вредного влияния перемен воздушных, сами ложа, на коих возлегаем для отдыха и восстановления сил изнемогшей плоти, словом: все, что окружает нас, не может ли причинить нам смерти таким или другим образом, но смерти неотразимой и внезапной.

Да, друзья и братья, – слышится как бы подтверждение от гробов сих, – мрежа всегубительства, уловившая нас во глубине водной, действительно не для одних нас и не там только была простерта. Она есть всегда и везде и для всех вас. И если из многих, но неведомым судьбам Божиим, взяты мы двое, прочие же оставлены; если праведное непощадение открылось только над нами, над вами же благодать Божия и долготерпение, то умеете восчувствовать эту благодать вы, оставшиеся на земле живых, – умеете восчувствовать всей крепостью существа вашего, чтобы вам удержаться в этой благодати (Рим. 11:22) и быть достойными ее. О если бы вы могли ведать и чувствовать те болезни смертные и беды адовы, кои мы испытали и вытерпели при насильственном расторжении наших душ с телами? Каким неоцененным даром Божиим показалась бы вам теперь ваша жизнь? Благодарите же Отца Небесного и словом, и делом за Его к

вам благоутробие; благодарите Его вечер, утро и полудне за то, что дверь милосердия Его к вам еще не заключена, и что, живя на земле, вы можете верой водворить в себе Христа и царствие Божие. Пользуйтесь, и благами земными по намерению Божию, но пользуйтесь, не как дети неосмысленные, кидаясь на все с увлечением, но как сыны света и благодати, шествуя всюду златой серединой и осторожно, не преступая ни в чем меры и не вдаваясь в излишества. Братья! Господня земля и все, что на ней, исполнено присутствия Вседержителя, исполнено Его силы всезидущей и всеохраняющей. Однако же не думайте, чтобы всюду сущий Господь и Зиждитель мира, всюду творил чудеса для спасения невоздержных и дерзких. И всезидущая сила Божия никого не спасает от намеренных безрассудств, если только мы явно небрежем о своем спасении, и с сознанием бросаемся в зияющую перед нами бездну гибели.

Таков урок второй! Имей уши слышати да слышит.

Но примечаете ли, братия, что еще что-то слышится от гробов сих. Мы, – как бы так вещают усопшие, – мы исполнены будучи жизни, процветая здравием и юностью, обладая крепкими силами и бодростью, и уже оканчивая указанное нам Промыслом поприще образования, лишь только думали наслаждаться плодами многолетних трудов, а жало смерти, скрывавшееся среди предметов жизненных и житейских, неисцельно уязвило само сердце наше. Мы думали, что Ангел благостыни небесной хранит нас для будущего служения в Церкви Христовой, а нас стерег уже, стоявший за нами, лютей ангел пагубы, и поразил нас прежде, чем мы могли подумать о поражении. Среди обычных занятий и забот о предстоявших испытаниях земных и о суде человеческом, нам, и за минуту до смерти, не приходили на мысль ни смерть, ни суд Божий. И вот эта смерть нас сразила; вот этому суду, – суду не всеобщему, но тем не менее страшному и святому уже предстоим. Что будет с нами? Увы! Нас объемлет невыразимый трепет, и мы в смертельной тоске, как бы влаемя между страхом осуждения и надеждой помилования. О, братия, не откажите в сердечном вздохе и молитве к Спасителю и Судии, да растворит милостью Свой суд над нами, и да покроет от взоров грозного правосудия Божия грехи юности нашей виссоном оправдания заслуг Своих. Но молясь о нас, молитесь и о себе, да не внидите в напасть. Среди всех ваших занятий жизни, среди самых наслаждений и радостей, памятуйте всегда о смерти и суде; ведите себя каждый день так, как будто бы он был последний, и лютая внезапная пагуба не постигнет вас во веки.

Вот, братия, урок третий и последний, – урок, сколь ни часто

повторяемый перед нами, но едва ли не чаще забываемый всеми и каждым из нас. Кто не знает, что все мы, как овцы заклания ежечасно упасаемся смертью, и между тем не думаем о часе смертном? Кто не знает, что мир сей есть ратное поле, на котором каждый день все мы с утра до утра сражаемся со смертью, – с этим врагом лютым и неодолимым? Вчера мы возвратились с поля битвы невредимы, а сколько жертв из среды человечества там пало и потреблено от земли живых? Сегодня мы опять уже вступили в бой; опять сражаемся с ангелом-всегубителем; опять обороняемся от его тлетворных уязвлений, и кто знает, возвратимся ли опять целы, и пощадит ли нас всеуязвляющая стрела его и ныне, как вчера?

О как все это обязывает нас, братия, к той непрерывной бдительности над собой, и к той осторожности, с коей мы должны ходить по временной стезе жизни, не яко же не мудри, по яко же премудри, искупующе время, яко дние лукави суть (Еф. 5:15)! Сделавшись грешными, мы сделали и смертными, а смертным всего приличнее и нужнее памятовать о смерти, и стараться каждый час, каждую минуту употреблять в пользу своего спасения, тем паче, что время прекращено есть прочее (1Кор. 7:29), и многим, многим из нас уже не жить столько, сколько прожили. А между тем, когда смерть сразит нас, одни дела наши пойдут в след за нами; они одни предстанут с нашей совестью и на суд загробный, и благо нам, если эти дела будут радостны и светлы, как утро Божие! Тогда и сами мы возрадуемся и просветимся в царствии Отца Небесного, и радости нашей никто же возмет от нас (Мф. 13:43; Иоан. 16:22).

Напишем же, братья, эти уроки на скрижалях сердца нашего. Не Моисей и Пророки изрекли нам их, а сии мертвые, умершие внезапно, но не вне ограды Христовой, и следственно не в отчуждении от завета обетования (Еф. 2:12), и тем паче не без надежды на блаженное бессмертие. Суды Божии неисследимы. Но во всяком случае, предавая участь усопших неисследному милосердию Божию, присовокупим к молитвам Церкви и наши пламенные моления о них, да простит им Господь всякое согрешение и да вчинит души их в вечные обители света и блаженства.

Господи! Веруем, что бездна милосердия Твоего необъятнее бездны грехов всего мира. Итак, ради Твоих же безмерных щедрот, ради Твоей же бесценной крови, которую Ты пролил на кресте за грехи всех верующих в Тебя, помилуй отроков сих и упокой души их во свете лица Твоего. Аминь.

Речь при открытии в Херсоне Окружного Суда 13-го апреля 1869 г.

Избранные представители правосудия!

Державная воля мудрого преобразователя России коснулась и нашего края. Перед нами новые судебные уставы в полном их объеме. И вот в лице вашем, они готовы уже вступить в чреду узаконений живых и действующих, чтобы и здесь пересоздать тот порядок, который существовал доселе в области судов гражданских.

Благ и милостив Господь, подвигнувший сердце Царево к делу, столь великому и достославному! Изменения и пересоздания судебных кодексов, будут ли они относиться к области воинской, или гражданской, одинаково важны и неоценимы по своим благотворным целям. Упростить и чуть не отменить все формальности, составлявшие как бы, душу судов прежних, ускорить само судопроизводство, сделать его открытым и слышимым, основать решение участи подсудимого на приговоре христианской совести, словом, все бывшее производство дел, – секретное, усложненное, томительное и медленное, – заменить судом для всех доступным и скорым, судом правым и милостивым, – не благо ли, не высочайшее ли благо для жизни общественной, которая без суда беспристрастного, и правды, растворенной милостью, и на один день не мыслима?

Кто же, после сего, не будет благодарить Вседержителя за то, что Он не только дал нам Царя мудрого, Царя благосердного и народолюбивого, Царя по сердцу Своему и нашему, но и внушил Ему, в ознаменование вступления народа русского в новую историческую эпоху, указать новые формы государственной администрации, и дать самой жизни русской новый и лучший тип сообразно с новым тысячелетием? Да! Приподнять нравственно и пересоздать несметную громаду народа многомиллионного, чтобы путем возвышения нравственности, и водворения лучшего порядка во внутренней жизни народа, вернее вести его к благоденствию, – какая мысль высокая и святая! Но от кого она? Не от того же ли – Отца светов, Царя царей и царств земных? Итак, не благодарения только, но и молитвы, и прошения достойно и праведно возносим мы к всевышнему Зиждителю судеб наших, да умножит Он милость Свою к Царю Богоправимому, и да продлит дни жизни Его в роды и роды, для благоденствия и славы России.

Но в русском православном сердце, с чувством благодарения и молитв к Богу о Царе, нераздельно – чувство благодарения, любви и преданности к

самому Царю. Когда припоминаешь те нарочитые деяния, которые у нас, по Августейшей воле Монарха, частью уже совершились, а частью совершаются; когда представляешь, как эта Августейшая воля владычественно изрекает к России, сначала, слово свободы, а потом, и слово преобразования, и вслед за тем, небоязненно приступает к осуществлению того и другого: то невольно ощущаешь в духе своем не любовь только и преданность беспредельную к главе Боговенчанной, но и благоговейную притрепетность в такой степени, что как бы видишь, как Дух Божий, носившийся над этой Главой в минуту помазания, не престаёт носиться над Ней от того дне и потом (Цар. 16:13). И, о если бы милосердый Господь внял мольбам нашим, и помог нам выразить наше одушевление и любовь, нашу преданность и готовность содействовать мудрым предначертаниям Царя – Отца, не словом только, но и делом!

Теперь наше слово к вам, доблестные мужи, виновники настоящего торжества! Не только с радостью, и в духе мира и любви, но и с благожеланиями, и с призыванием небесных благословений сдвигаем мы вас, как благих вестников благодати царицы. Благословен ваш вход к нам, благословенно ваше пребывание в среде нашей, благословенно ваше благое дело и делание, благословенна и вся жизнь ваша во славу Божию, во исполнение велений царицы и во благо ближнего!

Но радуясь надеждой благодеяний, имеющих разлиться в среде нас, от ваших благонамеренных, разумных и ревностных трудов и занятий, вместе с тем, мы и смиряемся духом, представляя, с одной стороны, всю высоту цели вашего служения, а с другой, – ту нравственную тяготу, которую вы имеете поднять на пользу вашу, по воле царицы. Не ввести только новое и великое дело в жизнь народную предлежит вам, но и поставить его перед лицом народа так, чтобы благотворные его следствия, как можно ощутительнее и скорее, отразились на среде общественной, и возбудили бы в ней оживленные начатки того нравственного перерождения, которое составляет цель реформ судебных. Говорим это не к тому, чтобы навести, как бы, тень недоверия к крепости сил ваших. Нет! Мы уверены, мы убеждены, что вы сильны и вполне уготованы на дело Божие и святое. Сильны вы и царским доверием к вам, и уразумением царской воли, и знанием дела, научным и опытным, и сочувствием к общему благу, и готовностью понести на себе немощи немощных (Рим. 15:1). Но мы опасаемся, чтобы эти немощи наши не отягчили безмерно вашего благого, но не легкого бремени, и не стали бы преградой к достижению желаемых результатов, по крайней мере, на первых порах, доколе дело не уяснится, не окрепнет и не вступит в более прочную колею.

И вот почему, к прежним благожеланиям мы присоединяем и теплые молитвы к Богу крепкому и живому, да препояшет Он вас силой свыше, – да препояшет той силой, которая не только предохраняет земнородных от претъканий и ошибок, неизбежных для природы падшей, но и просвещает и наставляет всех, по мере веры и молитв. Эта вседейственная сила заслуг Христовых, эта благодать Божия да ободрит, да укрепит, да вразумит и наставит вас на всякую истину и правду.

Господи! Приступая к великому и новому делу, мы призвали Твое имя. Пошли всем нам, а паче сим избранным деятелям, свет Твой и истину Твою, и сотвори, чтобы эти два благих ангела руководила нас, как Израиля в пустыне, и ввели бы в дух и силу жизни обновляемой, как в Ханаан благословенный.

Обзрение притчи о неправедном домоправителе

Лук. гл. 16, стр. 1–13.

Особенная трудность в уразумении притчи и причины этой трудности. – Исходная точка истолкования притчи и два мнения о ее личном предмете. – Основания первого мнения – Содержание и цель притчи сообразно с мнением. – Основания второго мнения. – Побуждение и цель притчи соответственно мнению. – Ни того, ни другого мнения принять нельзя. – Несообразности в изъяснении притчи при первом из сих мнений. – Несообразности при втором.

Притча о неправедном приставнике или домоправителе, содержащаяся в 10 главе Евангелия Луки, есть одна из самых трудных к уразумению. Эта трудность происходит от многих причин. Названная притча ничем, или почти ничем себя не высказывает. В ней не пояснено и не указано ни конечной цели, подобно тому, как в притче о молитве (Лук. 18:1–8), ни побуждения или повода, по коему она произнесена, как в притче о Мытаре и Фарисее (Лук. 18:9), ни настоящего значения иносказательных выражений, как, например, в притче о сеятеле (Мф. 13:3–8, 18–23) и плевелах сельных (Мф. 13:24–30, 37–43.). Между тем, и в иносказании, и в выводе из него, не мало есть слов и выражений, которые, по крайней мере, с первого раза представляются неудобоприложимыми к нравственности, или же, неопределенными и малопонятными³⁵. К этому должно присовокупить, что нравственный урок притчи выводится из примера, а пример взят от человека, который, не отличаясь строгой нравственностью, хотя и выказывает особенную оборотливость и сметливость ума, но сметливость житейскую, и в деле нечестном. Наконец, правильному пониманию притчи не мало препятствует и то, что обстоятельства времени и лиц, т. е. когда и к кому она была сказана, в Евангелии не обозначено с такой определенностью, чтобы, держась одного известного мнения, нельзя было мыслить о другом. Но и это не все. Притче дан такой исход, такое окончание, что многие из толковников справедливо недоумевают, где настоящий предел притчи, и что именно составляет ее нравственный вывод и приложение, а судя потому, как притча укорачивается, или удлиняется, необходимо изменяются и сами точки воззрения, коими обуславливается ее значение.

Такие трудности к уразумению притчи были причиной, что на нее сделано весьма много, на равных языках, разных толкований. Не имея особенных причин вдаваться в подробные перечисления всех их, мы ограничимся указанием на то лишь, что толковники, как ни далеко

расходятся между собой в частных объяснениях слов и выражений притчи, соответственно главной мысли, которую каждый из них в ней предполагает, но относительно личного предмета притчи, служащего для всех ерминевтов исходной точкой к ее уразумению, все они делятся только на два разряда, из коих к первому принадлежат те, кои утверждают, что рассматриваемая притча предложена была фарисеям, книжникам и мытарям, а к другому те, кои думают, что эта притча сказана была к ученикам Христовым в собственном смысле, т. е. к Апостолам.

Основания сих мнений не одинаковы. Но что касается до первого, то хотя и здесь, одни из комментаторов полагают более одно, другие—другое, но все они сходятся в следующем. Притчи, предшествующие рассматриваемой и находящиеся в 15 гл. (того же Евангелиста) о заблудшей овце, о потерянной драхме и о блудном сыне, по ясному указанию Евангелиста (15:1,2,3), сказаны были к фарисеям и мытарям, а притча о домостроителе следует за ними непосредственно. Кроме того, по окончании последней, Евангелистом снова упомянуто, что все это слышали и фарисеи (16:14)³⁶. Таким образом, те же фарисеи и мытари, к коим обращены были три первых притчи, являются прямыми и ближайшими слушателями и четвертой (о домостроителе), которая, не говоря уже о том, что всей силой своего содержания к ним только и могла относиться, имеет даже некоторое сходство с одной из предшествовавших ей притчей, именно – с притчей о блудном сыне³⁷.

Определив таким образом, личный предмет притчи, толковники этой категории определяют, применительно к нему, и содержание ее и цель. Последнюю большинство их объясняет так: Иисус Христос, имея перед глазами фарисеев и мытарей, и зная, что они обогащались средствами, большей частью, неправедными, хотел этой притчей показать, каким образом богатством земным и тленным, и притом нажитым средствами противозаконными, можно умиловить Бога и удостоиться в небе богатства гораздо высшего, нетленного и вечного³⁸. При таком взгляде на цель притчи, само собой следует, что сущность нравственного ее приложения будет ограничиваться одним 9 стихом³⁹. Что же касается до стихов, следующих за ним (10–13): то здесь является разногласие толковников сей категории и разделение их снова на две партии. По мнению одних, эти стихи не содержат в себе новой и отдельной мысли, а служат только пояснением и пополнением⁴⁰ того, что сказано в стихе предыдущем (9); другие же думают, что в названных стихах содержатся мысли до того особые и разнородные, что они не имеют никакой связи не только с притчей, но и между собой, и что если можно предполагать

какое-либо соприкосновение их к притче, то разве одно лишь буквальное⁴¹.

Комментаторы второго разряда берут за основание своего мнения то, что после трех притчей, содержащихся в 15 гл. и относящихся к фарисеям и книжникам, перед самой притчей о домостроителе, определенно сказано: глаголаше же ко учеником своим (16:1), и вследствие сего утверждают, что эта притча, с таким особенным и ясным указанием на новый личный предмет, не могла иметь в виду прежних слушателей, и что этот новый субъект слушающий, названный учениками, конечно и состоял из учеников *sensu strictiori*, т. из Апостолов, коих Иисус Христос, по известным причинам особенно имел в виду, предлагая эту притчу.

Относительно побуждения, по коему она предложена была Апостолам, держащиеся сего мнения полагают, что поводом к сему послужила неверность Иуды Искаротского, коему поручено было хранение денег, принадлежащих их обществу учеников Христовых, и который оказался в этом деле приставником несправедливым⁴². Иисус Христос, говорят они, желая, с одной стороны, исправить неверного ученика, который, якобы, имел обыкновение из хранимых им денег, отделять известную часть и передавать ее своим приятелям, в видах обеспечить свою судьбу на случай, если бы не открылось чаемое всеми царство Израилево, а с другой, – скрыть и от толпы народа и от самих учеников обличаемую личность, обращается ко всем Апостолам, и, применяя к ним ее нравоучение, говорит как бы так: вы не подражайте домостроителю несправедливому и не поступайте так, как он поступал, заведывая земными благами, но употребляйте вверяемые вам блага честно и благонамеренно, чтобы мудрым и добросовестным употреблением сокровищ земных и тленных вам заслужить и удостоиться сокровищ небесных и вечных.

Таковы два противоположных воззрения на притчу, определяющих ее личный предмет или слушателей, ее побуждение, ее цель и само содержание. Что оба они не лишены основания в самой притче; что тому и другому принадлежит известная доля правды, это не подлежит сомнению. Но столько же не подлежит сомнению и то, что при всей небезосновности приведенных мнений, но которого из них принять нельзя в том виде, как он есть: потому, что ни при котором нельзя объяснить всей притчи без встречи с видимыми несообразностями. Возьмите то (мнение), возьмите другое; необходимость допускать натяжки и школьные софизмы одинаково неизбежна, с тем только различием, что, при одном из мнений, вы делаете этих натяжек более и в таких стихах, а при другом – менее и в

других.

И вот, относительно мнения первого, по которому слушатели притчи – мытари и фарисеи, а нравоучение – в 9 стихе, нельзя не заметить, что этому мнению очень не благоприятствуют стихи 11, 12⁴³. Сторонники сего мнения понимают их, применительно к своей исходной точке, и объясняют так: под неправедным именем – в стихе 11, разумеется вообще богатство земное и временное, будет ли оно приобретено законно или незаконно, а под именем истинным – богатство небесное и вечное, или же вечные блага; уготованные святым на небе в награду за их благочестие⁴⁴. А что эти же два вида богатств, в следующем стихе 12, называются чужим и нашим: то это в том смысле, что первое из них (богатство земное) Бог дает нам на краткое время и без нашего произвола, а второе (небесное или вечные награды), хотя и тот же Бог дает, но навсегда и не без участия с нашей стороны⁴⁵.

Чтобы яснее видеть неточность подобного толкования, начнем с того, что есть в означенных стихах бесспорно верного и неподлежащего ни малейшему сомнению. Что же в них не подлежит сомнению? То, что содержащаяся в них мысль выражена в форме вопросной и неполно, итак, если вопросную форму заменить положительной, а неполную мысль дополнить, соответственно ходу речи, через превращение усеченного силлогизма в эпихерему⁴⁶, нисколько, впрочем, не превращая и не изменяя самой мысли: то первый из объясняемых стихов примет вид такой: если вы не верны были в имении неправедном (ст. 11) (малом ничтожном ст. 10): то, конечно, никто не поверит вам имения истинного (ст. 11), (великого, многоценного ст. 10): потому что, будучи неверны в малом и неправедном, вы будете неверны и в великом и истинном⁴⁷.

При таком сопоставлении мыслей, виднее делается, что под богатством истинным и многоценным, в коем отказывается злоупотребителям богатства не истинного, разумеется нечто такое, что можно бы было дать им еще здесь на земле, и чего, однако, не дадут из опасения новых злоупотреблений с их стороны, – из опасения, что, привыкнув неправильно употреблять блага низшие и малоценные, они неправильно станут употреблять и высшие, и многоценные. А если так, то очевидно, что под именем истинным, вовсе нельзя разуметь тех благ, которые уготованы на небе в награду преподобным и святым, нельзя разуметь, во-первых, потому, что, относительно благ небесных, как наград в царстве славы, никакие опасения неуместны и немыслимы, а во-вторых, потому, что, как не заслужившим царствия не дадут их, так и заслужившие не злоупотребят ими, кроме того, допустив приведенное толкование,

надобно будет согласиться, что сопоставление имений неправедного и истинного (принимаемых в понятии сокровищ земных и небесных), само в себе хотя и правильно и верно, как это яснее видно из Евангелия Матвея (6:19,20): но название их (неправедным и истинным), а особенно оборот речи, употребленный в обоих (11, 12) стихах, мало того, что не верны, но и так далеки от мысли, которую они должны выражать, что можно подумать, что такой разлад выражения с пониманием допущен здесь как бы с намерением, затемнить и скрыть настоящую мысль.

Но трудности рассматриваемого толкования сим не оканчиваются. Богатство неправедное и истинное (ст. 11) называется (ст. 12) чужим и нашим якобы, в том смысле, что земные блага Бог дает нам на время и без нашего произвола, а небесные, навсегда и не без нашей воли. Кто не видит здесь явной натяжки и чисто схоластических изворотов, ведущих к нелепостям явным и чуть не смешным? Кто не видит, например, что по такому толкованию, пожалуй, и мы сами для себя не свои; по крайней мере, это бедное тело наше несколько не свое нам, а что-то чужое, потому что дано Богом, на время и без нашего произвола? Не свои нам, после сего, и те искушения, и скорби, которые посылает Бог в большее укрепление нас в вере и надежде; не свои нам и сама вера и надежда, поскольку порождаются в нас действием благодати, только на время, т. е. доколе живем во плоти и ходим верой, а не видением (2Кор. 5:7). А что значит верность и неверность в распоряжении собственным имуществом? Странность подобного изъяснения означенных терминов до того ощутительна, что некоторые из новейших западных ерминевтов не признают из-за него никакого смысла и во всем двенадцатом стихе⁴⁸.

Утверждающие, что притча сказана была к Апостолам и что нравственное приложение притчи главным образом заключается в стихах 10–13, также не изъяты от трудностей, и при том немалых. Камнем преткновения для таковых служит стих 9. Не находя никакой благоприятствующей для себя мысли в прямом и буквальном понимании его, они дают ему смысл иносказательный и объясняют так: «говоря: сотворите себе други от мамоны неправды, Иисус Христос выражается иронически, разумея под мамоней неправды богатство, неправедно нажитое, а под друзьями – людей дурных и порочных, не думающих о царствии Божиим, а заботящихся единственно о благах мира сего, подобно тем званым на вечерю, которые отказались от нее за разными покупками, кто поля, кто волов (Лук. 14:18,19). Особенно же, добавляют эти толковники, – Спаситель Христос имел здесь в виду друзей Иуды, которым последний относил деньги, похищаемый из общественного ящика⁴⁹.

Но тон иронический и обороты речи, закрывавшие истинный ее смысл и отзывающиеся насмешливой шуткой не совсем приличны и обыкновенным учителям, когда они говорят языком научения, и о предметах серьезных, а тем паче, они не идут, в минуту проповеди о царствии Божиим, Учителю небесному, у Коего, по свидетельству Пророков и Апостолов, в продолжение и всей его жизни, никакого вида отступления от истины не обретется во устех Его (Исаии 53:9; 1Петр. 2:22). Да и сама притча ничего не говорит в защиту и подтверждение такого толкования. В ней нет, или почти нет, никаких следов, которые бы наводили на мысль, о присутствии здесь иронии. Ирония в нравоучении тем неуместнее, чем менее в ней нужды. Нельзя отвергать, что в прямом понимании сего стиха оказывается (при этом мнении) очевидная несообразность; но эта несообразность не от того, что в нем смысл переносный – иронический, а от того, что не отыскана настоящая точка воззрения на притчу, и что мнение об иронии в притче сложилось на основании погрешительного и одностороннего взгляда на личный предмет притчи. Измените этот взгляд, затруднение исчезнет само собой, ирония окажется не нужной, и все нравоучение явится в ином виде.

От чего происходит неправильный взгляд на личный предмет притчи, и в чем – эта неправильность? – Неосновательность мнения первого, исключаящего из числа слушателей Апостолов. – Контекст притчи. – Содержание 14 главы. – Учение о самоотвержении (в конце ее) есть настоящее предыдущее притчи – Характер сего учения. – Кого в нем разуметь под словом ученик? – Внутренняя связь, притчи о приставнике с учением о самоотвержении. – Апостолы, по силе контекста, неотменно принадлежали к числу первых и ближайших слушателей. – Неосновательность мнения второго, устранившего от слушания притчи мытарей и фарисеев. – Последние смеялись над притчей его, но тем не менее принадлежали к числу ее слушателей.

Уже замечено было, что личный предмет притчи, или слушатели, составляют исходный пункт ее понимания, для обеих сторон комментаторов. И действительно, этот пункт таков, что он только и может разлить возможный свет, как на самую притчу, так и на ее приложение. Между тем, здесь-то и преткание. Не сознавая настоящей нужды в самоличных расследованиях сего предмета, толковники той и другой категории почти все идут по следам одни других, и с хладнокровием говоря о слушателях притчи, самодовольно опираются на тех из своих клеветов, кои в их среде считаются передовыми. Таким образом, недосмотры и односторонности, допущенные корифеями партий, повторяются разными схоластами с незначительными оттенками. Это служит причиной, что и нынешние мнения той и другой стороны, составившиеся под влиянием подобных, неверных взглядов и выводов, не совсем логичны и верны. И действительно, мнение первой стороны, по коему, на основании гл. 15, ст. 1, 2, 3 и гл. 16, ст. 14 (Луки), считают за личный предмет притчи одних фарисеев и мытарей, а всех прочих, не исключая и самих Апостолов, устраниют от слушания, не верно и ошибочно: потому что, не имеет прочной основы в самой притче, и явно утрирует, далеко не обнимая всего содержания притчи. Но мнение противоположное, состоящее в том, что на основании гл. 16, ст. 1, за намеренных слушателей притчи признаются одни только Апостолы, фарисеи же и мытари, в свою череду, исключаются из массы слушающей, несколько не лучше и неправдоподобнее первого, как потому, что не представляет достаточных оснований и следственно, во многом произвольно, так и потому, что, благоприятствуя объяснению одной

половины притчи, представляет много несообразностей и неудобств к объяснению другой.

Почему, например, исключаются, по первому мнению, из числа ближайших слушателей притчи Апостолы? «Потому, говорят, что Апостолы не были богаты и, следовательно, не могли извлечь из притчи никакого для себя применения и назидания. – Как думать об этом доказательстве? Что оно не бесосновно, в этом нет сомнения; но так ли оно твердо и решительно, что Апостолы, по силе его, точно не могли быть слушателями притчи ни в каком отношении?

Правда, в ту минуту, когда притча была изрекаема, Апостолы, кроме Иуды Искаротского, не имели ничего в своем заведывании: но разве сила нравственного вывода притчи исключительно падала на то только время, когда притча была говорена? Разве Спаситель Христос не мог иметь в виду тех будущих моментов в жизни учеников Своих, когда не малые суммы за продаваемые дома и земли приносились и полагались пред ногами их, и когда употребление имений, принадлежавших обществу верующих, по преимуществу, зависело от их воли (Деян. гл. 4, ст. 34, 35, 37, 32)? Совершенная правда и то, что об Иуде Искаротском, подавшем повод, как справедливо утверждают, своей неверностью к произнесению притчи, ничего не говорится ни тут (в самой притче), ни в другом месте. Но на основании сего отрицательного факта, разве можно утверждать, что Господь Иисус Христос хотяя всем спастися и в разум истины приити не хотел спасти Апостола, облеченного благодатной силой творить знамения в природе видимой и невидимой (Матф. 10:1), и не делал никаких попыток, чтобы начавшего уклоняться от пути долга и чести, но еще продолжавшего наряду с другими Апостолами пребывать с Ним в напастях (Лук. 22:28), вразумить и обратить к тому высокому служению, к которому он был призван? Нельзя думать, чтобы кто-либо, оставаясь верным логике, стал утверждать это. А допустим, что Спаситель желал уврачевать ученика, одержимого известным недугом, и имел в виду приведенные нами случаи из будущей служебной жизни Апостолов, должно согласиться, что Апостолы, если и могли быть изъяты из числа нарочитых слушателей притчи, как ничего не имевшие в минуту ее изложения, то разве только по отношению к ее содержанию, для коего главным и основным понятием служило богатство, нажитое неправедно. Чего же касается той части нравоучения, которая относилась собственно к Иуде, то прочие Апостолы ни в каком случае не устранились от выслушания сего нравоучения: потому что это нравоучение имело целью не одно то, чтобы только обличить Иуду, как приставника неправедного, но и вразумить его

и исправить как ближайшего, еще ученика Христова. Это был урок вообще о нестяжании серебра и золота, – урок всегда благовременный и близкий к лику Апостолов. Любостяжание для каждого из них всегда было тоже, что обуяние и растление для соли, потерявшей свою естественную остроту и крепость. Имея это в виду, и прежде сего, Спаситель никогда не опускал случаев давать ученикам своим уроки о не любостяжании (Лук. 12:15,22–32). Но в настоящую минуту подобный урок был, мало что благовременен, но и необходим. Учением ко всем прикрывалось обличение и вразумление одного.

Как бы в подтверждение того довода, который мы сейчас видели, толковники первой категории ссылаются на контекст, и говорят, что притча о приставнике произнесена вслед за тремя притчами, обращенными к фарисеям, и что, по окончании оной, снова упомянуто о фарисеях, как слышавших сия вся, а из сего заключают, что она сказана была не для Апостолов, а для фарисеев и мытарей. – Но несостоятельность сего вывода очевидна. Ни которое из двух приведенных положений, не приводит к сделанному заключению.

Что притча 16 главы произнесена тотчас после трех таковых же главы предыдущей (15), это правда. Но не менее правда и то, что ее произнесению предшествовало очень ясное указание на новых и совсем других слушателей, чем те, кои были доселе. Защитники мнения сами видели это указание и сами понимали, кто были те новые слушатели, когда Евангелист называет их учениками Спасателя, и когда всем и каждому известно, что фарисеи ни в каком смысле к числу учеников Христовых принадлежать не могли. Но как, с одной стороны, мнение противоположное представляло им более трудностей и неудобств в объяснении притчи, чем то, которое они приняли; с другой, – слова Евангелиста: глаголаше же ко учеником своим не исключительно указывали на одних Апостолов, по крайней мере, буквально не устраняла фарисеев с мытарями: посему, довольствуясь тем, что их понятие о личном предмете притчи нисколько не в разладе с ее содержанием от начала до 9 стиха, предпочли удержаться при своем мнении, выражению же ко учеником своим, дали толкование такое⁵⁰: Слово ученики, в повествованиях Евангельских нередко означает вообще народ, ходивший за Иисусом, а не Апостолов. В этом знаменовании оно и здесь (?). Поскольку же теперь в среде народной особенно много было мытарей и фарисеев: то Евангелист, именуя учениками Спасителя все множество народа, конечно, первее разумел здесь фарисеев с мытарями⁵¹.

Второе положение, что о фарисеях упоминается в конце притчи, не

более устраняет Апостолов от слушания, как и первое. Положим, что фарисеи слышали и притчу, и нравоучение, что из сего следует? Следует ли, что притча предложена была для одних их, потому только, что они ее слышали? Не следует. Следует ли, что Спаситель Христос, говоря притчу во услышание Фарисеев не мог иметь в виду Апостолов? Тем паче не следует: ибо если эти выводы облечь в правильную форму силлогизмов, то откроется, что к трем терминам, содержащимся в их послылках, привносится в заключении четвертый с явным нарушением логических законов. Что же, собственно, следует из приведенного свидетельства о фарисеях? То только, что притча сказана была в присутствии фарисеев, и что сии последние не только ее слышали, но и могли относить ее содержание к себе, по намерению самого Господа.

Мы коснулись контекста притчи. Очень не лишне заметить здесь, что почти все ерминевты, занимавшиеся истолкованием притчи, не придают ему надлежащей важности. Большинство их даже не упоминают о нем; тем паче не прибегают к нему, как к одному из ерминевтических пособий; те же, которые прибегают, трактуют его слишком поверхностно, и потому находят в нем только то, что мы уже и видели т. е. что притча о домоприставнике сказана непосредственно после трех известных притчей, находящихся в главе, предшествующей (15:4–32(стр.298)), и с последней из них (с притчей о блудном сыне) имеет даже сходство. Но из хода повествования Евангельского видно, что означенные три притчи и сами сказаны были, как бы, случайно и составляют точно такую же эпизодическую вставку, какую представляет, например, притча в том же Евангелии, о человеке богатом, коему угобзися нива (Лук. 12:16–21). Что же касается до предполагаемого сходства⁵² между притчами: о блудном сыне и неверном приставнике; то оно слишком произвольно, натянуто и до приторности отзывается школой. После сего, само собой следует, что если уже надобно обращаться к контексту и отыскивать в нем настоящее предвидящее (antecedens) трактуемой притчи: то во всяком случае, обращаться должно не к 15 главе, коей прерывается прямой ход повествования, и не к трем, содержащимся в ней притчам, на которые почти все толковники смотрят, как на крайний предел притчи, как на Геркулесовы столбы, дальше которых нес plus ultra, а к главе четырнадцатой, имеющей внутреннюю логическую связь с нашей притчей.

В упомянутой (14) главе, от ее начала и далее, чем за половину (ст. 1–24), содержатся небольшие, отдельные наставления, которые Спаситель предлагает, то открыто, то прикровенно: но в остальной части главы, все эти краткие нравоучения сменяются одним, более продолжительным,

учением о самоотвержении и крестоношении, как об условиях последования за Христом. Это учение замечательно тем, что оно наложено здесь значительно в большем объеме, чем во всех прочих местах, как у того же Евангелиста (9:23,24.), так, и у других (Мф. 10:37–39; 18:24,25; Марк. 8:34–37); но оно еще замечательнее тем, что мысль Спасителя относительно предметов самоотвержения подлежательных и подлежательных, в конце учения, приметно видоизменяется против того, как она выражена в начале.

И что касается предметом самоотвержения подлежательных, или объективных, т. е. тех, коих должно отречься, то это видоизменение состоит в том, что Иисус Христос, в начале учения, перечисляя все, чего мы должны отречься, указывает на одну природу разумную и живую, – указывает на лице самого близкого родства с нами: на отца, мать, жену, детей, братьев и сестер, а в заключение всего, и на нашу душу, как на предмет всего и всех к нам ближайший. Но при конце того же учения (в последнем его выводе, ст. 33), разумную сферу предметов самоотвергаемых и состоящих из личностей родственных, Он обобщает и расширяет так, что, кроме кровного родства и собственной души нашей, входит в нее из природы внешней и бездушной все, что мы можем иметь, и что, составляя нашу собственность, может быть для нас предметом желаний, забот, усилий, стремлений и домогательств. Понятно, что здесь, переее всего, должно разуметь богатство земное, как по самому выражению (τὰ ὑλάρχοντα – имущество), так и потому, что оно считается благом мира коренным, и более или менее обусловливающим почти все другие.

Касательно субъектов, или лиц, от коих требуется крестоношение и самоотвержение, тоже самое должно сказать, только в отношении обратном. Иисус Христос, говоря о самоотвержении, в начальных стихах учения, требует его от всех вообще, кто хочет идти за Ним и веровать в Его учение, а в конце, – преимущественнее от тех, кои следуя за Ним, должны быть Его учениками, не столько в смысле принятия Его учения, сколько в смысле проповедания его другим, – в смысле Апостольства. Такое понимание рассматриваемого нами учения основывается на ходе всей речи Спасителя, но особенно на слове ученик, которое употреблено здесь не в простом смысле, а в усиленном (эмфитическом), как это видно из ближайшего последующего. Спаситель Христос, выразив сущность учения о самоотвержении словами: иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик (ст. 33), тотчас же присовокупил: добро есть соль: аще же соль обуюет, чим осолится; ни в землю, ни в гной потребна

есть: вон изсыплют ю (ст. 34, 35). Должно заметить, что последние два стиха, по Евангелисту Матвею, принадлежат к нагорной проповеди (5:13), и сказаны были, по единогласному толкованию всех комментаторов, исключительно к Апостолам: так как они одни – святые Апостолы – могли быть, и были в собственном смысле и солью земли и светом мира⁵³. Итак, принимая слово ученик не в общем смысле, а в особенном и более частном, – в смысле ученика из числа двенадцати, и применяя к нему сказанное о соли, будем иметь смысл такой: «тот, кто не отрекся всего, что в мире, будет ли это родство, или богатство, не может быть моим последователем, а тем паче моим Апостолом. Каждый из вас – тоже для человечества, что соль для земли. Но соль хороша, когда ее самой не касается порча и разложение; когда же она теряет, свойственные ей остроту и силу, то делается ни к чему негодной. Тоже самое и с вами, Апостолами. Всякий из вас, попустив себе увлечься духом любостыжания, подвергнется нравственной порче и тлению, и утрачивает в себе ту благодатную силу, которая, живя с вами и в нас, производит спасительное действие на растлеваемое грехом человечество».

Так законченное учение о самоотвержении прямо ведет к мысли, что оно имеет очень близкое отношение к притче, особенно, если допустить, что она сказана по поводу неверности Иуды. С этой точки зрения, притча представляется продолжением учения, начатого в конце главы четырнадцатой, а само учение, предложенное во второй раз, и видоизмененное (конечно не без цели), – чем-то в роде приступа к притче, и как бы введением в ее содержание, относительно главной и последней ее цели. Но если и не предполагать упомянутого повода к произнесению притчи, учение о самоотвержении, тем не менее, остается в близком соприкосновении с ней. Почвой, или подлежащим учения видоизмененного служит богатство (τὰ ὑλάρχοντα), но богатство же составляет подлежащее и притчи о домоприставнике. Сами предикаты или сказуемые сих подлежащих, хотя и различны в учении о самоотвержении и притче (что, впрочем, и быть должно); но они отнюдь не исключают себя взаимно, а подчиняясь один другому, скорее пополняют друг друга. «Оставь родство и богатство, если хочешь беспрепятственно следовать за мной»: – такова сущность учения о самоотвержении! «Оставляемое богатство раздели с бедными и неимущими, если, следуя за Мной, вернее хочешь наследовать вечные кривы в дому Отца небесного»: – так может быть выражена сущность притчи, применительно к учению о самоотвержении! А сопоставив так содержание учения и притчи, нельзя не согласиться, что последняя служит дополнением первого и дальнейшим

развитием одного из основных его понятий.

Мы сделали значительное уклонение от прямой нити рассуждения, но сделали это не без цели. Обстоятельное определение контекста, и отыскание настоящего предыдущего притчи, имеет не незначительное влияние на решение вопроса о ее личном предмете, или слушателях. Ибо, если три притчи главы пятнадцатой не имеют никакого соотношения к нашей притчи, и даже отделены от нее особым надписанием: то через это, само собой падает одно из доказательств той стороны, которая утверждает, что притча о приставнике, якобы, по связи с тремя притчами ближайшими, сказана к тем же слушателям, к коим направлены были и те притчи. Но с другой стороны, если искомый antecedens действительно находится не в пятнадцатой главе, а в конце четырнадцатой; то это служит новым подкреплением мнения противоположного, что притча о приставнике произнесена не к фарисеям и мытарям, а к Апостолам, потому что учение главы четырнадцатой (в конце ее), нисколько не устраняет Апостолов, а скорее подготавливает их и предрасполагает к выслушанию притчи, как такого урока, который уже предначат был в повторенном учении о последовании Христу и о самоотвержении.

Но скажут: учение, непосредственно следующее за уроком о самоотвержении, предложено было не к Апостолам; следственно, те слушатели, коих имел в виду Спаситель в конце 14 главы, 3 стихом главы 15 устранены другими. – Да, это правда. Книжники и фарисеи, доселе наблюдавшие за словами и действиями Спасителя, теперь (в начале 15 гл.) действительно становятся пред Ним на первом плане, как лица, для вразумления коих предлагается особое учение: и роптаху фарисее и книжницы: рече же к ним притчу сию глаголя (гл. 15, ст. 2, 3). Но что ж из сего? Доколе продолжалось учение, вызванное новыми личностями, и прикрытое тремя эмблемами, имеющими одно значение, дотоле фарисеи с книжниками и стояли во главе слушателей; когда же вводное учение было кончено, тогда и слушатели его опять, как бы, скрываются в толпу народа, и опять принимают прежний свой характер, не столько слушателей, сколько наблюдателей (Лук. 16:14.); а на место их, перед самой притчей о приставнике, опять вызываются прежние слушатели, – ученики Христовы: глаголаше же ко ученикам своим. Подобный оборот в нравоучительных беседах Христа Спасителя – не единственный⁵⁴.

Но как и до какой степени, надобно принимать ближайших учеников Христовых в качестве ближайших слушателей притчи? Так ли, что притча и содержанием своим, и нравоучением относилась к ним одним исключительно, или так, что, касаясь Апостолов, она в тоже время и в

известной мере, обнимала и других из массы слушателей, не исключая и самих фарисеев?

Мы уж имели случай видеть, что толковники этой категории почти все держатся первой мысли, т. е. что Спаситель, изрекая притчу, не имел в виду и не мог иметь никого, кроме Своих избранных учеников, принадлежащих к лику двенадцати. Положительной и более твердой опорой такого мнения служит выражение, употребленное Евангелистом о слушателях притчи, перед ее началом. Основываясь на этом выражении, защитники Апостолов, как единственных слушателей притчи, строятся, в пользу своего мнения, аргумент такого рода: святой Лука, указывая на личный предмет притчи, говорит: глаголаше же ко ученикам своим слово ученик в Евангелии употребляется не в одинаковом значении: но когда в нем говорится об Иисусе Христе и затем об учениках, с приложением местоимения, Его Своя (αὐτοῦ) то выражение οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ (ученики Его, ученики своя) везде означает или 70 учеников (что впрочем очень редко и тогда только, когда есть на то указание в контексте), или же, по преимуществу, Апостолов в собственном смысле⁵⁵. Здесь употреблено выражение: πρὸς τοὺς μαθητὰς, αὐτοῦ (ко ученикам своим), следственно и проч.

Но такое понимание указанных слов неверно. Выражение οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ где бы, и как бы оно ни находилось, т. е. в прямом ли падеже или косвенном, с предлогами или без предлогов, в наибольшей части мест Евангельских, действительно, означает одних Апостолов: за всем тем, не мало есть мест, где оно же означает Апостолов не одних, а вместе и народ, ходивший за Спасителем, чтобы слушать Его; даже есть места где под выражением: ученики своя,разумеются одни последовали из народа без Апостолов. К первому роду мест принадлежат, например, Матф. 5:1⁵⁶; 12: 49; Лук. 6:17,20 и др., а к последнему: Лук. 6:13; Иоан. 6:60,61,66. Таким образом, на основании выражения ко ученикам своим, без других данных, частнее определяющих его, вообще нельзя делать решительных выводов о том, кого разумеет под этой фразой. Что же касается до рассматриваемой притчи, то здесь это выражение еще менее может служить базисом заключения, которое выводят из него ограничивавшие личный предмет притчи одними Апостолами: потому что в некоторых древнейших кодексах, слова: своим (αὐτοῦ) при слове ко ученикам, вовсе не находится⁵⁷.

Наконец, относящие притчу к одним Апостолам, упускают из виду, что тот же Евангелист, который перед притчей указывает на учеников Христовых, как на личный предмет ее, в конце притчи указывает и на

фарисеев, как слышавших все, что было в притче и нравоучении: слышаху же сия вся и фарисее (ст. 14). А что фарисеи не веровали в Спасителя, не принимали его учения и даже смеялись над Ним, из сего не следует, что Спаситель не мог иметь их в виду. То самое, что фарисеи остались не равнодушными, по выслушании притчи, и выразили что-то в роде глумления над ней, приводит к мысли, что притча и к ним была направляема, и что они это видели и понимали. Подобный смех служит самым обыкновенным исходом дела в тех случаях, когда мы, слыша горькую для нас, но непререкаемую истину, не хотим принять ее, будет ли то по предзанятым понятиям, или просто, по упорству и ожесточению. Кроме того, фарисеи ни прежде, ни после, никогда лучше не относились к Пророку Галилейскому (Иоан. 7:52); никогда не давали веры не только Его учению (Иоан. 7:48), но и самим чудесам (Иоан. 12:37): однако же Господь не преставал простирать к ним свое слово при всяком случае. Таким точно образом и здесь. Окончив притчу (ст. 13), Он обращается к фарисеям с обличением их высокоумия и лицемерия, и делает это конечно потому, что как эту притчу, так и прочие три, они слушали без внимания и даже с презорством.

Положительный вывод о том, к кому притча была сказана. – Что служило поводом к ее произнесению? – Цель притчи различна по различию слушателей. – Конечный предел притчи и ее нравоучение. – Особенность притчи, по коей она выходит из ряда обыкновенных. – Отражение этой особенности на ее изложении, несвободном от некоторой темноты и неопределенности в слове. – Недостаточность обыкновенных средств и пособий в понимании учения Христова.

Из того, что нами сказано об уклонениях от истины, допущенных при определении личного предмета комментаторами той и другой стороны, само собой открывается, кого должно разуметь под слушателями, коих имел в виду Христос, изрекая притчу о домоправителе. То есть, если, с одной стороны, нельзя допустить, что притча предложена была мытарям и фарисеям, с выделением из среды их Апостолов, как бедных, и не имевших, якобы, никакого соприкосновения к притче; а с другой, нельзя думать, что она же (притча) всем своим объемом и содержанием относилась к одним Апостолам, с устранением всех прочих, бывших в толпе народной: то необходимо следует, что притча, более или менее, относилась ко всей массе народа, окружавшего Спасителя, и что эта масса до того была многочисленна, смешана, разносортна и разнородна, что в нее входили и Апостолы, как будущие распорядители благами, частью земными и вещественными, но более незначительными и небесными; особенно входил в нее из среды Апостолов Иуда, как приставник, не верно распорядившийся их денежными насущными средствами; входили в нее все мытари, слывшие в народе грешниками за то, что состояли в службе у язычников (Римлян), а наживались средствами неправедными; входили в нее фарисеи и книжники, отвращавшиеся мытарей, как грешников, но неотвращавшиеся тех средств, коими грешники обогащались; даже входили в нее все, сколько-нибудь люди не бедные, без отношения к средствам, коими приобретались их земные блага. Такой взгляд на субъект поучаемый, разливая иной свет на весь состав притчи, дает возможность, правдоподобнее и ближе к общечеловеческому пониманию, определить не только цель и пределы притчи, но и повод, по которому притча сказана.

1) Повод, по коему притча сказана

Более года протекло, как Спасителем набраны были из среды Своих последователей двенадцать Апостолов⁵⁸; следственно, более года было, как Иуда носил небольшую корвану с деньгами, принадлежавшими ученикам Иисуса, заведывая ей, конечно с самого поступления своего, в число двенадцати, бесконтрольно. Отзыв об Иуде Евангелиста Иоанна, перед наступлением последней Пасхи: яко тать бе и ковчежец имяше и вметаемая ношаше (12:6), заставляет думать, что поползновение к утайке открылось в несчастном ученике, вскоре по приставлении его к денежному ящику. Господь не мог не знать сего и не желать исправить уклонившегося от своего долга Апостола. В видах сего, давно, быть может, выжидаем был случай, сделать внушение Иуде, но так, чтобы оглашением тайны не унижить его, а еще более, не убить в нем духа. Наконец случай представился.

Однажды, Иисус Христос обедал в доме одного начальника фарисеев, и говорил там разные нравоучения, применительно к обстоятельствам времени и лиц, с Ним возлежащих. Толпа народа уже ожидала Его, и потому, лишь только вышел Он из дома, обступила Его и пошла с Ним и за Ним (Лук. 14:25). В ней по обыкновению, находились фарисеи и книжники, как всегдашние наблюдатели Его слов и дел, а за тем всякого рода грешники, между коими особенно видны были мытари. Мысль об Иуде, всегда близкая любящему сердцу Богочеловека, теперь, с появлением последних, возбудилась в Нем живее и с особенной силой. Лучшего случая к вразумлению ученика неверного, без обнаружения его неверности, не могло быть. Личностью, хотя и собирательной, присоединившихся мытарей, – приставников тоже неправедных, – вполне прикрывалась личность Иуды. Вследствие сего, Спаситель начинает говорить о признаках, или условиях истинного последования за Ним, несмотря на то, что об этом предмете, не за долго перед сим, уже было говорено⁵⁹. Учение это предложено сначала открыто, а потом в двух небольших иносказаниях, и заключено так: Тако убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени не может быти Мой ученик (гл. 14, ст. 33). Судя по такому выводу, сказанному в конце притчи о царе, идущем на войну (ст. 31, 32) уже можно было предугадывать, что Иисус Христос повторяя учение об отречении от всех и всего, что в мире, намеревался высказать что-то особенное и важное, и именно, что-то вроде урока о непрестрастии к любостязанию и сребролюбию, тем паче, что такой урок

теперь, при виде сборщиков податей, был весьма благовременен и кстати, и что не без назидания могли слышать Его и все сопровождавшие Спасителя, не исключая и Апостолов, хотя, всей силой своей, он должен был пасть на сердце одного из них – Иуды. А что Спаситель, изображая признаки последователей Своих, действительно, имел какое-то особенное намерение, это видно из Его возвания, которым возбуждалось всеобщее внимание в слушателях и которое употреблялось в случаях, только особенно важных: имей уши слышати, да слышит (ст. 35).

Но в толпе народа при сем обнаружилось особенные движения, изменившие ход начатой речи. Мытари и грешники, будучи возбуждены к вниманию известным для них возгласом, и желая лучше слышать Учителя стали тесниться, стараясь подойти к Нему, как можно ближе: бяху же приближающиеся к Нему все мытари и грешники, послушати Его (гл. 15, ст. 1). Господь не отрезал их и не останавливал. Это возбудило негодование в фарисеях роптавших, что Христос до того позволял Себе сближение с явными грешниками, что иногда и ел с ними (Лук. 15:2). Ропот фарисеев не отклонил Спасителя от Его намерения, относительно предположенного внушения Иуде и мытарям, а только вызвал Его сделать предварительно внушение самим негодователям, чтобы с одной стороны, показать им безмерную благодать Отца небесного, а с другой, – вразумить их, как дороги, в очах милосердия Божия, кающиеся грешники. Вразумление это сделано тремя вводными притчами. С окончанием их, Господу ничего не оставалось, как приступить к осуществлению Своих намерений, т. е. сделать внушение Иуде, под видом урока мытарям, или, что тоже, начать притчу о приставнике. Так и сделано. Слушателями притчи, конечно, оставались по-прежнему, и фарисеи, но с отступлением, в мысли Спасителя, на второй план. Теперь в Его намерении, заняли их место, Иуда с мытарями и Апостолы с теми из массы народной, кои выказывали готовность внимать Ему, и к коим притча могла иметь практическое приложение. Св. Лука, объединяя все эти разные звания слушавших, именует их общим названием учеников Христовых: глаголаше же ко ученикам Своим.

2) Цель притчи различная по различию слушателей

Что касается до цели притчи, то как она ни различна, по различию и разнородности слушателей; но довольно понятна. К ее уразумению ведет само свойство тех личностей, которые поименованы нами, как слушатели притчи. Св. Апостолы, теперь, в минуту притчи, не имели ничего, но их будущее служебное поприще не устранило их от соприкосновения к благам мира, имевшим приражаться к ним в разных видах. Там ожидала их встреча лицом к лицу и с серебром (Деян. 8:18), столь ослепительным для сынов века сего; там надлежало им принимать на себя должность, то, как бы приставников имений чужих, делившихся потом общими им с верующими (Деян. 2:43–45), то распорядителей значительными суммами, полагаемыми при ногах их (Деян. 4:34,35); там предстояла им необходимость делать разные денежные сборы в пользу беднейших церквей, и распределять их по своему усмотрению (1Кор. 15:34). Все это ведомо было исперва их божественному наставнику. Его отеческая предусмотрительность не могла оставить Своих учеников – Своих детей – без должного предостережения от искусительных приражений со стороны мамоны. И вот, в предупреждение, чтобы в будущих проповедниках Евангелия, видимые блага мира не извратили как-нибудь св. чувств и стремлений, не ослабили в сердцах их веры и самоотвержения, а что всего губельнее, не сделались бы сами для них целью всех их трудов и подвигов, Иисус Христос предварительно внушает Апостолам, что заботы и попечения о стяжаниях земных, не мыслимы для них, как благовестников царствия Божия, и что служение золотому тельцу – этому кумиру мира, ни в каком случае не совместно с тем высоким служением, к коему они призваны. Иуда, с одной стороны, как ученик Христов, облеченный властью над самими бесами, (Матф. 10:8), и следственно, дороживший близостью ко Христу, а с другой, – как неправедный приставник, обличаемый своей совестью, тем паче не мог не уразуметь сего урока и не извлечь из него побуждения для себя, оставить преступное попечение о земных интересах, как всецело ниспровергавшее в нем достоинство Апостола.

Относительно мытарей, цель притчи еще виднее. Чем необразованнее, чем грубее и грешнее был этот живой слой земли святой, – этот люд в среде народа Божия, – тем чаще и действеннее могла пробуждаться в нем совесть. Слова Христовы к книжникам и фарисеям, что мытари упреждают их на пути к царствию Божию (Мф. 21:31), и пример быстрого и

решительного обращения ко Христу Закхея (Лук. 19:2–10), служит речательством, что в числе сборщиков податей, и кроме старшины их, всегда много было таких, кои, сознавая свою греховную жизнь, хотели бы выйти из греховной бездны, но не находили средств к тому; хотели бы для облегчения своей совести не пожалеть подчас и своих сокровищ, но недоумевали, что можно, да и можно ли что сделать, но спасение души своей, из мамоны неправды? Понятно, что при таком направлении этих людей, которых и само богатство не спасало от презрения со стороны грамотной знати иудейской, но которые, в тоже время, не оставляли случаев слышать Слово Божие, и следственно, думали о благовестуемом царствии, и искали пути к примирению с небом, учение Христово о том, что и неправедным богатством, можно умилоствит правду Божию и стяжать вечные кровы, должноствовало послужить жизненным коллурием для внутренних очей их, а вместе с тем и дверью к выходу из того мрака скорби и уныния, в котором томились их души, ища света Божия.

В том же смысле и с одинаковой целью притча могла относиться к толпе книжников и фарисеев, хотя цель эта и не достигнута. Спасительное слово небесного Учителя, и теперь, не оказало спасительного действия на огрубевшую совесть сих лживых понимателей и кривотолков царства Мессии. Дух грубого лицемерия и упорства поддерживался в них, с одной стороны, честолубием и пустосвятством, а с другой алчностью к обогащению, даже до жестокости к ближним. Таким образом, и теперь, как и всегда, исполнялись над ними слова Пророка: одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша и очи свои смежиша, да некогда узрят очима и ушима услышат, и сердцем уразумеют и обратятся, и исцелю я (Ис. 6:10; Мф. 13:15). За всем тем, это приточное учение о наилучшем употреблении богатства, нажитого неправдой, и для сего непокорного и гордого класса слушателей было необходимо, если не в том отношении, чтобы им смириться, принять и усвоить себе образ мыслей праведников (Лук. 1:17), обратиться ко Господу и исцелеть: то в том, да оправдится через них премудрость от чад своих (Мф. 11:19). Без него последняя обличительная речь Спасителя к книжникам и фарисеям, изложенная в Евангелии Матфея (23:13–36), могла бы показаться более, чем должно, строгой и грозной.

Наконец, не фарисеи богатые, но обогащавшиеся, подобно фарисеям и мытарям, средствами богопротивными, точно такое же могли извлечь для себя назидание из притчи, как и явные грешники, и мнимые праведники. Что же касается до тех из богачей-слушателей, кои приобретали земные блага честным трудом и воздержной жизнью: то для них притча служила

побуждением к Евангельскому милосердию и состраданию относительно бедных, не прямо, а через вывод и заключение, от меньшего к большему и от худшего к лучшему. Если и неправедно нажитым богатством можно, через уделение его бедным и неимущим, приобретать вечные обители в дому Отца небесного, то тем скорее и вернее можно наследовать эти обители и удостоиться блаженного возлежания в них с Авраам, через разделение с немощной, убогой братией богатства, приобретаемого благословенным трудолюбием, и вообще, средствами, одобряемыми законом и совестью.

3) Конечный предел притчи и ее нравоучение

Заключение учения, имеющего не одну, а многие цели, не могло быть выражено в одном месте и одним стихом. Это служит причиной, как мы видели, что толковники не согласны между собой в том, где именно настоящий конец притчи. Нет нужды приводить здесь эти разные мнения, так как со многими из них мы уже встречались; но во всяком случае не излишне, относительно окончания притчи, заметить следующее.

Наибольшая часть комментаторов видит конец притчи в 9 стихе. Справедливость требует сказать, что это не без основания. Приведенный стих, всего скорее, можно принять за обыкновенное заключение, как потому, что он, заканчивая собой иносказание, содержит в себе практическое приложение или нравоучение, прямо выведенное из содержания притчи, так и потому, что это нравоучение, и внешней своей формой, сходно с таковыми же нравоучениями, в наибольшей части притчей, как, например, в притчах: о царе, состязавшимся со своими рабами (Мф. 30:16), о десяти девах (Мф. 25:13), и т. п., где одностигшие нравоучения, по согласному мнению всех, составляют решительный конец притчей. За всем тем, заключение 9 стиха не есть вполне окончательное. Оно объемлет собой всех зажиточных людей вообще, всех фарисеев и мытарей, всех аристократов и плебеев, и даже самого Иуду, в известном отношении: но оно не имеет ни малейшего применения к лику прочих Апостолов, и следственно, во всяком случае есть не более, как заключение частное, необходимо предполагающее таковое же другое. Иначе притча осталась бы без окончания.

Это другое заключение, действительно, есть и находится в трех следующих затем стихах (10–12). В нем содержится прямое приложение притчи не к Апостолам только, как будущим провозвестникам царства Христова, но и к Иуде, как ученику Христову, уже прельстившемуся блеском златиц кинсонных, но еще не отпавшему от лика Апостольского. По внешней форме это приложение имеет вид условной энтимемы, и может быть выражено так: «кто неверен в малом, тому не поверят многого: итак, если вы неверно будете распорядиться имением малым и не настоящим, то не поверят и не дадут вам настоящего (истинного) и многоценного. Само собой следует, что это заключение частное, как и быть должно. Нравоучение в нем содержащееся, до того не всеобъемлюще, до того относится к одним Апостолам, что, как первое (нравоучение), направленное к мытарям и фарисеям, необъяснимо об учениках

Христовых: так и это последнее решительно не применимо ни к кому другому, кроме Апостолов. Это служит базисом той двурогой дилеммы, по которой нельзя, как мы видели, принять за слушателей притчи, ни Апостолов одних, с исключением фарисеев и мытарей, ни сих последних, с устранением учеников Христовых.

Но и 12 стих не есть последний термин притчи. Должно заметить, что следующий за ним стих 13, при тех исходных точках толкования, которых держатся Кинели, Бертольды и другие, и которые мы видели, представляется вне всякой связи с контекстом. Посему, чуть ли не все западные толковники смотрят на него, как на бельмо в глазу, и считают его до того здесь лишним и неуместным, что и лучшие из них ничего более не находят сказать о нем, как только то, что он взят из Евангелия Матфея⁶⁰. Между тем названный стих, несмотря на то, что не содержит в себе новой и отдельной мысли, находится в связи с предыдущими и до того не излишен, что скорее необходим для полноты заключения. Обнимая всех слушателей притчи, без отношения к их нравственной стороне жизни и к тому положению, которое одни из них занимали, а другие готовились занять в среде людской, он служит объединением и обобщением обоих заключений предыдущих, как частных. Мысль его такова: «служение двум противным началам, каковы: Бог и богатство, не может совместиться в одном служащем субъекте, кто бы он ни был, Апостол ли, или книжник и мытарь». Понятно, что здесь самый крайний и окончательный предел притчи.

Что же касается, собственно, до порядка, в коем нравственное приложение притчи относилось ко всему составу слушателей, то его можно определить так. Нравоучение, перее всего, направлено было к мытарям, как потому, что они подали повод к произнесению притчи, в настоящую минуту, так и потому, что они же служили прикровением настоящей личности, составлявшей последнюю цель ее, – прикровением Иуды. Причем нельзя отвергать мнения некоторых, что сам образ изложения притчи, т. е. образ суждений и действия домоприставника, взят с образа мыслей и поступков мытарей. Если где, то в мытницах или таможнях, по преимуществу, могли быть в употреблении подобные сделки, при взимании с товаров пошлин. Там и количество, и вес, и мера не масла только и пшеницы, но и всего, что ввозилось и вывозилось, могло быть умяляемо, в видах известных за то благодарностей (пешкеш, бакчиш). Затем, нравоучение относилось к фарисеям и ко всем богатым безразлично, хотя первые, как известно, и не извлекли из него никакого назидания, а последние должны были извлекать это назидание не

одинаковым образом, судя потому, как приобреталось само богатство их. Это нравоучение находится в 9 стихе, и объясняется относительно перечисленных званий, с небольшим различием, применительно к их словесным свойствам, но без всяких схоластических натяжек, и в собственном смысле.

Далее, Спаситель имел в виду Иуду, для которого притча нарочито была сказана, и который, сделавшись приставником неверным, оставался еще в числе ближайших учеников Его. Уже замечено было, что Иуда, как неверный носитель и хранитель ковчежца, не мог не сознавать, что притча близко касалась его и содержанием, но еще ближе нравоучением, из него выведенным. И в самом деле, когда слышались слова Христовы: «имение несправедное, вечные кровы, верный в малом и неверный», голос его собственной совести, омраченной недугом, но еще не утратившей жизненной силы и не огрубевшей в противлении добру, – этот голос не мог не напоминать Иуде, что нравоучение относилось и к нему, и содержало в себе прямое указание, как поступить ему с утаиваемой суммой, чтобы, покончить навсегда с этой мамоной неправды, возвратить себе спокойствие духа, удержать вполне достоинство Апостола и приобрести не временное прибежище на земле, как думалось, а вечные обители в небе.

Но указав спасительный выход из ненормального положения Иуде, как блюстителю общественного ящика, Господь, вслед за сим, присовокупляет и то, что должно было относиться к нему же (Иуде), но уже как будущему благовестнику царствия Божия, побуждая его, в тоже время, и к неотложному заглаждению неверности – в прошедшем, и к сохранению пожизненно-неукоризненной верности – в будущем (ст. 10). А чтобы и теперь прикрыть обличаемую личность, как она доселе была прикрываема мытарями, Иисус Христос обращается ко всем Апостолам (ст. 11, 12), как будто и они причастны были неверности своего товарища. Собственно же говоря, относительно последних, Спаситель имел в виду, только оградить их Апостольскую верность от вредного приражения к ним будущих искушений. Этот урок (урок притчи) был для всех их закончением и как бы венцом всего, что доселе они слышали об отречении от мира и самоотвержении. Он закрепил в них саму основу апостольства. Он сделал их достойными тех благ истинных и многоценных, которые готовились им, как провозвестникам Евангелия. После него уже, а не прежде, явилась в них та твердость, с коей заявляли они перед Господом: се мы оставихом вся и по Тебе идом (Лук. 18:28), – твердость, которая впоследствии еще более возросла в них и до того окрепла, что все они до

конца жизни своей и алкали, и жаждали, и напутствовали, и скитались, как нищие и отщетившиеся всего в мире, да Христа приобретают (1Кор. 4:11; 2Кор. 6:10; Филип. 3:8).

Заклучая все, относящееся к расследованиям предысловным, и сказанное в видах уяснения подлинного смысла притчи, нужным находим заметить, что притча о приставнике видимо выделяется из ряда притчей обыкновенных, и более или менее похожих одна на другую. Она носит на себе какой-то особый и во многом своеобразный тип. Начнешь с того, о чем мы частью уже упоминали, т. е. что учение, содержащееся в притче, преследуя разные цели, по разнородности слушателей, не могло закончиться, подобно другим притчам, разом и категорически, а требовало, соответственно разным состояниям поучаемых, окончания постепенного и по частям, а потому и выраженного не одним стихом, а многими. Особенность замечательная; но справедливость требует пояснить, что если она сообщает нашей притче своеобразность, то не столько объемом заключения, выходящим из границ обычных, сколько его особенным изложением, – не столько тем, что нравоучение высказано многими стихами, сколько тем, что содержащиеся в нем мысли выражены с особенной полнотой и в особенной строгой последовательности. А относительно объема заключения, – относительно того собственно, что нравоучение состоит из многих стихов, – должно сказать, что эта особенность не беспримерна; ее можно находить и в других притчах, хотя и очень немногих. Не одностишные заключения встречаем, например, в притчах: о человеке, имевшем двух сынов и посылавшем их в виноградник для работы (Мф. 21:31,32), и о человеке домовитом, отдавшем виноград свой делателям и отшедшем (Мф. 21:42,44).

Другая особенность нашей притчи состоит в том, что в основание нравоучения положены действия человека, коего находчивость и смьшленость в устройении своей судьбы, хотя и похвалены господином притчи, но тем не менее, нравственного настроения души его, обнаружившегося в поступке, явно нечестном и не святом, никто похвалить не может. Очевидно, что этой чертой притча наша гораздо характеристичнее отличается и обособляется в среде всех других иносказаний: однако же и эта особенность не так исключительна, чтобы нельзя было находить притчей с подобным содержанием. В притче о том, как подобает молиться и не стужати (Лук. 18:1–8), представляется судия, тоже, не высокой нравственности, потому что ни Бога не боялся, ни людей не стыдился: за всем тем, его решимость, положить конец докукам вдовы, мало того, что служит воодушевлением к непрестаемой молитве для всех

избранных Божиих, но и основанием того, что сам Бог, преблагий и пресвятой, ставится как бы в параллель с этим судьей, столь безбожным и бесстыдным. Итак, если через указанные нами отличия, рассматриваемая притча выступает из обыкновенного ряда поучений иносказательных, то разве потому только, что эти отличия являются здесь не порознь, как в других притчах, а оба вместе.

Между тем, говоря об особенностях притчи, нельзя не упомянуть, что в ней есть обстоятельство другое, которое более может служить к ее отличию от таковых же других, несмотря на то, что оно падает на внешнюю сторону изложения притчи, – на ее слововыражение. Чтобы учению, прикрытому иносказанием, и имеющему притом разные цели, из коих одни открыты и понятны были для всех слушателей, а другие – сокровенны и ведомы только для некоторых из них, – чтобы такому учению сообщить, относительно слушавших субъектов, наибольший объем и широту, конечно, невозможно было обойтись, чтобы не употребить иногда таких слов и выражений, которые, одновременно касаясь разнородных личностей, должны были, применительно к их неодинаковой нравственной цели, содержать в себе и смысл не одинаковый. Само собой следует, что такого рода речь, и не иносказательная, не свободна от некоторой неопределенности в слове и даже темноты, и эта неопределенность, встречаясь и в содержании притчи, и в самом нравоучении, служит, в свою череду, одной из немаловажных причин, почему, в трактуемой притче, гораздо более, как мы сказали, трудностей и недоразумений в отыскании подлинного ее смысла, чем во всех других.

Коснувшись трудностей в понимании притчи, в конце концов, не излишним находим присовокупить и то, что обыкновенные, человеческие средства и пособия, как ни благотворны всегда и везде, а следственно и здесь, но они одни недостаточны в истолковании Евангелия. Учение Евангельское открыто нам Сыном человеческим: но оно не есть человеческое; оно есть вечное слово Божие и снесено с неба Единородным от Отца. Просвещение научное и школьное, пусть оно будет и систематично, и глубоко, и обширно, но в деле изъяснения слов воплощенной, небесной Истины, легко может быть недостаточно, если не будет сопровождаться другим началом, высшим и духовным.

Просвещение научное, одно, слишком предельно и способно вращаться около одного лишь мира стихийного. Оно может досягать до известной высоты тверди небесной, но в небо, за пределы вещества и времени, не проникает. То, что принадлежит к области небесной и духовной, может быть для нас доступно только в известной мере, и при

известных условиях. Не перед оком ума, по всяческим искушенного наукой, но не отрожденного Духом, раскрывается учение о благодатном царстве Божиим, а перед оком веры, оживленной таинственным возрождением и просвещенной от Духа благодати, хотя и не без посредства науки. Наука везде пригодна и всегда благотворна, когда она стоит во истине. Итак, пусть эта наука процветает в среде земнородных, по намерению Божию, к развитию, образованию и возвышению человечества. Пусть будут в полном ходу и силе все те человеческие средства и пособия, кои ведут нас к правильному пониманию истины Божией. Но пусть же, первее всего и паче всего, не оскудевает в нас св. вера, – вера в Господа Иисуса Христа, как Сына Бога живого, и в Его глаголы, как глаголы духа и жизни (Иоан. 6:63). Но и это не все. Вера не есть в нас что-либо мертвое; она есть начало жизненное и живое. Итак, пусть эта вера воодушевляет нас, как живая сила, – пусть она проникает нашу жизнь и дела и направляет все в нас, по духу Евангелия. Да и сама справедливость не требует ли, чтобы приступающие уяснять другим глаголы жизни, первее всего уяснили бы их для себя самих, через собственную жизнь, – жизнь отрожденную и святую. При этом условии, большая часть трудностей, встречающихся в истолковании учения Евангельского, исчезнет сама собой, – и причина понятна. Наука, не посягающая на святые начала откровения, будет служить вере опорой, ограждением и предохранением от пониманий предзанятых и явно суеверных: а святое христианское чувство, проникнутое смирением и просвещаемое словом Божиим и молитвой, может, в свою чреду не только предохранять науку от кичения и преткновений, но и привлекать на нее иной свет, тот свет высшего разумения, который исходит от Отца светов, и в исследовании истин откровенных не изнемогает, тем паче не обнимается тьмою заблуждений, а напротив разгоняет всякую тьму (Иоан. 1:5). Этот свет действует в сынах Божиих под осенением Духа Божия, а Дух Божий испытует и ведает вся, и самая глубины Божия (1Кор. 2:10–11).

Изъяснение притчи о неправедном домоправителе

(Лук. 16:1–13)

В видах уяснить, и сделать более вразумительным, изложение преднамереваемого толкования названной притчи, мы не излишним признали разделить ее на две части, тем более, что она и сама собой делится на две отдельных, хотя и неровных, половины. Первая из этих половин заключается в первых восьми стихах; это есть часть повествовательная, или же прикровенный (аллегорический) рассказ, составляющий то, что собственно называется притчей. Вторая – состоит из пяти следующих за тем стихов, содержащих в себе практический вывод из части повествовательной; этот вывод обыкновеннее называется нравоучением притчи, или приложением.

Часть повествовательная

1. Глаголаше же ко учеником своим: человек некий был богат, иже имяше приставника: и той оклеветан бысть к нему, яко расточает имения его.

1. Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его;

2. И пригласив его рече ему: что се слышу о тебе? воздаждь ответ о приставлении домовнѣм: не возможеши бо ктому дому строити.

2. И, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять.

3. Рече же в себѣ приставник дому: что сотворю, яко господь мой отъёмлет строение дому от мене? копати не могу, просити стыжуся:

3. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? Господин мой отнимает управление домом; копать не могу, просить стыжуся;

4. Разумѣх, что сотворю, да егда оставлен буду от строения дому, приимут мя в дома своя.

4. Знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда оставлен буду от управления домом.

5. И призвав единого кождо от должник господина своего, глаголаше первому: колицѣм должен еси господину моему?

5. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему?

6. Он же рече: сто мѣр масла. И рече ему: приими писание твоё, и сѣд скоро напиши пятьдесят.

6. Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят.

7. Потом же рече другому: ты же колицѣм должен еси? Он же рече: сто мѣр пшеницы. И глагола ему: приими писание твоё, и напиши осьмьдесят.

7. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят.

8. И похвали господь дому строителя неправеднаго, яко мудрѣ сотвори: яко сынове вѣка сего мудрѣйши паче сынов свѣта в родѣ своем суть.

8. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде.

Ст. 1. Глаголаше же (и) ко учеником своим (ἐλεγε δὲ καὶ πρὸς τοὺς

μαθητὰς αὐτοῦ) Это – слова Евангелиста; ими св. Лука определяет личный предмет, или слушателей притчи. Мы уже видели и знаем, кого и в каком порядке Спаситель Христос имел в виду, предлагая притчу, и следственно, кого, именно, и как должно разуместь здесь под его учениками. Видели также и то, что составляет, так называемое предыдущее притчи, – предыдущее и по внешнему порядку предметов повествуемых, и по внутренней связи содержания притчи с учением ей однородным. Сопоставляя одно с другим, – слушателей с контекстом, – в приведенных, словах Евангелиста будет иметь смысл следующий: когда же (δὲ) окончены были три притчи, предложенные негодовавшим книжникам и фарисеям, Иисус Христос, обратившись к прерванному учению о самоотвержении, сказал притчу и (καὶ) ко всей массе слушателей, в числе коих прежде всего находились ближайшие Его ученики, или Апостолы, потом, мытари и грешники, а затем и все прочие последователи, не исключая и фарисеев с книжниками: сказал же и к учеником своим.

За словами Евангелиста следуют слова Христовы, или начало самой притчи.

Человек некий бе богат. Здесь не бесполезно заметить, что внешняя сторона притчи, или повествовательный рассказ ее, включительно до 7-го стиха, почти ничего не содержит в себе трудного к уразумению. Имея это в виду, и следуя блаженному Феофилакту, коего экзегетическим трудам, во многом, отдают справедливость толковники, даже инославные, мы не будем останавливаться над разъяснением буквального содержания притчи, а тем паче, не будем вдаваться в утонченные исследования таких слов и выражений, которые, с одной стороны, не настолько темны, чтобы в них нельзя было видеть настоящего смысла притчи, а с другой, – будут ли они понимаемы так или иначе, ничего особенного не вносят в содержание притчи, что могло бы изменить ее внутреннее знаменование. Сюда принадлежат, например, расследования о том: кто и каков был главный субъект притчи, т. е. управитель дома, оклеветанный перед своим господином; принадлежал ли он к числу рабов домовладыки, или не принадлежал; точно ли, и как расточал вверенное ему имение; от кого был оклеветан и по каким побуждениям; кто был сам господин, и по каким причинам не следил он за действиями управителя; имеет ли какое значение: сто мер масла, пшеницы и проч. и проч.? Расследование подобных предметов, очевидно, сопряжено со взысканием помыслом многих (Еккл. 7:30) и повело бы к разным предположениям и догадкам, могущим только задержать дело и усложнить, но во всяком случае, бесплодным и не полезным. Что же касается слов и выражений, которые,

принадлежа к этому отделу, в каком бы то ни было отношении, обращают на себя внимание: то они не останутся без объяснений настолько, насколько будет того требовать внутреннее значение и главная цель притчи.

Человек некий бе богат, иже имяше приставника. Приставник (эконом, управитель) – доверенное лицо, коему поручено было заведывание или домом только (οἰκονομος – собственно: правитель или блюститель дома), или домом и всеми местностями, и угождями, к нему принадлежащими, под главным контролем самого хозяина или господина дома. И нынешних экономов круг действий и обязанностей состоит в том же. И той оклеветан бысть (διεβλήθη) к нему. Греческий глагол (διαβάλλειν) действительно, значит: клеветать, злословить и обвинять кого-либо ложно и по злобе; это есть его первое и коренное значение. Отселе происходит ответное слово диавол (διάβολος – клеветник). Но этот же глагол, имеет и такое значение: доводить до сведения, доносить на кого и обвинять не по злобе и ненависти, а справедливо⁶¹. Таким образом, глагол διεβλήθη ближе к истине и точнее, можно перевести так: обвинен был, или как выражено в нашем русском переводе: донесено было, что расточает имение.

Ст. 2. И пригласив его (господин), рече ему: что се слышу о тебе. Вопросительное выражение: что это я слышу (τι τοῦτο ἀκούω, по свойству греческого языка, означает недовольство и негодование в вопрошающем. Такому пониманию слов сих и здесь не противоречат обстоятельства дела, ни предыдущие, ни последующие. Вопрос вызван был доносом, что управитель расточает имение, – таким доносом, что он в глазах господина не подлежал ни малейшему сомнению. От того-то, вслед за доносом, без всяких расследований со стороны господина, и без всяких же оправданий со стороны управителя, последний тотчас и отрешается от должности экономской. Воздаждь ответ о приставлении домовнем, – дай отчет в твоём домоправлении, приготовь, как можно скорее, и сдай другому все дела и занятия, лежащие на тебе, а также и все записи, и счета, относящиеся к заведыванию домом. Невозможеш бо ктому дому строити. Невозможеш (οὐ δύνηση) – значение усиленное⁶², но понятное: тебе нельзя долее оставаться при мне; мои хозяйственно-экономические интересы не позволяют, чтобы ты продолжал заведовать моим имуществом и домом.

Следующие на сим пять стихов (3–7) еще менее требуют разьяснения; все что в них – и мысли, и выражения – одинаково понятно. Содержание их таково: управитель, выслушав положительную волю своего господина, сначала недоумевал, на что ему решиться и что предпринять для

поддержания своей жизни, когда он оставит службу (из рассуждения управителя с самим собой видно, что он столько же был безденежен, как и бездомовен). Здравый смысл и естественное чувство честности предлагали ему одно из двух: или сделаться чернорабочим (σκάπτειν – копать землю), или просить милостыню. Но работать он был уже не в состоянии (οὐκ ἰσχύω – не имею сил), а просить стыдился. При таком недоумении, вдруг пришло ему на мысль (ἔγνων – уразумел, понял, смекнул, догадался), как пособить беде, и чем обезопасить жизнь свою по выходе из дома господского. И вот, в видах, якобы проверки своих счетов и записей, он призывает порознь двух должников господина своего, и чтобы задобрить их и расположить в свою пользу, возвращает им заемные письма, или расписки, в коих значилось, сколько и чем оба они должны были его господину, и предлагает, чтобы один из них написал в новой расписке, вместо ста мер (Βάτος) масла, пятьдесят, а другой вместо ста мер (κόρος⁶³) пшеницы, восемьдесят.

Стих 8 есть последний в повествовательной части притчи, но не в этом состоит его особенность, а в том, что иные⁶⁴ выделяют его из состава притчи, и видят в нем слова не Христа Спасителя о господине, похвалившем своего управителя, а слова Евангелиста, якобы повествовательно внесшего в середину притчи свою заметку о том, что Иисус Христос, изобразив находчивость управителя в устройении своей судьбы, похвалил его, в видах, остановить внимание слушавших на его сметливости. Основой такого мнения служит частью то, что похваливший приставника назван ὁ κύριος – господь, господин, – а частью, что второй половины сего стиха (яко сынове века сего и проч.) нельзя отнести к господину притчи. Но то и другое слишком слабо и шатко. Слово κύριος, в этой самой притче, неоднократно (ст. 3, 5) было уже употреблено о домовладыке, который в начале ее назван человеком богатым; следственно, и здесь нет ни каких причин не относит сего слова к нему же. Второе полустишие, действительно, не принадлежит господину притчи, но из этого не следует, что и в первом разумная сметливость управителя не им же похвалена. Кроме того, допустив высказанное мнение, надо согласиться, что Евангелист, сделав вставку при конце повествовательной части притчи, прервал притчу не только некстати и без нужды, но и в нарушение единства и даже в явный ущерб ее логической последовательности. Что стихи 8 и 9 находятся в неразрывно-тесной связи между собой, не говорю, внутренне, но и внешне, это не подлежит сомнению. Стих 9 начинается словами: и аз вам глаголю. Такое начало, имеющее вид прикровенного сравнения, или же, сопоставления,

необходимо ведет к мысли, что Спаситель Христос, приступая к изложению нравоучения притчи, имел в виду какие-то слова, сказанные, конечно, не Им Самим, а кем-то другим. И вот, когда мы утверждаем, что похвала приставнику произнесена его господином, то понятным делается, кто этот новый субъект, перед сим говоривший, и как надо понимать начало стиха 9, где Иисус Христос, как бы, сопоставляя себя в известном отношении с сим субъектом, говорит: и аз вам глоголю. Но какой смысл будут иметь эти же слова, когда допустить, что похваливший управителя неправедного был сам Христос? Наконец, между доказательствами, что приставника похвалил господин его, не последнее место занимает и то, что есть греческие, новозаветные кодексы, из коих в одних, перед словами: яко сынове века сего и проч. стоит: διὸ λέγω ὑμῖν (почему говорю вам), а в других, более древних: εἶπε δὲ πρὸς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ (сказал же к ученикам своим⁶⁵). Оба дополнения показывают, что слова, им предшествующие, сказаны Христом, повествовательно, поскольку они входили в состав аллегорического рассказа и служили его окончанием; сама же похвала в них содержащаяся, заявлена была не Христом, а тем лицом притчи, которое удалив приставника от управления, имело причину еще следить за ним. Что же касается до слов, произнесенных Спасителем уже не повествовательно, а учительно, – произнесенных в пояснение, от чего приставник был до того сметлив, что сам домовладыка не мог не одобрить его находчивости; – эти слова следуют далее, за объясняемыми дополнениями, и служат как бы переходом от притчи к нравоучению.

И похвали Господь, т. е. господин притчи, дому строителя неправедного, яко мудре сотвори. Приставник, приступая к стачке с должниками, думал ли, не думал ли, что господин узнает о его хитрости, основанной на неправоте и вероломстве: однако же домовладыка узнал о его проделке. Итак, это последнее, могло быть, уже по отобрании от управителя всех счетов и дел, и даже по отпуске его из дома: то по этой ли, по другой ли причине, господин не только оставил приставника без преследования судом, но и похвалил его, хотя в то же время сознавал, что приставник посягнул на его собственность неправедно, воровски: и похвали Господь дому строителя неправедного. Но неправедное и преступное никогда не может быть предметом хвалы и одобрения; следственно, и здесь, если господин хвалит домостроителя, то хвалит в нем не умысел преступный, тем паче, не саму неправоту бесчестной сделки, а тот оборот, который удаляемый приставник дал делу, доколе оно еще было в его руках; т. е. хвалит его предусмотрительность и сметливость, хвалит то, что он нашелся и сумел облегчить свое горе и

спасти себя от той пропасти, которая, при выходе его из дома господского, неизбежно разверзлась перед ним.

Яко сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть. Хотя и мимоходом, но мы уже замечали, что это слова не господина, похвалившего перед сим своего приставника, а Самого Спасителя Христа, в сказаны Им в пояснение догадливости управителя. Понятно, что в таком случае, частица яко (ὅτι) имеет значение инословное, и употреблена вместо ибо (ὅαρ). Управитель поступил находчиво, потому что он был из среды сынов века сего которые и проч. Но смысл рассматриваемых слов останется тот же, если частицу в соответствие еврейской ки, принять в значении подтверждения: так, действительно, подлинно. Но кто – эти сыны века сего, мудрейшие сынов света?

Слово век (αἰών) в Священном Писании имеет много знаменований. Оно означает и вообще земную жизнь (Мф. 12:32; Еф. 1:21), и времена прошедшие и будущие (Еф. 2:7; 3:9), и мир – в понятии людей (1Кор. 2:6), и образ жизни человеческой (Иов. 22:15 по тексту Евр. дерех олам – путь века) и обычаи мира, более или менее порочные (Еф. 2:2; Рим. 12:2), и земные богатства (Мф. 13:22) и наконец всякого рода жизненные удовольствия и наслаждения (2Тим. 4:10). Вследствие сего, здесь под сынами века должно разуметь людей, кои живя по духу мира, или, что тоже, по воле сердца неотрожденного и по влечению страстей и похотей, едва ли когда думают о жизни другой, загробной.

И как верх земного блаженства, по понятиям таковых, состоит частью в земных почестях и наслаждениях, а частью, в обладании земными сокровищами: то все их жизненные силы и заботы направлены и стремятся к одним лишь благам житейским и к приобретению их всеми средствами, не исключая и неправедных. Собственно говоря, это не суть мудрые, тем паче, мудрейшие против сынов света. Слишком увлекаясь суетными заботами о мнозе, они навсегда теряют для себя едино на потребу (Лук. 10:42), и таким образом, глаголющися быти мудри юродуют (Рим. 1:22). Непрерывное кружение в вихре мудрований плотских, – кружение, сопровождаемое и наслаждениями, большей частью плотскими, – препятствует им, не только ходить по духу (Рим. 8:8) и стоять во истинной премудрости Божией (1Кор. 1:21), но и пользоваться временем (Еф. 5:16; Кол. 4:5), и благами века сего так, чтобы ими улучшить нескончаемое блаженство в вѣце оном (Лук. 20:34,35). Неосмысленная и безмерная привязанность к бренному отнимает у них саму возможность, усвоить себе мысли и чувства более истинные и более сообразные с достоинством человека, как существа богоподобного, и таким образом, держит их в

состоянии, как бы, непрерывного противления истине Божией. Посему св. Павел, приписывая таковым глубокое омрачение по уму, сердцу и совести (Рим. 1:21; 2Кор. 4:4; Тит. 1:15), весьма справедливо именует всех их немудрыми (Еф. 5:15.), плотскими (1Кор. 3:3), тьмою и сынами противления (Еф. 5:6,8).

Слово свет, у пророков (особенно – Исаии) и в Новом Завете, весьма часто употребляется в понятии благочестия и веры истинного Бога, который, живя во свете непреступном, и Сам есть свет и Отец светов (Иоан. 1:9; 1Иоан. 1:5; Иак. 1:17). Как Отец светов, Он просвещает всех верующих в Него и словом откровения, и таинственным общением с Ним. (Иоан. 14:23), –просвещает, обогащая их всяким здравым учением и всякой истиной богопознания (1Тим. 1:10; 1Петр. 2:9; 1Иоан. 5:20). Просвещаемые таким образом истинные читатели истинного Бога, становятся, в свою череду, и сами светом для других (Мф. 5:14), то открывая им тайну спасения (Еф. 3:9) и всю волю Божию (Деян. 20:27), то являя перед ними свои добрые дела во славу Божию (Мф. 5:16; 1Иоан. 1:7, 2:9,10). Сообразно с сим, под сынами света должно разуметь людей, более преданных занятиям высшим и духовным, – людей, прилежащих науке здравого смысла и откровению, ищущих мудрости истинной, и старающихся сосредоточивать волю свою в воле Божией; короче: людей, верующих во Христа Спасителя мира и живущих по духу веры. Характеризуя сих сынов, света, и сопоставляя их с сынами века сего, тот же Апостол именует их присными Богу (Еф. 2:19), духовными и святыми (Гал. 6:1; 1Кор. 2:2), сынами Божиими (Гал. 3:26), и наконец, чадами послушания (1Петр. 1:14).

В роде своем суть. Род (γενεά), между многими знаменованиями, сюда, впрочем, не относящимися, означает современное поколение, или людей, живущих в одно и тоже время (Мф. 11:16, 23:26). На основании сего, большей частью, полагают, что выражение – в роде своем значит: в своем поколении, или же, между своими современниками. Справедливость требует сказать, что это толкование –самое прямое и близкое к коренному значению слова γενεά. заключаемое этим словом полустишие принимает от сего смысл такой: в каждом поколении, в каждой среде людей, живущих в известном месте, есть в одно и тоже время и сыны века сего, и сыны света. Взаимное отношение между ними, не по количеству тех и других, а по качеству их жизни, или лучше по качеству средств, коими те и другие действуют, чтобы устроить и поддержать свой жизненный быт, таково, что первые всегда превосходят своей мудростью последних.

Но при таком понимании выражения: в роде своем, предмет

мудрости, коей преимуществуют одни сыны пред другими, не определяется. Эта неопределенность одних из толковников привела к мысли, что слова: мудрейши суть паче и проч. сказаны, якобы, иронически⁶⁶ и должны быть понимаемы обратно, а других, – что они произнесены в смысле собственном, но содержат вразумительное внушение сынам света, и как бы обличение сих последних с некоторым упреком, что они не так ревностны и постоянны, а потому и не так искусны в достижении своих вечных целей, как сыны века сего – в достижении целей временных.

Что оба из приведенных мнений не лишены, до известной степени, логических соображений. На это согласиться можно, но, чтобы принять которое-либо из них, нет достаточного основания. Судя по внешнему изложению речи Спасителя, заключающейся в 8 стихе, с первого раза, можно подумать, что в указанных словах, тонкая и косвенная ирония⁶⁷, не неуместна; но вникнув в дух их и сущность, нельзя не видеть, что здесь и в тонкой иронии нет никакой нужды. До чего можно достигнуть путем смысла иносказательного, то самое ближе и скорее достигается при допущении смысла собственного; следует только вернее определить мысль, дополнением коей служит толкуемое выражение.

Вразумительное внушение сынам света, в минуты призывания их к царствию, и напоминание им о нерадении, едва ли целесообразно и благовременно. Спаситель Христос, возвещая всем путь спасения, призывал к нему и к Себе всех труждающихся и обремененных, для научения их (Мф. 11:28,29) истинам боговедения, а не для вразумительного внушения, что они – призываемые – не обнаруживают такой ревности и усилий в стремлении к вечному блаженству, какую выказывают миролюбцы, стремясь к благам скоропреходящим и бранным. Царствие Божие тогда, только – что, благовестилось, и по словам самого Спасителя, было уже близко (Мф. 4:17), но еще не пришло в силу (Мар. 9:1.), а следственно и разделения, в среде сынов царства, на стоящих непоколебимо во благодати призвания и на отпадающих от нее, или, что тоже, на подвижников – крестоносцев, с полным самоотвержением текущих к почести звания вышнего (Филип. 3:14), и на нерадивых празднолюбцев, верующих в непреложность божественных обетований, и чающих царствия, а между тем, и приблизиться не желающих к тем скорбям и лишениям, среди коих лежит тесный путь к царствию, – этого разделения еще не было. Правда, Спаситель, благовествуя приблизившееся царствие, однажды отнесся к сынам царствия не с обетованиями, а с прещениями и даже с проречением им изгнания из царствия во тьму

кромешную (Мф. 8:12): но здесь не должно опускать из виду, что обрекаемые на изгнание из царствия никогда не принадлежали к числу истинных сынов царствия, а тем паче, не были сынами света, потому, что никогда не веровали в свет (Иоан. 12:36.), и не просвещались слышанием и принятием слова Христова, яко во истину слова Божия (1Сол. 2:13). Действительно, это были люди, только мечтавшие о правах на царствие Божие, а на деле их не имевшие. Величая себя потомками Авраама и сынами Божиими, в тоже время они коснели в глубокой тьме невежества и предрассудков, и предавались всем порокам до ожесточения и упорного противления истине Божией. Но обратимся к изъясняемому выражению.

Мы упомянули, что γενεᾱ (род) значит: современное поколение, или современники, и что значение, в ряду других, есть коренное как бы передовое. Оставаясь верными своему слову, тем не менее, справедливым находим присовокупить, что в указании на время, или на лица, когда и среди кого сыны века сего мудрейшими являются сынов света, здесь – в словах Господа, – столько же мало нужды, как и в указании на место, где первые преимуществуют перед последними. Время и место суть необходимые условия бытия предметов только видимых. Посему и указания на эти условия, наиболее имеют место в суждениях свойства исторического и физического, а не учительного и философского. Кроме того, само сопоставление двух сортов людей, – сопоставление категорическое и без всяких дополнений – заставляет предполагать, что сопоставляемые личности относятся к одному времени. Между тем, если, что здесь нужно, и чего, действительно не достаёт для надлежащей полноты и определенности мысли: то недостаёт указания на сами предметы, относительно коих одни из людей оказываются более мудрыми, чем другие. Вследствие сего, нельзя не согласиться с мнением тех из комментаторов⁶⁸, которые в рассматриваемом выражении находят известный эбраизм (стр.345) (принимая единственное число – в роде своем (бедорав) – за тождественное с множественным – в родах своих), по силе коего здесь должно разуметь не поколение людей современных, а их образ жизни, или известные людские дела, и в подтверждение своей мысли ссылаются на место в книге Бытия, где говорится, что Ной совершен сый в роде своем (здесь бедоротав – собственно: в родах своих, или в свои времена, а переносно: в делах своих) угоди Богу (6:9).

Остановившись на этом значении, как более соответствующем контексту речи, мы, во второй половине 8-го стиха, предполагаем смысл следующий: сыны века сего (не все, но большая часть) в известном роде дел и деланий, именно: в изыскании средств жизненных, в приобретении и

умножении земных стяжаний, в предусмотрении разных неприятных случайностей и в своевременном их отклонении, словом: в обеспечении земной жизни всеми возможными способами, гораздо более проявляют находчивости и ловкости чем так называемые сыны света, коих (тоже не всех одинаково) все заботы и стремления и все виды деятельности, неослабно направлены к стяжанию Духа благодати, для воспитания и умножения в сердце своем духа веры, смирения, молитвы, любви и всех плодов духовных, как начатков и залогов царствия Божия и блаженной жизни в веке будущем.

Нравоучение

9. И аз вам глаголю: сотворите себѣ други от мамоны неправды, да, егда оскудѣете, приимут вы в вѣчныя крѣвы.

9. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.

10. Вѣрный в малѣ, и во мнозѣ вѣрен есть: и неправедный в малѣ, и во мнозѣ неправеден есть.

10. Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом.

11. Аще убо в неправеднѣм имѣнїи вѣрни не бысте, во истиннѣм кто вам вѣру имет?

11. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?

12. И аще в чужѣм вѣрни не бысте, ваше кто вам даст?

12. И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?

13. Никїй же раб может двѣма господинома работати: ибо или единого возненавидит, а другаго возлюбит: или единого держится, о друзѣм же нерадѣти начнет: не можете Богу работати и мамонѣ.

13. Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не может служить Богу и мамоне.

Ст. 9. И аз вам глаголю. Господин притчи с похвалой отозвался о мудрости своего приставника; но мудрость в приставнике неправедном конечно, была не более, как мирская и житейская. И средства, кои изыскивает эта мудрость, и цели, к каким она стремится, если не всегда и не одинаково преступны, то одинаково привременны и тленны. Изводит ли она своих читателей из скорбной и мрачной тесноты на отрадную широту дней светлых, радуется ли дух их иным образом, все это ненадолго и много, много, по конец стихийной, земной жизни. Но есть мудрость иная, – высшая, духовная. Действуя иными путями, она и приводит к иному. Ее цели не на земле и во времени, а на небе и в вечности. Она учит не приобретению тленных сокровищ всякими средствами, а отрешению от всякого пристрастия к благам, приобретаемым и употреблению их в умилоствление Божие, в искупление грехов и в уготовление блаженства и радостей неизреченных в жизни другой, нескончаемой. Похваленный приставник, распорядившись, по внушению мудрости житейской, бывшим в его руках именем, приобрел на земле друзей, и через них пожизненный

приют под кровом временным: вы, распоряжаясь принадлежащим вам достоянием по указанию мудрости духовной, также можете приобрести для себя своего рода друзей и через них кровы, но не земные во времени, а небесные и вечные. Вследствие сего-то, и я говорю вам:

Сотворите себе други от мамоны неправды. Другьями приставника были те из должников господина, коих он расположил к себе и обязал известной сбавкой и уменьшением им долга. Но кого должно разуметь под другьями, о коих здесь говорит Спаситель, это до некоторой степени уясняется тем, что друзей сих Он же заповедует приобретать мамоной неправды, или, что то же, богатством, какое бы оно ни было.

Сопоставление понятий: богатства, и друзей им приобретаемых, перее всего ведет к мысли, что, приобретаемые таким образом, другья принадлежат к среде людской. Это понятие есть самое первое, простое и свободное от всех натяжек и высокопарностей. Затем, если взять в соображение, что Спаситель Христос, а) ничего так не внушал своим последователям, как милосердие к бедным и неимущим; б) до того ценил эту богоподобную добродетель, что всякую милость, кому бы она оказана ни была, вменял Себе; в) изображая последний суд мира, ее одну ублажает, и ее одну призывает к наследованию дарения: то нельзя не прийти к заключению, что и здесь, говоря о приобретении друзей богатством, Он разумел тех же бедных и несчастных всякого рода. А что на этих друзей, якобы возлагается принятие своих благодетелей в вечные кровы, то это нисколько не в разладе с нашим мнением.

Слово примут (δέξονται) действительно есть, в этом же стихе, и с мыслью предшествующей (сотворите себе други) находится в тесной связи, но оно стоит неопределенно. При нем не только нет слова: другья, в качестве подлежащего, но и личного местоимения, указующего на друзей. Отселе само собой следует, что личное выражение (примут) не только можно, но едва ли не должно, считать и здесь также безличным, как оно же безлично употреблено было выше, в повествовательной части притчи: да егда отставлен буду от строения дому, примут мя в дома своя (ст. 4), Подобные обороты в языке греческом – личные вместо безличных и действительные вместо страдательных – в Евангелиях (особенно Луки) не редки; сюда принадлежат: изтяжут, просят (взыщут), иссыплют⁶⁹, и т. п. (Лук. 12:20; 48; 14:35). За правильность предполагаемого толкования, может, между прочим, ручаться параллельное место у того же Евангелиста, где Господь, побуждая беседовавших с Ним к состраданию относительно нищих и маломощных, о небесной награде, или о воздаянии за благотворение, выражается безлично и в залоге страдательном: воздаст

же ты ся в воскрешение праведных (14:13,14). Но если для большого соответствия исторической части притчи с нравоучением, и надо предположить, что раздающие богатство будут принимаемы в вечные кровы своими друзьями; то почему не допустить, что это принятие должно понимать в смысле не строго буквальном? Мало ли в Евангелии – таких слов и выражений, коим многие дают смысл несобственный, – дают тогда и там, где и когда нет ни малейших следов отступления от смысла собственного и буквального.

Что начало и совершение нашего спасения усвоится в Слове Божиим, или, вообще, одному Богу (2Тим. 1:9), спасающему всех своей благодатью (Еф. 2:5,8), или же, частное, Иисусу Христу, который явившись в мир собственно для того, чтобы своими страданиями спасти грешников (1Тим. 1:15.), по сему самому, преимущественно, и называется, не только Спасителем всех человеков (1Тим. 4:10), но и виновником спасения вечного (Евр. 5:9.), это не подлежит, сомнению. Однако же спасение, в смысле споспешествования или содействия спасению, там же иногда приписывается и людям. Так, например, о св. Павле известно, что он, будучи уже Апостолом, и не отчаиваясь в милосердии Божиим к сродникам своим по плоти, с болезнованием сердца воссылал о них молитву к Богу во спасение (Рим. 9:2,3; 10:1). Да и сам он надеялся спасения, временного и вечного, по молитвам других (Филип. 1:19.), вследствие чего, почасту и обращался к уверовавшей братии, с просьбой, споспешествовать ему в молитвах о нем к Богу (Рим. 15:30; 2Кор. 1:11). Даже, есть место в его посланиях, где совершение спасения приписывается как бы самим спасаемым: темже возлюблени мои, со страхом и трепетом свое спасение содейвайте (Фил. 2:12).

Сказанное о спасении не трудно применить и к принятию в вечные кровы. Кому неизвестно, что пронимать в небесные кровы преподобных и святых, в качестве воздаяния им за труды и подвиги земные, принадлежит одному Богу, не только как премудрому Зиждителю небесной скинии со всеми ее обителями и кровами, но и как правосудному Раздаятелю венцов правды всем тем, коих Он же один и предуведа, и предустави, и призва (Рим. 8:29,30)? Само собой следует, что в этом смысле, не только люди, хотя бы-то и святые, но и сами Ангелы никого не могут принимать на небо в вечные кровы. Между тем, те самые толковники, кои обыкновенных смертных отнюдь не допускают в среду искомым друзей, Ангелов Божиих вводят в нее не обинуясь, и вводят на том основании, что св. Ангелы принимают живейшее участие в деле спасения всех и каждого из нас (Евр. 1:14), что они исполняются веселия и радости при виде грешников

кающихся (Лук. 15:7,10) и что они же, относят в царство небесное – на лоно Авраамово – души умирающих страдальцев⁷⁰, (Лук. 16:22). Но если только на этом основании, – на основании благодетельных отношений Ангелов к людям, первые могут и друзьями быть последних и принимать их в вечные кровы: то почему же не быть друзьями щедролюбивых благотворителей непосредственным субъектам их благотворений – самым благотворимым, когда и они не могут своим благодетелям споспешествовать в деле спасения и своим благоволением сердца, подобно Апостолу (Рим. 10:1), и своими молитвами ко Господу, и когда молитва тех из них, которые праведны, много может (Иак. 5:16), по свидетельству самого Слова Божия? Это-то, конечно, имея в виду, нарочитые из православных толковников положительно утверждали, что принятие благотворителей в небесные кровы, принадлежит благотворимым нищим: «итак, сотворим», говорит один из них, «участниками (богатства) братию (убогую), да егда скончаемся зде, примут ны нищии в вечные кровы»⁷¹.

Не забываю, что друзья – люди, или нищие не могут сопровождать на небо душ своих благодетелей, чтобы там водворять их в дому Отца небесного, как это делают Ангелы: но что из сего? Сопровождение на небо и водворение там душ благочестивых, собственно говоря, еще не то же, что принятие их в вечные кровы; а кроме того, если обыкновенные люди и не восходят, подобно бесплотным, с душами своих благодетелей на небо, чтобы вчинять их в недрах Авраамовых: то сами милостыни благотворителей и молитвы за них благотворимых разве не могут восходить в небесное Святое святых, на память пред Бога (Деян. 10:4), и преклонять благость Божию не к принятию только на небо Христолюбивых нищелюбцев, но и к вчинению их в вечные кровы, в те кровы, которые там уготованы для самих скитальцев убогих, – для самих Лазарей бескровных: «сущии о Христе нищии», говорит тот же православный экзегет, «кровы наследоваша, в няже возмогут прияти быти, зде любившия их далния ради имения»⁷². Замечательно, что к друзьям – Ангелам некоторые из толковников этой притчи причисляют и весь богосветлый сонм человеков Божиих, предстоящих престолу Вседержителя: но рабов Божиих, живущих на земле именем Христовым, все-таки не хотят допустить до среды дружеской, – не хотят, несмотря на то, что, допустив до этой среды одну, так сказать, половину человечества (преселившихся в мир горний), трудно устранить от нее другую (принадлежащих к миру дольнему). Ибо, что составляет существенную разность, между теми и другими? Конечно то, что одни – на небе и совлеклись дебелой оболочки, а другие – на земле и во плоти. Но в делах

духовных, каковы: вера, любовь, молитвы и воздыхания, ни бренность, ни расстояние не служат преградами. Само Слово Божие свидетельствует, что иные и во плоти будучи, и на земле живя, силой веры и молитвы, изменяли не только законы природы, заключая, например, и отверзая небо (Иак. 5:17,18), но и грозные суды Божии (Исход. 32:11,14). Чего же может не доставать для не совлечшихся плоти, чтобы быть друзьями своих благотворителей, когда они, делаясь ближайшими приемными органами благоговений, по преимуществу могут и чувствовать это живее, и молиться за своих благодетелей тем пламеннее, чем менее имеют средств выразить свою благодарность к ним иным образом? Посему-то лучшие пониматели и изъяснители духа учения Христова, – изъяснители вполне просвещенные и богопрославленные, изображая спасительные плоды, приобретаемые благотворителями через богатство, указывают не на одно небо и не на одних ходатаев святых, но и на землю, и на молитвенников из среды убогих: «пожни обильно плоды богатства твоего», говорит св. Амвросий Медиоланский, «пожни молитвы убогих и ходатайство святых, которые за тебя, помня твои благодеяния, пред праведным Судиею Богом ходатайствуют»⁷³.

Впрочем, утверждая, что под друзьями в словах Христовых, перее всего, понимаются подобострастные нам человеки, именно: нищие и всякого рода убогие, мы отнюдь не исключаем из числа сих друзей ни Ангелов, ни Святых, а напротив, тем и другим отдаем предпочтение перед друзьями – людьми, по многим отношениям. С каким содружеством, относятся к делу спасения нашего, святые Ангелы, и по своей природе, и по воле Божией, это мы уже видели. О духах праведников, торжествующих на небе также не безызвестно, что они день и ночь, с братской любовью возносят о нас фимиам своих молитв к престолу Триипостасия Божия (Апок. 5:8; 8:3). Уже это одно ставит друзей – небожителей настолько выше перед друзьями земными, насколько и любовь их к нам святее, и молитвы действеннее и помощь спасительнее. Но сего не довольно. О Евангельских друзьях говорится, что они имеют некогда принять своих клиентов в вечные кровы. Справедливость требует сказать, что и эта черта св. любви и дружбы, если к кому может быть отнесена в известном смысле, то наиболее к святым небожителям. Ангелы и святые, покоясь под вечным кровом великого дома Божия, действительно могут, по мановению Вседержителя, принимать в свою среду щедролюбивых даятелей, и конечно, принимают с полной радостью, когда Отец небесный, разрешая их от уз плоти, призывает к Себе, как общников и наследников славы, хотящей явиться (1Петр. 5:1).

Наконец, что сказать о тех, кои под выражением други разумеют самого Бога? Памятуя слово премудрого: милуяй нищаго взаим даст Богу (Притч. 19:17), нельзя вполне отвергать и этой мысли. Если кто творит угодное Господу и привлекает на себя благий и светлый взор Его; если кто достигает совершенства высшего – богоподобного, то, конечно, милосердый и сострадательный к бедным. Его-то по преимуществу ублажает и Слово Божие: блажен разумеваый на нища и убога, в день лют избавит его Господь (Псал. 40:2–4). Но говоря о Боге, мы обыкли наиболее представлять Его Духом Святейшим, Творцом всяческих, Законодателем и Судьей, – обыкли представлять таким существом, коему, при всей Его благодати, не без трепета предстоят сами Херувимы и Серафимы. Нам ли же, тварям земным, облеченным немощной плотью и живущим в мире прелюбодейном и грешном, – нам ли, после сего, думать о дружбе с таким Существом, когда одна мысль об этом, скорее, призрашным творит дух наш, чем радуется его, сопоставляя перед нами, с одной стороны, нашу бедность и ничтожество, а с другой, – безмерное величие и неприступную славу Божества? Посему, ближе было бы к истине и к существу дела, если бы здесь понятие о Боге принять в смысле теснейшем – в понятии Богочеловека, который приискренне приобщившись нашей плоти и крови, до того сделался нам своим, что и бранных нас и немощных, и грешников сущих, и врагов Божиих не стыдится нарицать не друзьями только, но и братьями (Евр. 2:11,14; Рим. 5:8; Иоан. 15:14). Он-то, действительно, берет как бы займы все то, что раздаются во имя Его милующие нищих: понеже сотвористе единому сих братьий меньших, мне сотвористе (Мф. 25:40). Он-то дружелюбно принимает в царственные кровы милосердых нищелюбцев и благотворителей, говоря к ним: приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (ст. 34). Он-то, наконец, вводит их, как друзей своих не в чужие кровы, а в свои собственные, – вводит в кровы, кои Сам не только создал купно со Отцом и Духом, но и воссоздал, искупив их своей святейшей кровью (Иоан. 14:2,3).

Сотворите себе други от мамоны неправды. Слово мамона (правильнее мамуна) есть слово древнесирийское. За Евфратом и в Месопотамии так назывался, собственно, идол, изображавший бога богатства, потом, всякого рода земные сокровища, серебро, золото и, наконец, само богатство. Евреи, будучи в плену, не могли не заимствовать сего слова от своих завоевателей-сирохалдеев, и конечно заимствовали, только не в понятии языческого идола, а в понятии богатства. В этом значении слово мамона перешло и в Палестину и сохранилось там до

времен Спасителя, если не в общенародном разговорном языке, то в книжном, в среде иудейских раввинов. Само собой следует, что оно и в нашей притче употреблено в значении богатства. Неправды (ἀδικίας) существительное в родительном падеже, в восточных языках, очень нередко служило и служит вместо прилагательного. Таким образом, ««богатство неправды» тоже, что «богатство несправедливое». Но что разумел Господь, именуя богатство несправедливым?

Большая часть толковников, разрешая этот вопрос, указывают на следующие данные: а) слова: ἀδικία, ἄδικος (неправда, несправедливый) не только в Священном Писании (напр. Исход. 23:7; Левит. 19:12 по переводу 70), но и у светских греческих писателей, часто встречаются в значении: ψεῦδος δόλιος (ложь-обман, лживый-коварный); б) существительному ἀδικία нередко в Новом Завете противопоставляется ἀλήθεια (истина) (Рим. 1:18. сн. 25; 1Кор. 13:6; 2Сол. 2:12), а прилагательному: ἄδικος – сам Христос противопоставляет в этой же притче слово: ἀληθινός (истинный); в) Иисус Христос и Апостолы, говоря о богатстве и сокровищах земных, почти везде изображают их не надежными, обманчивыми и скорогибнущими (Мф. 6:19; Лук. 12:33; 1Тим. 6:17).

Таковы, большей частью, основы, коих держатся почти все нынешние изъяснители мамоны несправедливой. Понятно к каким результатам они могут и должны привести. Иисус Христос, – так пишут Германские комментаторы, – называя богатство несправедливым, и теперь имел в виду тоже общее свойство всех благ видимых и временных, которое высказывал Он прежде, противопоставляя сокровища земные небесным (Мф. 6:19,20; Лук. 12:33). То есть, Иисус Христос, словом: неправды, и теперь указывал на жалкую суетность богатства видимого и на его обманчивость, так что выражение: мамона неправды, тоже значит, что богатство лживое и непостоянное, богатство изменчивое и ненадежное, как потому, что подвержено тлению и расхищению, так и потому, что далеко не вознаграждает всех трудов, забот и беспокойств приобретающих его, – далеко не оправдывает ожиданий поклонников своих, и не только не вводит их в искомый на земли рай сладости, но и ввергает в разные искушения и напасти, оканчивающиеся почти всегда всегубительством и пагубой (1Тим. 6:9).

Понятно, что подобному толкованию нельзя отказать ни в последовательности, ни в стройности; за всем тем принять его трудно, и прежде всего, потому, что оно ниспровергает, без всякой нужды, настоящее и подлинное значение главного толкуемого термина. Кто из филологов не знает, что ἀδικία собственно значит неправда, а не ложь, и что его суть

понятия синонимические, но отнюдь не тождественные? Неправда есть отсутствие правды во всем, но преимущественно, в наших нравственных делах и поступках, а ложь – отсутствие правды только в словах. Не отвергаю, что названные речения, частью, по близкому синонимическому родству между собой, а частью потому, что математическая точность в слововыражении не всегда возможна, иногда заменяют себя взаимно; но это не значит, что, после сего, слово ἀδικία нигде уже не может и не должно удерживать своего собственного и коренного знаменования. А если может, то, когда и где, если не там, где видимо идет речь об отсутствии правды не в словах, а в делах, – где сейчас лишь говорено было о поступке человека, усвоившего себе воровски известную долю имущества, ему не принадлежавшего, – и говорено перед такими личностями, которые и сами, обогащаясь средствами подобными, имели нужду в наставлении, относительно своих имуществ, нажитых неправдой?

Кроме того, в общем выводе из приведенных данных, допущена значительная неверность относительно последнего основного пункта. Спаситель, говорят, касаясь богатства и земных сокровищ в других местах, изображал их непостоянными и гибнущими, а следовательно, и здесь, определяя богатство словом неправды, Он разумел тоже. Нужно ли говорить, как здесь очевидна несостоятельность вывода, – как заметен в нем этот saltus in argumentando? Христос Господь, действительно, так изображал богатство в нагорной беседе; но когда там угодно было Ему изобразить тленность и ненадежность земных сокровищ, входящих в состав богатства, то Он и говорил об этом, так близко к выражаемым понятиям, что слова Его буквально указывали на те свойства: не скрывайте себе, сокровищ на земли, идиже червь и тля тлит, и идиже татие подкапывают и крадут (Мф. 6:19). Имея это в виду, не в праве ли каждый подумать, что, если бы Господу угодно было, и в притче обозначить ту же тленность и ту же ненадежность богатства то почему бы Ему и в ней не употребить таких слов, кои буквальнее подходили бы к выражению названных свойств? Почему бы, и здесь не употребить, например, эпитета: ἀπολλύμενος (гиблющий), коим Сам же Он некогда характеризовал земное, обычное брашно (Иоан. 6:27), или слова: ἀδηλότης, коим св. Павел (1Тим. 6:17) выражал, в свое время, неверность богатства (ἀδηλότης – неизвестность, неверность, ненадежность; существительное в родительном падеже и здесь вместо прилагательного). Между тем, ни того, ни другого Господь не благоволил употребить, а употребил слово: ἀδικίας – такое слово, которое относительно свойств богатства, лишено всякого смысла, но оно вполне удерживает свой смысл и силу относительно средств, коими

многие из людей обогащаются, и кои, как известно, бывают законны и незаконны, праведны и неправедны. И вот причина, почему термин ὀδίκη в приложении к богатству, нигде в других местах, не только в Новом Завете, но и во всей Библии не встречается⁷⁴.

Впрочем, как бы то ни было, но мы положительно заявляем, что слово ὀδίκη здесь должно быть принимаемо не в синонимическом, боковом смысле, а в коренном и собственном, поскольку оно означает неправедность богатства, относительно его приобретения средствами неправедными. Такого именно понимания требует: а) первоначальное значение слова: ὀδίκη, по коему оно (слово) есть неправда, относящаяся к свободным, нравственным и живым поступкам человека, а не к мертвым свойствам бессознательного вещества; б) строгая и верная параллель между повествовательной частью притчи и ее нравоучением, – параллель, состоящая в том, что там изображается приставник, который, отчислив в свою пользу значительную долю имущества ему не принадлежавшего, и таким образом, обогатившись неправедно, употребил, однако, неправедное богатство весьма благоразумно, – употребил на приобретение друзей, чтобы через них спасти себя от неминуемой гибели: здесь (в нравоучении) одобряется и заповедуется благоразумие; относительно того же предмета, но благоразумие высшее в том отношении, что богатством нажитым неправедно советуется приобретать друзей, чтобы через них спасти себя от гибели не временной а вечной; в) герменевтические обстоятельства, среди которых притча была сказана; именно: побуждение и цель; побуждение – исправить ученика из числа двенадцати, не по совести, и следственно неправедно, заведовавшего вверяемыми ему суммами; цель – указать ему и личностям его прикрывавшим, средство, умилоствить правду Божию тем самым имуществом, которое нажито неправедно; г) нарочитые, более уважаемые и более самостоятельные толковники усвоили здесь слову ὀδίκη значение первоначальное и собственное: так, Беза, выражение: «от мамоны неправды» переводит ех *mamona iniusto*, а блаженный Иероним: *de mamona iniquitatis*⁷⁵.

Да егда оскудеете примут вы в вечные кровы (ст. 9). Оскудеете – ἐκλίπητε, Греческий глагол – ἐκλίπειν (недоставать, ощущать недостаток, истощиваться и истощивать), имея двоякое знаменование, и более действительное, чем среднее, ставит ерминевтов в некоторое разногласие относительно своей этимологической формы или того, как его читать. Должно заметить, что это слово в большей части греческих кодексов, читается так, как читаем его и мы (ἐκλίπητε); но есть кодексы (и очень древние), в коих вместо ἐκλίπητε стоит ἐκλίπη, – оскудеет, будет

недоставать или истощится⁷⁶. В сиро-халдейском Новом Завете тоже самое; вместо: темитун (оскудеете) читается: тимли (оскудеет)⁷⁷. Само собой следует, что одни из толковников держатся одного, а другие – другого чтения.

Разность в чтении произошла, по объяснению некоторых⁷⁸ от того что в иных из древних кодексов, после слова ἐκλίλειν следовала частица δε; но позднейшие переписчики, не сознавая в ней нужды, переменили ее на τε, и таким образом, из двух слов (ἐκλίλη δὲ) составилось одно (ἐκλίλητε).

Кроме того, глагол ἐκλίλειν, по среднедействительному своему значению требует грамматического дополнения, если не выраженного, то подразумеваемого. Здесь новый камень преткновения для комментаторов. Одни, основываясь на том, что у греческих писателей в качестве дополнения к означенному глаголу, нередко встречаются слова: τὸν βίον (жизнь), τὸ ζῆν (жить, житие), τὴν ψυχὴν (душу), думают, что здесь подразумевается: жизнь, или жизненной силы, и дают толкуемому слову значение такое: когда оскудеет (ἐκλίλητε) в жизненных силах (умрете), или же: когда оскудеет (ἐκλίλη) в вас жизнь. Другие, имея в виду, что перед глаголом: оскудеете, ни которого из указанных дополнений нет, а между тем, перед ним только что упомянуто было о богатстве, коим должно приобретать друзей, полагают, что это богатство и подразумевать должно, а в сообразность такому пониманию, и смысл слову ἐκλίλειν дают такой: когда вы оскудеете в богатстве (раздадите все) или, когда оскудеет у вас богатство.

Но очевидно, что все эти разноречия очень неважны, ибо принят ли глагол в числе единственном, или во множественном, подразумевать ли при нем: жизнь или богатство, мысль останется та же; разнообразятся только грамматические формы, в коих она будет выражаться. Итак, удерживая чтение тех греческих кодексов, с коих сделаны наши переводы славянский и русский, а из дополнений, допуская даже оба (оба они совместны одно с другим), будем иметь в толкуемом слове смысл следующий: чтобы они, когда вы оскудеете в имуществе (раздавая его) и в силах жизненных (состарившись и умирая), приняли вас в вечные кровы, или обители.

Здесь конец разъяснениям стиха девятого, содержащего в себе начало нравоучения. О том, что такое вечные кровы, в чем состоит принятие в них мудрых и щедродательных нищелюбцев, кто и когда их будет принимать, мы не будем здесь распространяться: все подобные вопросы, более или менее, уже входили в рассуждение при объяснении слова: други. Но, заключая названный стих, не может не коснуться сущности тех

расследований, кои сделаны нами, как здесь в «изъяснении притчи», так и при ее «обозрении», и коих крайние результаты могут быть представлены в следующих отдельных положениях.

1) Нравоучение девятого стиха есть непосредственный и самый прямой вывод из исторической части притчи, и должно быть понимаемо в смысле собственном. Ирония здесь не мыслима. Допущение иронии в таком месте нравственного урока было бы несообразно как с характером учения о вечном спасении, так и с обилием благодати и истины, коими безмерно исполнен был Тот, Кто изрек притчу (Иоан. 1:14).

2) Изложение нравоучения таково, что оно, по внешней форме, поставлено в ближайшее соотношение и соответствие с повествованием притчи, а внутренним содержанием направлено и приспособлено, перее всего, к мытарям, потом, к злощастному Иуде, а затем, и ко всем богачам неправедным. Из сего само собой следует, что в намерении Спасителя не исключались из числа слушателей и фарисеи с книжниками.

3) Перечисленные личности не исключительно одни могли извлекать назидание из урока притчи. Те из богатых, кои обогащались средствами не неправедными, также могли и должны были пользоваться сим наставлением, только с небольшой разностью. Для них сила урока падала не на качество богатства относительно средства, коими оно наживалось, а на само богатство. В богатстве, какое бы оно ни было, они видели верное средство приобрести благодетельных друзей и вечные кровы. Если же им приходило на мысль и качество богатства, то честный труд и добросовестность, коими оно приобреталось, служили к укреплению и к возвышению в них духа самоотвержения. Чем чище и безукоризненнее была жертва, приносимая во благо немощной братии: тем более представлялось задатков и ручательств, что праведный Мздовоздаятель не отринет ее, но примет в воню благоухания, как жертву благоприятную Богу Иисусом Христом (Филип. 4:18; 1Петр. 2:5).

4) К ближайшим ученикам Христовым или Апостолам (кроме Иуды), рассматриваемое нравоучение не могло иметь никакого отношения и не имело. Для них готовился урок особый, – урок, касавшийся того же предмета и служивший продолжением нравоучения, но относившийся к одним Апостолам, а потому и изложенный в особом виде, – в виде дополнения; он заключается в трех следующих стихах (10–12), и с точки зрения, нами принятой, не содержит в себе ничего трудного к уразумению.

Ст. 10. Верный в мале, и во мнозе верен есть: и неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть. Последняя цель притчи, как мы видели, состояла в том, чтобы вразумить и исправить неверного ученика,

начавшего уклоняться от того Евангельского бесстрастия, которое должно было служить для него существенным условием, и даже основой его высокого служения. В видах сего, в стихе девятом указано было, каким образом Иуда мог тем же самым приобретением, которое стяжал неправедно, умиловать Бога за грех утайки общинных денег, и возратить себе благодать Божию и достоинство Апостола. Но это указание относилось не к одному ему. Оно обнимало многих из слушателей, а к иным из них (к мытарям), относилось даже ближе и буквально, чем к Иуде. Теперь следует нравоучение, которое служа продолжением начатого в стихе предыдущем, имело ближайшее и непосредственное отношение к Иуде, хотя, впрочем, и других Апостолов оно не только не исключало в известном отношении, но и близко касалось всех их. Для Иуды, оно служило, прежде всего, побуждением неотложно воспользоваться высказанным перед сим наставлением и отрешиться от неправедного стяжания, а затем и предохранением его же от поползновения к сребролюбию на будущее время. Относительно прочих учеников, это было не более, как повторение урока о нелюбостязательности, который ими не раз уже был слышен. И вот, этому уроку предшествует изречение (верный в мале, и во мнозе верен и проч.), – изречение, имеющее вид общенародной аксиомы, или присловия и составляющее, как бы, первую посылку следующего за ним условного силлогизма. Содержащаяся в нем мысль, и без пояснения понятна: но для выражений: в мале, во мнозе, – пояснение не излишне.

В мале – ἐν ἐλαχίστῳ. Греческое слово стоит в превосходной степени (в наималейшем); между тем, иные принимают эту степень за простую, положительную⁷⁹, частью потому, что в некоторых кодексах, вместо: ἐν ἐλαχίστῳ читается ἐν ὀλίγῳ (в малом), а частью потому, что выражению ἐν ἐλαχίστῳ, тут же сопоставляется положительное выражение: ἐν πολλῷ (во многом). Зато, другие⁸⁰, признавая превосходную степень за настоящее, правильное чтение, не только вполне удерживают значение ей требуемое, но и выражению: ἐν πολλῷ дают знаменование усиленное, предполагая в нем степень, если не превосходную, то сравнительную⁸¹. И это последнее вовсе не без основания. Греческое: πολὺς соответствует еврейскому: раб великий, многий, – а еврейское: раб (особенно сирохалдейское раба⁸², по свойству первобытных языков, не имеет особых форм для выражения так называемых степеней; та же степень положительная выражает, когда нужно, и высшие степени, сравнительную⁸³ и даже превосходную⁸⁴.

Имея это в виду, нельзя не согласиться, что последнее чтение и понимание, слов рассматриваемых, вернее и согласнее с контекстом. Да и

с целью притчи оно сообразнее. Не раз было говорено, что Спасатель, произнося притчу, имел в виду Иуду, увлекшегося сребролюбием. Допустив это, не трудно понять, что слова: ἐν ἐλαχίσῳ и ἐν πολλῷ, должны иметь и имеют отношение к благам двух родов, из коих одни – крайне незначительны, а другие – весьма важны и драгоценны, и что само изречение, к которому оба слова принадлежат, не есть только школьная, передовая тема (посылка), но и предначинательное вразумление Иуды, что он, заботясь о кровах временных, опустил из виду – вечные, и что стяжанием сокровищ самонаималейших и пустых заградил себе доступ к получению сокровища величайшего и ни с чем несравнимого.

Ст. 11, 12. Аще убо в неправеднем имении верни не бысте, во истиннем кто вам веру имет. И аще в чужем верни не бысте, ваше кто вам даст. Что словами: в мале, во мнозе (ст. 10) прикровенно указывалось на два рода благ, или на два, одно другому противоположных, богатства, неоспоримым тому доказательством служат приведенные стихи (11, 12). Названное выше малым (правильнее: наималейшим) здесь именуется неправедным и чужим, а то, что там названо многим (вместо: великим), здесь поименовано: истинным и вашим (относительно Апостолов); в дополнение же всего, употреблено (в ст. 11) и само слово: богатство или имение.

В неправеднем имении (ἐν τῷ ἀδίκῳ μαμνῶν). Судя потому, что в этом же стихе, имению неправедному противопоставляется: истинное (τὸ ἀληθινὸν), весьма справедливо заключают, что прилагательное: неправедный здесь употреблено в значении: неистинный, и следственно выражение: богатство неправедное, означает: богатство не истинное, – а это, тоже, что и богатство неверное, непостоянное, лживое и обманчивое, или же, богатство не подлинное, не настоящее, не то, которое предназначено кому-либо в удел, тем паче, не то, для приобретения коего непременно нужно столько жертв всякого рода, – столько забот, беспокойств, трудов и усилий. Понятно, что здесь разумеется богатство обыкновенное, или же земное и вещественное, к которому высказанные предикаты – те и другие – относятся во всей полноте. Кому не известно, что большая часть людей так пристращаются к благам видимым, что готовы для них жертвовать не только спокойствием, здоровьем и силами, но под час, и честью, и спасением, тогда как никакие блага мира, никакие сокровища не стоят, по их брэнности и изменчивости, ни домогательств, столь безмерных, ни трудов, столь неутомимых и изнурительных.

Богатство истинное, как противоположное неистинному, определяется само собой, и во всяком случае состоит из благ невидимых,

духовных и благодатных. Говоря вообще, это есть то сокровище небесное, которое будучи и на земле, не подлежит ни порче, ни расхищению (Мф. 6:20), а на небе тем более, оно нетленно и неувядаемо (1Петр. 1:4; Еф. 1:18). Оно, как и земное, разнообразно и многообразно; многообразно и по множеству дарований благодатных, коими Бог богатый в милости силен есть обогатить и обогащает всех верующих во имя Его (Еф. 2:4; 2Кор. 9:8), и по разнообразию дел благих, коими облагодатствованные богатеют в Бога (Лук. 12:21), и коими обилуя во всякой благостыни, и правде, и истине (Еф. 5:9), со дня на день растут и совершенствуются, доколе, наконец, не достигнут блаженного участия в неистощимом богатстве славы Божией (Рим. 9:23).

Но тоже ли самое должно разуметь в объясняемом выражении относительно Иуды и прочих учеников Христовых? Почти тоже; разность в том лишь, что все там сказанное, здесь должно понимать эмфатически, – в преимущественной степени и с некоторым дополнением, – сообразно цели их Апостольского служения. То есть, под богатством истинным, в приложении к лику двенадцати, первее всего, должно разуметь, те благодатные осияния от Духа, кои если и были всегда в церкви Божией, то никогда и никому не были сообщаемы в таком обилии и разнообразии, как Апостолам, и кои, по сему, справедливо составляли их исключительную принадлежность. Затем, истинное богатство Апостолов составляло само апостольство, как служение в царстве Христовом чрезвычайное, высокое и славное, – служение, состоявшее в возвещении тайны спасения Божия перед лицом вселенной, и сопровождавшееся знамениями и чудесами, да дело веры во Христа распята совершится и утвердится во всех концах мира, не в словеси токмо истины, но и в силе Божией (2Сол. 1:11; 2Кор. 6:7). И это есть все, из чего, собственно, имело сложиться на земле то богатство для Апостолов, которое Господь теперь называл истинным, в смысле подлежательном и подлежательном. Им-то имели обогатиться провозвестники тайны искупления, и в свое время обогатились настолько, что, будучи и бедны, и нищи обогащали многих, и не имея ничего, владели всем (2Кор. 6:10).

А говорит ли о богатстве иного рода, коего если Спаситель и не имел в виду при настоящем случае, то оно, тем не менее, неотъемлемо принадлежало и принадлежат Апостолам? Говорит ли о тех благах неизреченных, которые благовестникам Христовым особенно уготовляемы были в ином веке, как мзда многа (Мф. 5:12) за их труды и подвиги? Говорит ли о тех венцах правды (2Тим. 4:8), которые ожидали их в небе, и о тех неземных престолах, на которые воссев, они имеют некогда судить

не одним лишь двенадцати коленам Израилевым, но и миру всему и самим Ангелам (Мф. 19:28; 1Кор. 6:2,3)? Само собой следует, что такое обилие воздаяний, предназначенных Апостолам, вместе с обилием дарований, сопровождавших их земное служение, окончательно и вполне составляло то неизживаемое богатство благодати и славы, которое, принадлежа святым благовестникам, как свое, как исключительная их собственность, долженствовало быть и было для них безмерно велико, и столько же истинно и праведно.

Что же касается богатства, слагающегося из элементов земных, т. е. из сокровищ временных и тленных, то понять не трудно, что после перечисленных сокровищ, составлявших удельный жребий Апостолов, и после того, как они, и в уме, и в сердце, имели одного Христа, и одно Евангелие, стихийное богатство не занимало их ни в каком отношении, и было для них совершенно чуждо, как всецело выходявшее из круга служения их слову благодати. Оно могло касаться их и проходить через их руки, как потребность житейская и, в известных случаях, почти неотклонимо приражающаяся к среде живущих на земле, но не могло и не должно было западать в их душу, а еще более, оставаться в их сокровищницах. И замечательно, что св. Апостолы, ощутив в себе божественную силу благодати, призывавшей их к апостольству, как бы тогда же уразумели свой жребий в мире: потому что еще до сошествия на них Святого Духа, они уже носили в себе, и ощущали сознательно дух самоотвержения и отчуждения благ мирских, – ощущали до того, что не обинуясь могли, когда то нужно было, свидетельствоваться перед Сердцеведцем, что они все оставили, дабы идти вслед Ему (Мар. 10:28). Впрочем, это иначе и быть не могло. Земное богатство было и пребудет на все веки достоянием мира. Следственно, тем, кои перестали быть от мира (Иоан. 15:19), оно принадлежать уже не могло, по крайней мере, не могло иметь в их глазах никакой цены. И вот почему златоблестящая персть, столь дорогая и вожделенная для землелюбивых сынов века сего, для посланников Христовых была, с одной стороны, слишком мала, бедна и ничтожна, а с другой, – слишком неистинна, не постоянна и обманчива, чтобы самовидцам Слова животного, сделавшимся причастниками Духа Святого и вкусившим силы грядущего века (Евр. 6:4,5) не считать ее за тщету и уметы (Филип. 3:8).

По определении терминов, находящихся в приведенных (11, 12) стихах и понимаемых не одинаково, смысл нравоучения, направленного собственно к Иуде, но обращенного ко всем ученикам, может быть перифрастически изложен в следующем виде.

Говоря, сотворите себе други от мамоны неправды, я не имел в виду вас, – как бы, так продолжал Господь, озирая Апостолов, – однако же сказанное мной слово не совсем бесприкладно и к среде вашей. У вас есть своего рода имущество. Я разумею ваш денежный ящик, – эту небольшую корвану, в которую благочестивое усердие слушателей вметает по временам, во имя Божие, некоторые лепты. При этом имуществе есть и приставник из среды вас. Он заведовает сборными подаяниями, то иждивая их на наши общие нужды, то уделяя от них нищим (Иоан. 13:29). Бесспорно, что эти лепты составляют достояние самое малое, но не об этом слово. И малое само в себе, может иметь, и имеет не малое значение в том отношении, что оно служит, как бы, мерилom апостольства: верный в малом, верен будет и во многом. Не опускайте из виду, что не это только убогое стяжание, но и все блага земные недостойны вас и вам не принадлежат, потому что слишком бренны и тщетны, чтобы вам о них заботиться. Вас ожидают блага иные, существенные и вечнотленные. Они одни, в собственном смысле, велики и многоценны; но чем выше, досточтимее и возжеленнее предлежащие вам сокровища, тем испытаннее и несомненнее должна быть ваша верность, ибо неверный в малом, не верен будет и во многом.

А если так, то в случае, когда бы кто из вас, теперь ли, или впоследствии, оказался неверным в чем-либо малом, и притом неистинном, т. е. вам не принадлежащем, а предоставленном только на время, и следственно, для вас не своем, словом: в чем-либо таком, из чего вы, как из чужого, не должны и не вправе делать и правильного употребления по своей воле, а тем паче, – неправильного, своекорыстного, греховного: то думаете ли, что такому вверено будет и то великое сокровище, которое предназначено вам, как настоящее, истинное ваше богатство, как ваш удельный жребий, как ваша неотъемлемая собственность, коей вполне имеете распоряжаться по вашему усмотрению? Думаете ли, что великие дарования Духа Святого, – дарования чрезвычайные, неоцененные и ни с чем несравнимые, даны будут и тому из вас, кто, прельстившись подаяниями людскими, скудными, бренными, ничтожными, обнаружил бы явную недобросовестность в заведовании ими? Вы имеете возвестить миру непостижимую тайну искупления; и вот, для сего дадутся вам такие уста и такая премудрость, что им не возмогут противостать никакие мудрецы мира (Лук. 21:15); для сего же ниспошлются вам разные дары, – дары пророчества, распознавания духов, разных языков и истолкования языков (1Кор. 12:10); но и это не все. На вас, как на живые органы благодати и

всемогущества Божия низойдет свыше и исполнит дух ваш непреоборимая сила чудес и знамений (Рим. 15:19). Подумайте же, что было бы с вами, когда бы мир лукавый успел растлить ваше сердце похотью очес и омрачить дух ваш пристрастием к благам тленным еще до принятия вами сокровищ духовных? Что было бы с самим миром, с человечеством, спасению коего мы призваны послужить, когда бы вы вышли на проповедь Евангельскую, с одной стороны, облеченные дивной силой слова и дела, а с другой, – зараженные злосмрадной проказой любостяжания? Какое страшное святотатство, какое Христоубийственное извращение самых мудрых и благих намерений Творческих внесли бы вы в великое дело искупления и восстановления человечества, когда бы и слово благодати, и дары исцелений и дивные знамения обратили не в подкрепление и распространение истин Евангельских, а в стяжание и преумножение своей неправедной мамоны? Известен ли вам пример, бывший некогда в церкви Божией? Сын Восоров, обольстившись мздой неправедной (2Петр. 2:15; Иуд. 11), умыслил воспользоваться даром пророчества, как средством к обогащению себя земными сокровищами. Чего стоило предотвратить зло, которое мог он нанести народу Божию в видах стяжания благ бранных. Ни ослица проглаголавшая, ни Ангел-меченосец (Исх. 22:28–35) не вразумили его отказаться от тайных и преступных надежд и ожиданий. Один лишь всемогущий перст Божий, воздействовав непосредственно, мог заградить его уста, чтобы, остановив глаголы сердца лукавнующего, извести из его пророческого духа слово благое и угодное Вседержителю (Исх. 23–24). Но зло, могущее произойти от злоупотребления дарами Апостольства, несравненно пагубнее, глубже и неотвратимее. Оно обняло бы не известное только время, и не один народ и страну, но всю вселенную, все человечество и все последующее веки. Вот почему богатство великое, истинное и вам одним предназначенное, не будет дано тому из вас, кто не пребыл бы верным приставником относительно имущества малого, неистинного и чуждого для вас.

Ст. 13. Некий же раб может двема господинома работати: ибо или единого возненавидит, а другого возлюбит, или единого держится, о друзьям же нерадети начнет. Не можете Богу работати и мамоне. Окончательное заключение притчи, объединяющее и обобщающее предшествующие выводы. Оно имеет вид, или энтимемы⁸⁵, с опущением меньшей посылки и с придачей причины, к большей, или же, сравнительного периода, только без частиц⁸⁶, составляющих внешнюю характеристику сравнения. Впрочем, примем ли то, примем ли другое, мысль останется та же, и сама в себе, довольно понятна; требуют

пояснения некоторые только термины, коими она выражена:

Двема господином. Под этим выражением должно разуместь двух владык разнородных и разнокачественных, или, говоря словами св. Златоуста, «двух господ, дающих повеления противоположные⁸⁷». Два господина, одно мыслящие, одного желающие и к одному стремящиеся, могут оставаться двумя отдельными личностями, но не будут составлять двух различных начал и двух противодействующих властей.

Работать (δοῦλεύειν). Значение греческого глагола, по употреблению его в священном Писании, и особенно в приложении к Богу, большей частью таково: служить с полным усердием, исполняя все приказания точно, благопокорливо и с преданностью. Отселе раб (δοῦλος) есть такой слуга, который всецело принадлежит воле своего господина. Таковыми рабами, в деле служения Богу, были Пророки и Апостолы, из коих первые, служа Иегове и во всем завися от Его воли, и называли себя – авдей адонай – рабами Господа (Иис. Нав. 1:1; Псал. 142:12), а последние, будучи избраны и посланы на проповедь Евангельскую Спасителем Христом, признавали себя и называли – рабами Христовыми (Иак. 1:1,2; Петр. 1:1; Рим. 1:1). Что при таком значении слова: δοῦλεύειν невозможно служить двум господам, как двум началам противоположным, это явствует само собой.

Или единого возненавидит (μισήσει), а другого возлюбит (ἀγαπήσει). Глагол μισεῖν значит собственно ненавидеть; но он же и в Ветхом и в Новом Завете нередко употребляется в значении: недолго любить, или, любить одного менее, чем другого. В таком значении должно понимать это слово, например, в учении Христовом о самоотвержении: аще кто грядет ко мне и не возненавидит отца, или мать и проч.⁸⁸ (Лук. 14:26). Иначе, учение Спасителя было бы в прямом противоречии с пятой заповедью десятословия: чти отца твоего и мать твою. Глагол ἀγαπᾶν собственно любить; но по противоположности с глаголом предыдущим, и в соответствие ослабленному знаменованию последнего, можно принимать его в значении усиленном, – в значении: любить одного более, чем другого, или, предпочитать одного другому. Не одинаковые значения обоих глаголов, конечно, дают и смысл неодинаковый. Тот и другой, при значении первом, собственном, дают смысл такой: «один (из господ) будет предметом ненависти и отвращения, а другой – любви и расположения; при значении же втором, не собственном – смысл следующий: один будет любим менее, а другой – более.

Что служение двум властелинам невозможно и несовместно в одном субъекте служащем, когда он одного из них любит и уважает, а другого

ненавидит до отвращения, это несомненно (можно ли служить по совести, служить усердно и верно тому, кого отвращаемся?). Но нельзя сказать безусловно, чтобы это же служение было невозможно и тогда, когда служащий двум владыкам будет расположен к ним – обоим только не в одинаковой степени, т. е. к одному менее, а к другому более. Служение равное и одинаковое, как по предметам, так и по времени службы, а еще более, по усердию и преданности, конечно и здесь невозможно и не мыслимо; но служение с предпочтением одного другому, – служение с большей горячностью, с большим радушием и услужливостью одному, чем другому, не невозможно, даже и тогда, когда под господами притчи разуметь обыкновенных господ из среды людей. Если же разуметь (как и должно) Бога и мамону, то служение им, как разновременное и разнородное, кажется еще более совместным. Кому не известно, что большая часть людей, действительно, так и живут, что, служа и поклоняясь верховному Зиждителю и Промыслителю всей твари, не оставляют, в свою череду, поклонения и тельцу златому, или, что то же: веруя в Бога и благоугождая перед Ним, по возможности, не небрегут о стяжании и благ мирских⁸⁹, – не небрегут настолько, насколько богатство видимое считается одним из первых условий жизни беспечальной и безбедной. Впрочем, что бы ни говорил нам опыт в подтверждение смысла последнего, но едва ли можно думать, что Спаситель имел его в виду, изрекая притчу и нравоучение. Да и следующие за тем выражения заставляют держаться в обоих глаголах значения, более первого и коренного, чем второстепенного и менее собственного.

Или единаго держится (ἀνθέξεται), о друзем же нерадети начнет (καταφρονήσει). Греческое – ἀντέχεσθαι – вообще значит: пещися, заботиться о чем-либо, прилежать, прилепляться к чему-либо⁹⁰, а в приложении к слугам и их служебным занятиям: с заботливостью и прилежанием исполнять приказания, даемые господами. Глагол – καταφρονεῖν – собственно значит: презирать, а по силе противоположности его с глаголом предыдущим: быть небрежным, нерадивым. Относительно слуг, оба значения могут быть совмещены, как соподчиненные одно другому и синонимические: не оказывать должного уважения, презирать, и вследствие того, нерадеть о презираемом, не обращать на него никакого внимания. При таком значении слов – ἀντέχεσθαι и καταφρονεῖν нельзя не видеть, что оба они вполне соответствуют предшествовавшим глаголам: «ἀγαπᾶν и μισεῖν – соответствуют как по намерению самого Спасителя, имевшего в виду взаимно пояснить их – одни другими, так и потому наиболее, что те и другие – совершенно тождественны. А это ведет к

заклучению, что предыдущие выражения: или единого возненавидит, а другого возлюбит, имеют и должны иметь значение первоначальное и более собственное.

Не можете Богу работати и мамоне. Что слово мамона – означает и богатство земное и бога богатства, или идола, об этом уже говорено было; что же касается того, в котором из двух знаменованій должно принимать его здесь, к сему ведут следующие соображения: а) слово – мамона – буквально и категорически противопоставляется Богу, как существу, коему принадлежит служение, почтение и поклонение; б) в начальных словах стиха говорится о двух господинах, из коих, бесспорно, под одним разумеется Бог, а под другим – мамона⁹¹, и с) Бог и мамона так здесь сопоставлены, что к тому и другому одинаково относится, в качестве предиката, глагол – работать, или служить. Имея это в виду, нельзя отвергать мнения тех, кои здесь думают видеть идола или мнимого бога богатства⁹², – того бога, который у язычествовавших греков известен был под названием *πλοῦτος*. Впрочем, если принять слово – мамона – и в значении богатства, как утверждают другие⁹³, то смысл речи останется совершенно тот же⁹⁴.

Сообразив все высказанные пояснения, относящиеся к стиху толкуемому, мы будем иметь в нем, как последнем выводе притчи, такую мысль: никакой слуга не может с одинаковым участием, преданностью и расположением исполнять в одно время приказаний двух владык разнородных и разнокачественных: потому что, или, с одним он не сойдется и будет питать к нему дух неприязни, а к другому расположится и полюбит его, или, что то же, одного будет держаться с должной почтительностью, и будет заботиться о нем и наблюдать все его интересы, а другого – уклоняться, как противного, не радеть о нем и вообще относиться к нему неуважительно и с презорством. После сего думаете ли вы, что для кого бы ни было, возможно служить Богу живому и крепкому, чествовать Его в духе святости и исполнять Его волю со страхом сыновним, – и в то же время, раболепствовать перед бездушным, истуканом, жертвовать ему умом, сердцем, спокойствием, силами, здоровьем, короче, жертвовать всем, чтобы умиловить мнимое божество, в видах обогащения мирскими благами? Тем паче, думаете ли, что для вас – Апостолов – возможно такое раздвоенное, храмлющее на обе плесне (3Цар. 18:21), служение Богу и мамоне? Добровольно отказавшись от мира и благ его, вы пошли за Мной с тем, чтобы вам принести и выполнить службу Богу (Иоан. 16:2), – службу, сколько чрезвычайную и важную по своим последствиям, столько же трудную и святую. На вас

лежит: озарить благодатным светом сидящих во тьме и сени смертной, и возвестить им славу Божию и примирение земли с небом; на вас лежит указать грешникам путь к оправданию перед Богом и к воссоединению с Ним в блаженной вечности; на вас лежит отвлечь оземленевший дух их от грешной земли и бранных благ ее; на вас лежит ободрить, одуховить и направить к небу и к наследию в нем сокровищ и венцов нетленных (1Кор. 9:25); словом, на вас лежит, вдохнуть в обумершее человечество новую жизнь, новые силы, новые желания и стремления к исканию царствия Божия и той Его правды, которая должна послужить здесь основой мира и радости о Дусе Святе, а там, – блаженного лицезрения Божия и живота нескончаемого (Лук. 10:42; Мф. 6:33; Евр. 7:16). Ужели выдумаете, что при такой духовной высоте Евангельского служения всемогущему и всеблагому Содетелю всяческих, вам можно будет взять на себя слежение и тленному идолу богатства, – служение низкое, нечестивое, языческое?

Да и к чему вам богатство? Иное дело – сыны века сего. Принадлежат к миру, и живя в нем жизнью оседлой, семейной и общенародной, не только сами они, но и кровные их, не говоря об оброках и податях, коими все обязаны правительству, имеют нужду и в крове, и в пище, и в других необходимых потребностях. Итак, когда они заботятся о стяжаниях, то это еще не противно намерениям всеверховного Промыслителя, тем паче, не несовместно с служением, Ему подобающим, если только заботы о земном не чрезмерны и не ослабляют попечения о едином на потребу⁹⁵. Но вы, оставив мир, оставили в нем отцов и матерей, жен и детей, друзей и присных, – оставили всех и все и посвятили себя всецело на служение Богу и ближнему. Для чего же вам стяжания? – Чтобы иметь пищу и одежду? – Но разве вы забыли, что всякий делатель достоин мзды своея (Мф. 10:10.)? Оглашая концы мира глаголами жизни и спасения, вы встретите в среде его и жестоковыйных и необрезанных сердцем и утесы (Деян. 7:51), которые готовы будут влачить вас и в судилища, и в темницы, и на смерть: но в этой же среде гонителей вы найдете и таких, кои, приняв сердцем ваше благовестие, примут и вас самих, и не только оградят вас от злобы и насилия, но и введут под свой кров, чтобы препитать вас и упокоить. Да и Отец небесный, соблюдая вас от неприязни во имя свое (Иоан. 17:11,15) – соблюдая до того, что и власы глав ваших перед Ним исочтени суть (Мф. 10:30), ужели не подаст вам насущного хлеба и одежды, когда Он – премудрый и благий – и вранов питает и полевую траву одевает (Лук. 12:24,27,28)?

Напечатлейте же на сердцах ваших последнее слово урока сего. Не ко

всем званным, а только к избранным говорю его – говорю его к вам, как моим Апостолам: любя Господа Бога всем сердцем, всею душою и всею мыслью (Мф. 22:37), служите ему единому с полным самоотвержением и достойно; положитесь на Него во всех случаях жизни нашей и, отрешившись вполне от всех забот мирских и житейских, не служите мамоне ни в каком виде и никаким образом. Под всемогущей охраной Духа Утешителя, и при непрерывном присутствии Его с вами и в вас, вам не нужны, не говорю, серебро и золото, но и мелкая монета при поясе, и верхняя одежда для пути, и запасной дорожный посох (Мф. 10:9,10). Имеяй уши слышати да слышит.

Заключение

Что притча о домоприставнике, и в наше время, как и всегда, знаменательна и поучительна, это не подлежит сомнению. Ибо, если о глаголе Господнем изреченном древле в пророцех, сказано, что он пребывает во веки (Ис. 40:8; 1Петр. 1:25): то не тем ли более должно быть живым и действенным на все времена и веки, то слово Божие, которое в последок дней проглаголано нам в Сыне (Евр. 1:1,2)? Да и не это ли слово, сказанное Словом ипостасным и присносущным, по преимуществу, может и должно удерживать в себе ту животворную остроту, по коей оно всегда способно проникать слушающих до разделения в них души же и духа членов же и мозгов (Евр. 4:12)? А личный предмет притчи не тот ли же и ныне, что был во времена Христовы? Фарисеи, мытари и сами Апостолы не существуют в среде современной только тем, что в них было исторического и личного, а тем, что в них же было человеческого и существенного, живут и будут жить до конца времен. И ныне есть во всех сословиях люди, кои сребролюбцы суще, до того алчут обогащения, что не обинуясь готовы бы поядать дома вдовиц (Лук. 16:14; 20:47), лишь бы это прикрито было какой-либо благовидностью. И между нами есть всякого рода сборщики, приставники, и приказчики, словом, мытари и грешники, кои, раболепствуя идолу златому до забвения Бога и жизни загробной, не страшатся богатеть и наживаться утайкой, обманом и всякими неправдами. Что все подобные корыстолюбцы рабски служат мамоне неправды в видах приобретения себе покойных кровов, это также верно, как и то что вещественные кровы, воздвигаемые неправдой, пригодны только на время и для земли, а там, в вечной жизни, до того они не способны покоить своих домовладык, что превращаются для них в смрадные жилища, пылающие огнем и жупелом, и составляющие неистощимый источник адских страданий, среди непрестающего плача и скрежета зубного. Что же может спасти несчастных лихоимцев от страшного огня геенского? Ничто, если сами они не поспешат воспользоваться главным уроком притчи, – не поспешат, оплакав лихоимание, сотворить себе известных друзей от своей мамоны неправды. Благовременное и смиренномудрое содружество неправедных стяжателей с убогими страдальцами, одно может изменить их вечные муки во аде, на нескончаемые радости перед лицом Божиим. Ибо, когда, истощится земная жизнь их, то молитвы о них, как о своих благодетелях, молитвы убогих – этой меньшей братии Христовой – не допустят им низринуться

во мрак кромешный, но преселят их на небо, где сонмы Ангелов и святых примут их в богосветлые кровы, в коих блаженствуют сами. Да одно только милосердие и сострадание к бедным может помиловать на суде Божиим (Иак. 2:13) и оправдать неправедных любостыжателей.

О тех, кои обоготворяются средствами не неправедными т. е. благословенным трудом и бережливостью, распространяться здесь не считаем уместным. Обстоятельное приложение к ним притчи, есть дело, если и не трудное, то довольно обширное и составляющее прямой предмет церковной кафедры. А что и для таковых нравственный урок притчи поучителен и обязателен, приводим слова св. Златоуста: «хочешь ли соорудить пространные и великолепные дома? Не воспрещая, только не на земле, а созижди себе скинии нераззоряемые на небесах, созижди, не прилагая сердца своего к богатству, и раздавая оное нищим»⁹⁶.

Дело Апостольского служения в церкви Христовой продолжается и ныне, потому что Христос – Глава церкви – имеет пребывать с ней и в ней, до окончания века. Современная нам церковь, далеко не то по своему объему, что она же была под видимой Главой. С преумножением словесного стада Христова, умножились в нем и пастыри, – умножились преемники власти и служения Апостольского – епископы, умножились и сотрудники их – пресвитеры и диаконы. Но во множестве званых, не все избранные. Таким образом, те, кои мняся стояти о Господе, действительно стоят и пасут еже в них стадо Божие, не лихоиманием омрачаясь, но бескорыстием сияя, и образы бывая стаду, (1Петр. 5:2,3), – те пусть благодарят Господа, даровавшего им дух Евангельского бесстрастия и блюдут себя, да не падут, а паче да возрастают во благодати самоотвержения, смиренномудрия и сострадания к неимущим. Богатства высшего, невидимого и состоящего в благодати сугубого освящения, они уже сподобились в проручествовании, и это неоцененное сокровище носят уже в своих скудельных сосудах (2Тим. 1:6; 2Кор. 4:7.). Остается им пребыть пожизненно верными в этом великом, истинном и сделавшемся для них своим, даровании, да сила Божия, преизбыточествуя в них и чрез них к созданию церкви (1Кор. 14:5), соделает их в свое время причастниками в безмерном избытке и вечных славы (2Кор. 4:17).

Что же касается тех из священноначальствующих во вселенской церкви, кои, приемля в ней подобно Иуде, жребий высшего служения, являются, как и этот Апостол, не совсем свободными духа сребролюбия, и пастырствуют в среде овец своих, не столько имея в виду изведение их на спасительные пажити слова Христова, сколько обогащение себя от их руна и млека: то да помянут таковые, что огонь св. ревности о спасении братьев

своих, хотя бы он, по началу, и благодатью вожден был в них, не может гореть в сердце заглушаемом и подавляемом печальми века сего и лестью богатства (Марк. 4:19), и что они, святотатственно извращая великое дело домостроительства Божия о спасении мира, творят грех тяжкий, – грех на Святого Духа, и подвергаются опасности, скорее излить из рассевшегося чрева вся утробы своя (Деян. 1:18), чем совместить в своем лице несовместимое, – совместить служение Богу и мамоне.

Но житейский быт иерархов христианских, какой бы страны и исповедания они ни были, в наше время, все-таки более обеспечен, чем этот же быт их сотрудников и сослужителей. Из сего понять не трудно, что опасение нравственных претканий, перед обаятельным блеском золотого кумира, не столько относится к самим предстоятелям церкви, сколько к среде эфемерных тружеников в ней, кои ближайшим образом служат алтарю Христову, алтарем же и питаются. Должно заметить, что питание от святилища, делаемое священная, заимствованно от церкви подзаконной и введено в завет благодати Апостолами не без повеления Божия (1Кор. 9:13). Оно носит тип первовековой, патриархальной простоты и братской общительности, направленной к взаимному сближению и поддержанию духа веры и любви в дающих и приемлющих. Но от умножения ли в недрах христианства духа не христианского, по проречению самого Христа и Апостолов (Мф. 24:12; Лук. 18:8; 2Тим. 3:1,2; 2Петр. 3:3), или от неизбежного изменения условий внешней, общественной и международной жизни в государствах, христианских и не христианских, названное средство более и более, как бы, стареет и становится не соответствующим ни цели, для коей оно было указано, ни той высоте нравственного достоинства, на коей всегда должны стоять пастыри в среде пасомых.

Говорим это не в видах апологетических, не для того, чтобы, доказав непреткновенность христианских пастырей перед мамоной неправды, возвысить их до той степени бесстрастия, на которую ставит их Слово Божие, а для того, чтобы, с одной стороны, умерить раздражительность обвинительных, большей частью), несправедливых возгласов против духовенства, а с другой, – пояснить, что нет ничего неестественного и дивного в том, если грех любостыжания приражается и к христианству, и даже не к одной среде пасомых, но и к среде пастырей. Кто не знает, что аксиома до христианского мира – *erga humanum est*⁹⁷ – объемлет своим знаменательным смыслом не одно язычество, но более или менее, весь мир и все человечество, будет ли оно в состоянии естественном – в состоянии падения и мрака, или подблагодатном, – в состоянии света и возрождения.

Кому неизвестны жалобные воздыхания самих зиждителей всемирной храмины – церкви Христовой, – самих избранных сосудов благодати, – что закон греховный, внедрившись раз в плотяное человечество, и никогда не умирал в удах его, не умирал и в их членовой плоти, – не умирал и под осенением благодати, оживлявшей и укреплявшей дух их, а не умирая, не преставал и стужит им, сияясь увлечь их в свой плен (Рим. 7:22,24).

Но если так с сосудами крепкими, то что сказать о немощных? Должно ли удивляться, что избираемые на чреду служения алтарю Христову из обыкновенной массы верующих, не изъемятся из-под пагубного влияния того же закона греховного? Да и не должно ли все это так и быть, когда благодать священства, освящая проручествуемых, и сообщая им особенное дарование сообразно цели их служения, не касается их свободы, тем более, не исторгает мгновенно из сердец их самого корня зла греховного, и, таким образом не претворяет их естества в бесплотное херувимское, а оставляет таким же, как и было – человеческим. И вот почему, в сонмах иереев благоговейных, не стяжательных и до крови верных благодати их предъизбравшей и освятившей, есть и такие, кои нищетой ли будучи вынуждены, или же недугую страстью сребролюбия, смотрят на свой служебный пост, как на обыкновенную мирскую профессию, и измеряют его высоту и достоинство не высотой служения их в царстве Божиим, не дарованиями св. Духа, столь неоцененными, и не теми венцами, кои им воздаст Господь в день оный, а количеством выгод житейских, количеством прибытков и, быть может, не столько праведных, сколько неправедных.

Что таковые неимут вины о гресе своем (Иоан. 15:22), по мере отягчения своей совести излишним пристрастием к земным благам, и следственно, по мере внутренней измены их таинственному помазанию от Святого, это знают они и сами. Итак, в терпении и на уповании, предавая таковых Богу и слову благодати Его, могущему наздати (Деян. 20:32) их более, чем все человеческие назидания, долгом, однако – же, считаем братски припомнить им, что как ни велико зло для человека семейного – нищета и убожество (а зло это крайне велико), но сребролюбие есть зло несравненно большее и горшее, – горшее постольку, поскольку оно есть корень всех зол (1Тим. 6:10). И всякое стяжание неправедное, не говоря уже о том, что оно убивает душу, есть тлетворная ржа, которая будучи внесена, кем бы то ни было, в дом свой, все в нем очумляет и истневает яко прах (Пс. 17:43); но стяжание, чинимое среди лихвы и неправды, хотя бы и вне церкви, но на почве духовных требоисправлений и таинств церковных, это стяжание, в руках пастыря, священная делающего, есть,

своего рода, страшная акелдама (земля крови), в каких бы видах и намерениях она ни приобреталась.

Все это имея в виду, Св. Павел, не только сам проходил свое высокое служение, почти среди непрерывных лишений скудости и тесноты, страдая даже до уз, яко злодей (2Тим. 2:9), но и сотруднику своему Тимофею, а в лице его и всем начальствующим и служащим в церкви Христовой дает такую заповедь: ты же, о человеце Божий сих (сребролюбия и всех его пагубных следствий) бегай: преуспевай же в правде, благочестии и терпении. Подвизайся добрым, подвигом веры, емлися за вечную жизнь, в нюже и зван был еси (1Тим. 6:11,12). Знаю, что труждающемуся делателю прежде всех подобает от плода вкусити (2Тим. 2:6.), как и писание глаголет: достоин делатель мзды своя (Втор. 25:4; 1Тим. 5:18): но имеюще пищу и одеяние сими доволни будем (1Тим. 6:8.); а еже прочее: злопостражди, яко добр воин Иисус Христов: аще бо с ним, умрохом, то с ним и оживем: аще с ним терпим, с ним и воцаримся (3 Тим. 2:3,11,12). Еже во своя времена и явит Он, блаженный Царь царствующих и Господь господствующих, ему же честь и держава вечная. Аминь. (1Тим. 6:15,16).

Примечания

¹ - Встреча иконы бывает утром, до литургии, вне города и довольно далеко от градской заставы, так что с иконой проходится пространство около четырех верст. Кроме того, на месте встречи бывает литания с коленопреклонной молитвой, а по принесении иконы в собор, всегда совершается акафистное пение.

² - Здесь разумеются Евреи, коих в Херсоне очень много.

³ - На Господи воззв. стих. 1 на вознесен.

⁴ - Св. Златоуст, в слове на Вознесение Господне.

⁵ - Празднество принесения чудотворной иконы из сел. Касперовки в Херсон учреждено преосвященным, блаженной памяти, Иннокентием, архиепископом Херсонским. Да помянет его Господь Бог в царстве славы Своей!

⁶ - В бытность Ректором Каменец-Подольской семинарии и настоятелем названного монастыря.

⁷ - Слово на сошествие Святого Духа.

⁸ - Семейство Красинских, о коем сказано в начале.

⁹ - Синаксарь на неделю всех Святых.

¹⁰ - В бытность на чреде священнослужения.

¹¹ - Ефрем. Сирина ч. 2, слово на преоб. Стр. 76.

¹² - Это место при южной стене, и обнесено железной решеткой.

¹³ - Это Султан Махмуд, в ряду Султанов Константинопольских 27-й, отец бывшего Султана Меджида и ныне царствующего Султана Абдул-Азиса.

¹⁴ - В этот день, вслед за литургией, читан был манифест о совершеннолетию Его Высочества Наследника Цесаревича Александра Александровича, а затем происходило молебствие.

¹⁵ - Кан. на успение песн. 3, слава.

¹⁶ - Напр. Св. преподобный Сисой Великий, память его 6 июля.

¹⁷ - При сих словах Преосвященный благословил г. директора гимназии точным списком с чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Касперовской. Икона сия приносится ежегодно в Херсон в день Вознесения Христова.

¹⁸ - В Костроме.

¹⁹ - Прихожан Екатерининского собора составляют большей частью

военнослужащие, чиновники и всякого рода рядовые, мастеровые, инвалиды и т.п.

²⁰ - Дешеша Губернатором получена была в 11 часов перед полуднем, а молебен был в 2 часа по полудню.

²¹ - Ефр. Сир. ч. 4. Слово 138 о посте. Стр. 139.

²² - В бытность на чреде священнослужения.

²³ - В бытность Ректором в Орле.

²⁴ - Молитва по освящении даров на литургии Василия Великого.

²⁵ - В бытность там ректором семинарии.

²⁶ - В бытность в Твери ректором семинарии.

²⁷ - Преосвященнейший Кирилл скончался в 3 часа, по полудни, великого пятка, что было 28 марта; следственно в тот самый час, когда обыкновенно отправляется великая вечерня, и бывает вынос плащаницы.

²⁸ - Погребение покойника было в понедельник на Пасхе; он погребен в Александро-Невской лавре, в церкви св. Иоанна Златоуста.

²⁹ - Покойный, по совершении последней литургии в Каменецком соборе 13 июля, говорил прощальную речь, исполненную сколько неподдельной любви к пастве Подольской, столько же и предчувствий, что он ее более не увидит. Все присутствовавшие в храме, не говоря православные, но и католики и протестанты, и даже католические ксендзы и каноники – все непритворно плакали, слушая, последнее слово кроткого и уже безнадежного к выздоровлению архипастыря.

³⁰ - Архипастырь-страдалец, уже по получении из св. Синода указа, вытерпел две мучительных операции одну 23 апреля (указ получен был 20 апреля), а другую 2 июля, и следственно в продолжении почти двух только месяцев. А сколько ему было сделано подобных операций в продолжение всего девятилетнего страдания его в Каменце!

³¹ - Не говоря уже о православных, многие из иноверцев и даже евреев Каменец-Подольских пользовались его тайными щедротами. И это открылось только тогда, когда получена была весть о его смерти.

³² - Покойный святитель, получив указ о вызове его в столицу, будучи в постели, сказал с глубоким вздохом: тяжел недуг мой, но еду; ибо не смею пререкать воле Божией, изрекаемой в воле царевой.

³³ - Преосвященный Евгений епископ Винницкий, викарий Каменец-Подольский (из магистров 4 курса С.-Петербургской д. академии), живший близ местечка Шаргорода, умер вечером 8 апреля, а весть о его кончине пришла в Каменец 10 числа в 9 часов утра перед самой литургией, которая

готовилась по случаю кончины преосвященного Кирилла.

³⁴ - В бытность там ректором семинарии. Оба воспитанники были из богословенного класса и принадлежали к числу лучших студентов семинарии. Отлично выдержав 8 июля экзамен по богословию, коим заканчивались все частные испытания, оба они прямо из класса отправились со многими другими на реку Котросль, но почти при самом начале, один из них, вскричав, пошел ко дну, а другой – бросился спасать его и остался там же, на глубине около 4 сажень.

³⁵ - Таковы напр.; и похвали Господь дому строителя неправедного (ст. 8); сотворите себе други от мамоны неправды (ст. 9); вечные кровы (ibid); имение неправедное, истинное, чужое, ваше. (ст. 11, 12) и т. п.

³⁶ - Слышаху же сия вся и фарисее сребролюбцы суще – так читается указанный стих.

³⁷ - *Intercedit denique similitudo quaedam inter hanc, et ultimam capituli 15 parabolam. In illa depingitur filius habendi cupidus et bona, paterna profundens; in hac acconomus, habendi cupidus, perfidus, et caet, (Kunol Comment. in Luc. P.583).*

³⁸ - Rosenmull. Scholia in Nov. Test. Tom. 11 Norimbergae in Luc. cap. 16 p. 161, 165.

³⁹ - Стих сей читается так: И аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да егда оскудеете, примут вы в вечныя кровы.

⁴⁰ - Haec, quae v. 11, 12. dicuntur, sunt superiorum explicatio, et cum. iis cohaerere debent (Schol. Rosenmull. in Luc. p. 167).

⁴¹ - Le verset 10 a tout l'air de venir de Math. 25, 21. 23. Il y a un element nouveau et heterogene de la pensoe. Luc. n' a insere ici le v. 10 qu'en vertu du rapport verbal, que les mots *λυτο? πιστο? ἀδικο?* offraient avec la parabole. Les versets 11. 12. uc s' accordent pas plus avec le sens veritable du V. 10, que le v. 10 ne s'accorde avec la pambole de l'econome. – Luc n' a place ce verset (v. 13) ici, qu'a cause du mot *μαμωνας* (Nouvelle revue de Theolog 15 velum. 1860 Paris p. 123, 123).

⁴² - Jesus hanc parabolam p'p'osuit discipulis suis selectis, et Judae Cariothensis, cui communis aerarii cura a Jesu demandata esset (Joh. 13:29), perfidia (Joh. 12:6). Jesu occasionem hujus parabolae dedit. Bertholdus commentatio prima. Erlang. 1814–1819.

⁴³ - Они читаются так: аще убо в неправеднем имении верни не бысте, во истиннем кто веру имет (ст. 11). И аще в чужем верни не бысте, ваше кто вам даст (ст. 12).

⁴⁴ - Rosenmuller, Scholia in Lucam p. 165, 167.

⁴⁵ - Ibidem.

⁴⁶ - Епихеремой называется силлогизм, в коем или к одной которой либо из посылок, или к обоим придается причина.

⁴⁷ - Мысль стиха 12 точно также может быть выражена.

⁴⁸ - Ce serait peu encore, mais notre verset (12) finit par tomber dans le bon sens. Qu est se-que la fidelite dans l'administration de ses propres biens? (Nonvelle revue de TheoLog. 15. volum. p. 123).

⁴⁹ - In verbis v. 9. ποιῆσατε ἑαυτοῖς φίλους ἐκ τοῦ μαμωνᾶ τῆς ἀδικίας, V. D. autumnat, Jesum ironico dicendi genere usum, de opibus male purtis cogitasse et caet. vid. Cement. Cuinoel, vol. 11 p. 584.

⁵⁰ - Commentar. Cuin. in Lucam. p. 585.

⁵¹ - Нужно ли говорить, что это чистый софизм, столько же произвольный, сколько и бездоказательный. Слово ученики действительно встречается, хотя и редко, в значении народа, сопровождавшего Спасителя; но где оно так употребляется, это везде и видно, – видно или из свойств и предикатов, приписываемых тем ученикам, и определяющих, кто они были, или же из контекста, времени и других обстоятельств гермевтических. Из чего же видно, что здесь под учениками должно разуметь народ и во главе его фарисеев и мытарей, но отнюдь не Апостолов? Кроме того, если притча о домоприставнике сказана к тем же личностям, к коим говорены были три притчи предшествовавшие, с тем лишь различием, что теперь к фарисеям и мытарям присоединяются новые слушатели – весь народ; то как понять, что на это соединение Евангелист указывает не соединительно, как бы надлежало, но подобно того, как это видим, например, у того же Евангелиста (18:9), а разделительно, – указывает таким выражением, которое поставляя перед говорящим слушателей новых, всех прежних, кто бы они ни были, решительно устраняет.

⁵² - Черты сходства, кои находят в сих притчах, суть следующие. В последней притче 15 главы изображается сын, желающий собственности (cupidus habendi) и расточающий добро отцовское, а в притче о приставнике представляется домоправитель, тоже желающий собственности и кроме того вероломный обманывавший господина и расточающий его добро (perfidus, dominum defraudens, ejusque bona profundens). Таким образом, сын и домоправитель сходятся в том, что оба желают быть собственниками и расточают чужое имение. Но так ли это? Точно ли эти черты таковы в том и другом из названных субъектов?

Что сын заявлял перед своим отцом желание иметь следующую ему часть (имения), и что он, получив эту часть и удалившись в дальнюю сторону, расточил все, это правда. Но о домостроителе сказать нельзя, чтобы сам он возымел желание оставить должность и господина; управление домом у него отнято. Услышав об этом, он был в большом раздумье, а может быть и горе. Решимость его, на придуманный оборот, явно была следствием необходимости; ибо работать он не мог, а просить стыдился. Такова первая черта сходства. Но вот и вторая! Оставивший отца сын, в собственном смысле, расточил его имение, живя блудно, а о домостроителе, даже и при неверности его, сказать сего нельзя. Евангелие не обвиняет его ни в каких порочных намерениях, а тем более, в действительном распутстве. Цель предпринятого им оборота ограничивалась, по словам самой притчи, тем только, да примут его в дома, когда он будет вне дома, которым управлял и в котором находил не кров только и жилище, но и все потребное для своей жизни.

⁵³ - Не приводя многих толковников, укажем на одного, св. блаженного Феофилакта, который, объясняя слова сии об Апостолах, говорит так, «Вы есте соль земли. – Пророцы бо, рече, во едино место посланы быша, вы же (Апостоли) всея земли есте соль, учением и обличением осоляюще согнание. – Вы есть свет мира, – Прежде убо соль, потом, свет: не один бо язык просветиша Апостоли, но всю вселенную. (Толков. на Мф. гл. 5, зачал. 10: лист. 22, Москва, 1850 года).

⁵⁴ - Например, притча о богаче, коему угобзися нива (Лук. 12:16–21), также, как и притчи: о блудном сыне, об овце и драхме (гл. 15) сказана была Спасителем, случайно и эпизодически и относилась не к тем же личностям, кои доселе Его слушали, и к выступившим из толпы народной, и спорившим между собой – двум братьям. «Сия рече» говор. Блаженный Феофилакт (Ев. Луи. л. 231.). «двум братом, понеже о наследии им бяше пря». Но окончив эту притчу, Христос опять обращается к прежним слушателям и продолжает те же самые наставления, кои ее были прерваны. Причем нельзя не заметить, что Евангелист, упоминая об этой перемене слушателей, выражается точно также, как и перед нашей притчей: рече же ко ученикам своим (гл. 12, ст. 22.). А что здесь под учениками, по преимуществу должно разуметь Апостолов: это видно, как из характера учения, следующего за притчей (гл. 12, ст. 22–53), так и из того, что учение, предложенное к массе народной, начато было уже к концу главы, и отличено особым надписанием: глаголаше же и народом (ст. 54–59).

⁵⁵ - Quotiescunque iu Evangeliiis et Actis Apostolorum (в Деяниях Апостольских это выражение ни разу не встречается) de Jesu sermo sit et oí μαθηταὶ αὐτοῦ (addito hoc pronomine) momerentur. Hac formula notantur uιδώδεκα vel oί έβδομήκοντα et cum nulla causa adsit, quae septuaginta discipulos innui svadeat vel praecipiat, per τοὺς μαθητάς αὐτοῦ, Apostoli semper intelligendi sunt (Bertholdtus loco citato).

⁵⁶ - Что в сем месте, под выражением ученицы Его, разумеются не избранные только ученики Христовы, но и весь народ, это видно из самого содержания проповеди нагорной. Так понимают это место все толковники. Так понимал его и блаженный Феофилакт. Изъясняя выражение: приступиша к Нему ученицы Его, он говорит: «народи бо чудес ради приидоша, поучения ради приступиша... Отверзая же уста учит не ученики токмо, но и народы» (5 Мф. гл., л. 20 на обор. 1870. Москва).

⁵⁷ - Вт. синайском кодексе библии, изданном в 1862 году в Петербурге, Тишендорфом, и относимом к 4 веку, этот стих читается без слова αὐτοῦ – своим: έλεγεν δέ καὶ πρός τοὺς μαθητάς – глаголаше же и ко ученикам. В халдейском позднейшем переводе это место стоит так: умири масала лекис талмиду (стр.307) – и сказал притчу к ученикам своим, а в древнем сирийском, оно читается также, как и в упомянутом греческом, без слова своим: вымар талмиди – сказал же и к ученикам.

⁵⁸ - Избрание двенадцати учеников и наречение их Апостолами было во второй год служения Христова, между пасхами второй и третьей, а притча о приставнике, с тремя предшествовавшими ей, сказана в третий год, между пасхами третьей и четвертой (последней).

⁵⁹ - Иисус Христос в первый раз учил о самоотвержении и крестоношении, будучи в Кесарии Филипповой за несколько дней до Преображения (Лук. 9:23–27); во второй же раз, предлагает это учение после Преображения, уже на пути в Иудею (Лук. 9:51).

⁶⁰ - Schol. Rosenmuller in N. T. Vol. 2. pag. 168.

⁶¹ - В значении доносить, или извещать о чем-либо действительно случившемся, глагол διαβάλλειν встречается во многих местах Священного Писания. Так, например: и возвестися (διεβλήθη; впрочем это не везде; в иных кодексах стоит ἀπηγγέλη) Саулу, яко Мелхола, дочь его, возлюби Давида (1Цар. 18:20); а Мелхола, как известно, действительно любила Давида, вследствие чего и была выдана за него замуж. И приведеша мужи оклеветавшия (διαβαλόντας) Даниила (Дан. 6:24) т. е. привели мужей, донесших царю, что Даниил в продолжении 30 дней, в молитве своей, обращался не к царю, как узаконено было, а к Богу своему, что также было

справедливо; следственно, приведенные к царю мужи, были не клеветники, а только доносители.

⁶² - Употребление глагола могу в таком усиленном значении очень обыкновенно не только в языках греческом и русском, но и во всех древних и новых. Примером из библии и Нового Завета не приводим, ибо их много везде и на всех наречиях.

⁶³ - Мера жидкостей у Евреев называлась ват, а по некоторым вад и бад; но как еврейская буква бет очень похожа на букву каф, то бад произносили и кад. Эта мера заключала в себе 72 секстария, из коих каждый был менее нашего полуштофа, так что один ват содержал в себе немного более 4 наших ведер. Мера веществ сыпучих называлась кор и равнялась десяти Аттическим медимнам, а каждая медимна вмещала в себе около 18 с половиной наших русских четвериков. Таким образом, кор вмещал в себе до 185 четвериков, что составляет более наших 23 четвертей. В настоящее время ни ваты, ни коры не существуют. Оба они в нашей притче названы мерой, потому что в некоторых греческих библиях (перевода 70) тот и другой выражены словом μετρητής, а в других, – словом μέτρον (мера). Отселе матрун вошло и в Сирийскую библию. Замечательно, что оба эти слова со многими другими, каковы: тесма, сундук, алтын, киса и т. п. (все они происхождения Халдейского), через Монголов вошли и в наш язык, и, переродившись сообразно духу языка, первое – в кад или кадку, а второе – в корец (от греческого, κόρος), доселе употребляются почти во всех полосах России, относительно тех же веществ, что и древних народов Азиатских, с той только разностью, что наша кадка, в настоящее время, служит не для меры, а для хранения веществ, жидких и полужидких, каковы: вода, масло, деготь, мед и смола, а корец во многих местах, и не в давнее время служил мерой, вмещающей полчетверти, ныне же принадлежит к числу не крупной, домашней посуды, и употребляется для хранения в небольшом количестве какого-либо зерна, более нужного для домашнего обихода.

⁶⁴ - Wachleri Theologic. annal Jahrg. 1862 p. 126, 122.

⁶⁵ - Указанные приписки находятся не в самом тексте, но или на полях, против слов: (яко сынове и проч.) или внизу страницы, под каким-либо выносным знаком, и принадлежат переписчикам, которые при переписывании, держась одного известного кодекса, сличали его с другими, и встречающиеся между ними разности в чтении отмечали. Один из таковых, греческих кодексов (издан. 1653. Lagduni Betavor.) принадлежал состоявшему при французском дворе в качестве

Бельгийского посланника Болдуину Валлею; в нем на странице 711, внизу стоит приписка: διὸ λέγω ὑμῖν.

⁶⁶ - Sensus verborum Christi, quibus ironia inest, ita constitui debet: Sane homines rebus terrenis unice intenti, et caet. Kuinoel Commentar. Volum 11. Lipsiae. 1824. pag. 593.

⁶⁷ - Те, кои в словах: сыны века сего мудрейши суть и проч. находят иронию, объясняют их так: люди, исключительно занятые предметами земными – люди, промышляющие о себе всеми способами и не пренебрегающие, особенно в приобретении богатства, ни сделками бесчестными, ни явными обманами, ни другими возможными средствами – эти люди в среде своих современников, умнее и благоразумнее, чем те из христиан, кои чужды и должны быть чуждыми всяких неправд и обманов, в деле стяжания благ земных. Но собственно говоря, здесь нет иронии. С понятием ума и сметливости отнюдь не в разладе устроение судьбы, своей ли то, или чужой, всеми возможными средствами. Ирония была бы тогда, когда бы о сынах века сего, наживающихся обманами и неправдами, было сказано, что они честнее, благоденственнее и благосовестнее сынов света.

⁶⁸ - Таков напр. Гуго Гроций в своих изъяснениях Священного Писания (Hugo Grotius Benedict, Ar. montanus).

⁶⁹ - Это, собственно говоря, эбраизм, несвойственный духу греческого языка. Он вошел в употребление в Палестине и Египте, через евреев, там живших, и перед Рождеством Христовым почти всюду говоривших по-гречески.

⁷⁰ - Christ. Kuinoel commentr. Volum. 11. Evang. Luc. cap. 16 p. 595.

⁷¹ - Блаженный Феофилакт в толковании на гл. 16, Лук. Лист. 254.

⁷² - Там же.

⁷³ - Избран. слова св. Амвросия. Киев. 1853. Слово 3, стр. 28.

⁷⁴ - Один из толковников (Chr. Kuinoel comment. Vol. 11 .Evangel Lucae cap. 16 pag. 594) говорит, что слово: мамона в халдейских переводах всегда сопровождается эпитетом дшакер, а шакер, по его словам, тоже что ὀδίκη. Но почтеннейший комментатор не объясняет, что он понимает под переводами, библию ли, или сочинения раввинские, например, Таргум. В последнем действительно встречается слово дшакер в соединении с мамона, но для нас это не авторитетно. Что же касается библии: то едва ли и один раз можно в ней найти выражение: мамона дшакер. Кроме того, если бы где и было, то не должно забывать, что халдейское шакер, также, как и еврейское шекер, не значит неправда (ὀδίκη), а ложь (ψεῦδος);

неправда по-халдейски: нагак. Но как могли вкрасься указанные уклонения от истины, когда во главе сторонников приведенного толкования стоят личности довольно солидные и деловые? Вопрос, по-видимому, не маловажный и не не трудный: но это при первом только взгляде; в сущности же, он решается сам собой и довольно просто. Известно, что немецкие записные экзегеты, приступая к трудам по изъяснению Священного Писания, не ограничиваются отрывочным толкованием каких-либо отдельных мест, а большей частью воспроизводит целые фолианты, объясняя многие, а иногда и все книги того или другого Завета. Это естественно служит причиной, что они, частью по неимению времени, а частью потому, что не сознают и нужды в том, не могут научным образом углубляться в расследования герменистических обстоятельств (в том числе и личного предмета, или слушателей), при каждой, например, толкуемой ими речи Спасителя, будет ли она приточная или открытая. Все внимание их, в сем деле, устремлено не столько на то: к кому и по какому поводу что-либо сказано, сколько на то, как сказанное понимать, сообразно с началами филологических и археологическими, наиболее же с началами того верования, коего каждый из них держится. Таким образом, и в нашей притче, понятие о личном ее предмете, несмотря на то, что оно здесь весьма важно потому, что составляет исходную точку для уразумения притчи не в частях только, но и в отдельных выражениях, сложилось наскоро и под влиянием мнений рутинных, предзанятых и односторонних. Эта-то односторонность в определении слушателей притчи и была причиной, что одни из толковников укоротили притчу и отделили от нее четыре последних стиха, другие – продолжили ее до конца, но извратили смысл всего девятого стиха, предположив в нем иронию, и те, и другие дали слову ἄδικία значение несобственное, и допустили явную натяжку в последнем выводе. К предпоследней неправильности, между прочим, много способствовало и то, что в стихах, следующих за девятым, опять встречается богатство (мамона) или имение неправедное, но встречается уже не одиночно, а в противоположении с богатством истинным.

⁷⁵ - Commentar. Balduin. Vilaei. 1653 Lugdun. Batavorum. pp. 711, 712.

⁷⁶ - Таков, например, синайский, изданный Тишендорфом, и относимый им к 4 веку (том 4, лист. 41, на обороте в столбце 2).

⁷⁷ - В самом тексте стоит в единственном числе: «тимли», но под чертой, внизу страницы пояснено, что в других кодексах читается во множественном: «темитун».

⁷⁸ - Гризбахий, Кнаппий и другие.

⁷⁹ - Например, Беза, Гризбахий и другие. Да и в нашем Евангелии, как по-славянски, так и по-русски стоит в положительной степени: в мале, в малом.

⁸⁰ - Таковы: блаженный Иероним в своей Вулгате, Балдуин Валеи в своих комментариях (стр. 712), Розен-Миллер, Кинель, и многие другие.

⁸¹ - Qui fidelis est in minimo, et in majori fidelis est, – так стоит в переводе Иеронима, известном под названием – Vulgata.

⁸² - Сирохалдейское раба есть такое слово, которое одно, соединяясь с прилагательными и наречиями, возводит их в превосходную степень; но служа другим в названной степени, само оно, восходя на ту же степень, остается без услуги от других и не терпит никакого изменения. Правда иногда оно усугубляет само себя (раба раба – очень великий); но это есть общее свойство и других прилагательных, которые, чтобы усилить и возвысить свое знаменование, иногда удвояют себя, а иногда и утраивают (кадиш, кадиш, кадиш – свят, свят, свят).

⁸³ - Так, например, в словах Спасителя о Иоанне Крестителе слово большой (Мф. 11:11), в древнем Евангелии, виденном мной в Тифлисе у несторианского митрополита Мар Иосифа, стоит раба (великий), а в том, что у меня, несколько позднейшем: буш гура (гораздо великий).

⁸⁴ - Употребление слова: раб раба, в библиях еврейской и сирохалдейской в значении превосходной степени очень нередко, отселе и греческое πολὺς (иногда и μέγας – великий), нередко встречается в усиленном, значении; так, например, μιοθὸς πολὺς – награда велия (Быт. 15:1), ποκκὴ ἄβυσσος бездна многа (Псал. 35:7) θυμὸς πολὺς – ярость велия (Дан. 11:44), σοφία πολλή – премудрость велия (3Цар. 4:29), θλίψις μεγάλη – скорбь велия (Мф. 24:21).

⁸⁵ - Дополнив энтимему меньшей посылкой, и отняв причину от большей, будем иметь силлогизм такой: никто не может служить двум господам (противоположным); а как Бог и мамона, суть два господина совершенно различные: следственно, и вы не можете и проч.

⁸⁶ - Это эбразизм. Сравнительные частицы в древнем Еврейском языке употреблялись очень редко; большей частью нет их и там, где они могли бы быть весьма нелишни для уяснения мысли. Посему 70 толковников, перелагая Библию с Еврейского языка на Греческий, во многих местах находили эти частицы до того нужными, что, вставляя их, как бы пополняли текст Еврейский. Так напр. Притч. Солом, гл. 25, ст. 25, 26.

⁸⁷ - Δίῳ κυρίῳθς, τοὺς τὰ ἐναντία ἐπιτάττοντας λέγει ἐνταῦθα ὁ Χριστὸς. (Chrisostomi Homil. 22 in Matth. p. 57).

⁸⁸ - Сюда же принадлежат места: Быт. 29:30–33; Рим. 9:13 и другие.

⁸⁹ - Что всегда могут быть и есть в среде людской такие, из коих одни, отрекшись мира и благ его, служат по мере сил одному Богу, а другие, увлекаясь мудрованием плоти и крови, и стараясь, как бы, не ведать Бога истинного, раболепствуют яко Богу, или чреву своему, или земному богатству, сего мы не опускаем из вида, но и не разумеем здесь, потому что говорил не о крайностях, составляющих исключения, а о середине, – о большинстве человечества.

⁹⁰ - В таком значении встречаем это слово в посланиях Апостола Павла, например, 1Сол. 5:14 (ἀντέχεσθε ἀσθενῶν – заботьтесь о слабых, в видах поддержания их) и Тит. 1:8. (ἀωτεχόμενον τοῦ πικοῦ λόγου – (подобает епископу быть) прилежно занимающемуся верным словом).

⁹¹ - «Два господина, глаголет, си есть, Бога и мамону» (Толков. Феофилакта на Евангелие Мф. 6. лист 28).

⁹² - Hinc perspicue patet, intelligendum esse idolum, quod divitiis praeesse putabatur (смотри Barthii Adversar. L. 55, c. 4. L. 60. p. 2978).

⁹³ - Δουλεύειν τῷ μαμωνᾷ est servire opibus, i. 6, cupiditati magnas opes et facultates corradendi (Rosenmull. in. Matth. p 128).

⁹⁴ - По первому значению – смысл такой: вы не можете работать Богу истинному, подателю всякого блага, и богу мнимому – обладателю благами земными. По второму: вы не можете служить Богу, стараясь благоугождать пред Ним, и земному богатству, безмерно заботясь о его приобретении и умножении.

⁹⁵ - «Не возбраняет же делати, но (возбраняет) предаватися присному попечению (о делах житейских) и презирати дело духовное и от Бога удалятися: тем же убо делати умеренно подобает и о души пещися» (Феофил. на Ев. Матфея гл. 6 лист 28 на обор.).

⁹⁶ - Бесед. 2. к Антиох. Народ. in folio. Киев. 1824. лист. 20. на обор. и 22. – Сюда же должно отнести слова Блаженного Феофилакта: «несмы господия имению, ничто же бо имамы своего, но икономы и приставницы чужим суще, приставлени есмы ему (имению) от владыки нашего (Бога), да добре е строим, и якоже Он повелевает: повелевает же владычня суща нищим уделяти, да от них прияти будем в вечные кровы» (Толк. на Еван. от Лук. лист. 254).

⁹⁷ - У греков она же выражалась так: ἀμαρτάνει καὶ σωφοῦ σωφότητος –

погрешает и мудрейший из мудрых.

Содержание

Несколько слов и речей с присовокуплением Притчи о неправедном домоправителе архиепископ Софония (Сокольский)	1
Речь Святейшему Синоду при наречении во Епископа Новомиргородского 28-го Февраля 1863 г.	2
Слово при первом служении в Херсонском соборе 9-го мая 1863 года, в день Вознесения Господня и по принесении в город чудотворной иконы Богоматери из селения Касперовки	5
Слово на тот же день Вознесения Господня и по принесении в Херсон той же иконы, сказанное в соборе 28-го мая 1864 г.	10
Слово на тот же день и по принесении той же иконы, сказанное в Соборе	16
Слово на тот же день Вознесения Христова и по принесении в город той же иконы Богоматери, сказанное 5-го мая 1866 года	23
Речь перед вечерней в день Пятидесятницы; произнесена в Херсонском соборе 19 мая 1863 г.	30
Слово на день Пятидесятницы и по случаю присоединения к православию католического семейства графа Красинского, сказанное в Свято-Троицком Каменецком монастыре 30-го мая 1843 годаб	32
Слово на день сошествия Святого Духа, говоренное в Херсонском Успенском соборе	39
Слово на неделю всех святых, говоренное в Херсонском соборе 26-го мая 1863 г.	45
Слово на день рождения благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны,	51

говоренное в Казанском (в Петербурге) соборе в 1844 году ¹⁰	54
Слово на день Преображения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, говоренное в Херсонском соборе 1863 г.	57
Слово на день Успения Божией Матери, произнесенное в Херсонском (Успенском) соборе в 1863 г.	63
Слово на тот же день Успения Приснодевы и в том же соборе сказанное в 1865 г.	69
Слово на тот же день Успения Пренепорочной Девы-Богородицы, в том же Успенском соборе сказанное в 1866 г.	74
Речь произнесенная 5-го сентября 1863 года, в новоотстроенном здании для Херсонской гимназии, по освящении его и по молебне перед начатием учения	81
Слово на день Покрова Пресвятой Богородицы, говоренное в Херсонском Успенском собора в 1867 г.	84
Слово произнесенное в Херсонском Екатерининском, что в крепости, соборе, при его обновлении 7-го октября 1863 г.	90
Речь перед благодарным молебствием о благополучно совершившемся бракосочетании Государя Наследника, сказанная в Херсонском Успенском соборе 28-го октября 1866 г.	95
Слово на неделю восемнадцатую, сказанное в Херсонском соборе в 1863 г.	97
Слово на новый 1867 год; произнесено в Херсонском Успенском соборе	103
Слово на восшествие на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича; говорено в Херсонском соборе 19-го Февраля 1867 г.	109

Слово на неделю православия, сказанное в Казанском соборе (в Петербурге) в 1845 году ²²	114
Речь к воспитанникам Орловской семинарии ²³ , по приобщении Св. Таин; говорена в домово́й Семинарской церкви 15-го Февраля 1839 г.	121
Речь к воспитанникам той же семинарии и потому же случаю, произнесенная в Семинарской церкви в великий четверток 15-го апреля 1837 г.	124
Речь к воспитанникам Тверской семинарии ²⁵ по приобщении св. таин; говорена в Тверской Борисоглебской церкви 24 Февраля 1846 г.	127
Слово по выносе плащаницы, на вечерни в великий пяток; сказано в Херсонском соборе в 1865 г.	130
Слово на Великий пяток, говоренное в том же соборе 1869 г.	137
Слово на день Благовещения и вторник светлой недели, говорено в Тверском кафедральном соборе в 1847 году ²⁶	143
Слово на первую годовщину 4-го апреля, сказанное в Херсонском соборе в 1866 г.	149
Слово перед присягой, в день Преполовения, по случаю открытия земских учреждений и избрания для них членов; произнесено в Херсонском соборе в 1867 г.	155
Слово перед панихидой, по получении известия из Петербурга о кончине там Преосвященнейшего Кирилла. Архиепископа Подольского;	160
Слово при погребении двух утонувших воспитанников Ярославской семинарии ³⁴ сказанное 10 июля 1845 г.	166
Речь при открытии в Херсоне Окружного Суда 13-го апреля 1869 г.	171
Обозрение притчи о неправедном домоправителе	174

1	175
2	181
3	190
1) Повод, по коему притча сказана	191
2) Цель притчи различная по различию слушателей	193
3) Конечный предел притчи и ее нравоучение	196
Изъяснение притчи о неправедном домоправителе	202
Часть повествовательная	203
Нравоучение	213
Заключение	235
Примечания	240